

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (86) — 2018

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru
Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2018
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2018

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 (86) — 2018

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. V. N. Egorov, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. N. B. Gafizova (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. I. N. Smirnova (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. E. V. Pankratova (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Мы представляем вашему вниманию первый номер журнала за 2018 год. Его тематика многообразна, как многообразны и проблемы, связанные с положением женщин в России. За прошедший год значительно расширилась география авторов и читателей журнала. Мы приветствуем всех, кого волнуют проблемы гендерного неравенства в современном обществе.

Гендерная социология открывает широкие возможности для актуализации исследований, посвященных повышению роли женщин в сферах экономики, образования, государственного управления, семейно-брачных отношений. Рубрики журнала сохраняются по всем обозначенным направлениям. Вместе с тем, изучая гендерную политику государства в XXI веке, мы отдаем себе отчет в том, что в российских женщинах заложена сильная энергетика созидания, которая передается из поколения в поколение. Считаем, что наш долг как ученых — раскрыть современницам новые страницы истории, повествующие о российских женщинах XVIII — начала XX века, чьи имена мало известны, но вся их жизнь является примером мужества и стойкости в борьбе за право на самореализацию. Исторические исследования о социально значимой деятельности российских женщин размещены в первом номере журнала в рубрике «Гендерная история».

Еще одна тема, которой редакционная коллегия планирует уделить особое внимание в текущем году, — это предоставление женщинам и мужчинам равноправного и эффективного участия в цифровой экономике, выявление проблем и разработка технологий преодоления ситуаций, когда цифровые системы и информационно-коммуникативные технологии могут стать факторами, определяющими социальное и экономическое

неравенство между мужчинами и женщинами. В 2018 году этой проблеме будет посвящена всероссийская научная конференция, ход и результаты дискуссии мы также планируем осветить на страницах журнала.

В новом году мы продолжим публикацию исследований, посвященных гендерным аспектам развития человеческого капитала. К печати готовятся научные статьи, раскрывающие различные аспекты гендерного неравенства, а также стратегии, определяющие создание равных возможностей для самореализации женщин и мужчин в ходе общественного развития.

Позвольте от имени редакционной коллегии пожелать всем авторам и читателям нашего журнала успехов и осуществления творческих планов!

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 5—18
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 5—18
ББК 60.542.18
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1

ПОЖИЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ: «ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ» ВОЗРАСТА И ГЕНДЕРА

И. А. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, soc28@yandex.ru

В центре внимания автора — особенности «предписанных» сценариев старения женщин в современной России. Поставлена задача продвинуться в понимании социологии старения и возможностей социальной инклюзии пожилых женщин, что интересует ученых много меньше проблем молодежи. Данная тема находится на стыке социологии личности, гендерной социологии, возрастной психологии, социальной антропологии, социальной работы и пр. Автор исходит из того, что пожилые женщины подвергаются двойной стигматизации — как женщины и как пожилые.

Анализируется, в каких направлениях меняются социальные ожидания, как формируется в настоящее время идентичность женщин. Социально-экономическим контекстом старения сегодня являются увеличение продолжительности жизни, сокращение ресурсов на обеспечение старости и неопределенность будущего.

Исключение эйджизма (возрастная дискриминация) на институциональном уровне и в общественном дискурсе предполагает кардинальную смену парадигмы старения. Это касается как субъективной идентичности, так и социальных предписаний. Вовлечение пожилых женщин в более разнообразные условия жизни требует критического переосмысления эйджизма, укорененного на институциональном уровне. В России, где не только растет доля пожилых женщин, но и велика разница в средней продолжительности жизни женщин и мужчин, проблемы, которые испытывают женщины на разных этапах жизненного цикла, обуславливают их низкий социальный статус в старости.

© Григорьева И. А., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 14-18-03434 «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Возможностью продуктивно реализовать поздний возраст, имея профессиональную занятость или активную общественную работу, т. е. не переходя границу «социальной старости», пользуются в основном высококвалифицированные женщины. В то же время популярная идея активного старения не столько освободила женщин от социальных стереотипов и ограничений, сколько обязала их постоянно поддерживать определенную физическую форму, чтобы выглядеть моложе. Поэтому нет оснований считать, что социальные предписания смягчаются, а положение пожилых женщин заметно улучшается.

Ключевые слова: пожилые женщины, социальные предписания, сценарии жизни, эйджизм, идентичность.

ELDERLY WOMEN: OVER THE HILL — AGE- AND GENDER-WISE

I. A. Grigorieva

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation, soc28@yandex.ru

Author focuses on the features of “prescribed” scenarios of women’ aging in modern Russia. The main goal of the article is to move forward in understanding the sociology of aging and opportunities for social inclusion of older women. This seems to be of much lesser interest for scholars than problems of youth. The topic is located at the intersection of sociology of individual/personality, gender sociology, age psychology, social anthropology, social work, etc. We proceed from the assumption that older women are subjected to double stigmatization — both as women and as the old. The article analyzes the directions social expectations are changing in, how the identity of women is being formed at the present time. Today, the socio-economic context of aging could be described as consisting of the increase in life expectancy, reduction in resources to ensure old age and uncertainty about the future.

Removal of ageism at institutional level and in public discourse means a radical change in the paradigm of aging. This applies to both subjective identity and social prescriptions. Involving older women in more diverse living conditions requires critical rethinking of ageism rooted at the institutional level. In Russia both the proportion of older women and the difference in the average life expectancy of women and men are increasing. These trends can’t but negatively influence women’s low social status in the old age.

Possibilities to realize the late age productively, to continue professional employment or active public work, i. e. not to pass the border of “social old age”, is mainly exercised by highly qualified women. At the same time, a popular idea of active aging not only freed women from social stereotypes and restrictions but obliged them to constantly maintain definite physical form in order to look younger. Therefore, there is no reason to believe that social regulations are softening and the situation of older women is improving noticeably.

Key words: elderly women, social attitudes, life courses, ageism, identity.

Введение

В настоящее время в социологии обозначились парадоксы интерпретаций старения и статуса пожилых, поскольку представления о социально-возрастных группах как базовых категориях социального порядка перегружены устойчивыми стереотипами. Кроме того, проблематика молодежи как будущего общества все еще преобладает над проблематикой пожилых. Тезис «будущее современного общества — пожилые» вызывает испуг, несмотря на быстрый рост числа пожилых не только в развитых социальных государствах, но и повсеместно, возможно, потому, что «старение» и «пожилые» слабо интегрированы в проблематику социологии. В России старение имеет отчетливо «женское лицо», поэтому в центре внимания автора именно пожилые женщины.

Отметим столкновение способов проблематизации. В сознании не только населения, но и специалистов — от медицины до социологии — обнаруживается дилемма гуманности/эффективности в отношении «людей старшего возраста». Она связана с выяснением того, что является адекватным отношением к ним и помощью. По сути, это переформулированная старая дилемма: кем являются пожилые — носителями мудрости или немощности?

Современные дискуссии о различного рода эпистемологических интервенциях и неустойчивый статус постнеклассической социологии позволяют нам рассуждать на данную тему, находящуюся на стыке социологии личности, гендерной социологии, возрастной психологии, социальной антропологии, социальной работы и пр. Наша задача — продвинуться в понимании социологии старения и возможностей социальной инклюзии пожилых женщин, что интересует ученых много меньше социологии молодежи.

Сегодня демографы и даже медики много пишут о том, что старение наступает позже и нелинейно связано с возрастом. Появились поддержанные на политическом уровне концепты «активное старение», «активное долголетие» и, в последнее время, «отсроченное старение». В ответ на ситуацию позже наступающего старения в нескольких европейских странах уже отменили верхнюю границу пенсионного возраста, предоставив людям самостоятельно решать, продолжать работу или нет за пределами трудового стажа, необходимого для получения пенсии.

В России факт более позднего наступления старения пока не осознан, а большинство населения считает благом низкий пенсионный возраст, не осознавая, что за этой границей располагается пространство дискриминации. Закономерно, что возможностью продуктивно реализовать поздний возраст, продолжая работать, т. е. не переходя границу «социальной старости», пользуются в основном высококвалифицированные женщины. В то же время идея активного старения не столько освободила от стереотипов и ограничений, сколько обязала постоянно поддерживать определенную физическую форму. Подобный «контроль стареющего тела» также может рассматриваться как жесткая практика.

Таким образом, исследовательские вопросы статьи связаны с выявлением расхождений между индивидуальными сценариями, идентичностями и социальными ожиданиями по отношению к стареющим женщинам на разных уровнях.

«Предписанные» сценарии старения женщин

Изучение российской социально-политической риторики и практики в XX столетии убеждает, по мнению О. А. Хасбулатовой, в том, что «содержащиеся в партийных документах и речах государственных деятелей методологические посылы о второстепенной роли женщины в политике были достаточно успешно адаптированы к социокультурным традициям российского общества, положены в основу гендерных стереотипов советского периода и перешли в XXI век» [Хасбулатова, 2001: 21].

Тем более эти стереотипы сохранились в отношении пожилых женщин. Их роль как основных субъектов семейной помощи и заботы требует дополнительного изучения и не может считаться безусловной. В эпоху «развитого социализма» в связи с нуклеаризацией семьи и развитием детских учреждений казалось, что значение прародителей в семье, по крайней мере городской, уменьшается. Так, в довольно обстоятельной работе З. А. Янковой, посвященной советским женщинам [Янкова, 1978], о пожилых женщинах, их семейных, производственных и тем более политических ролях ничего не говорится. Точнее, женщины в этой книге как бы не имеют возраста, но изложение фокусируется вокруг проблем, характерных для женщин, совмещающих трудовые и семейные заботы, имеющих детей не старше школьного возраста. В этой же книге цитируются материалы одного из первых биографических исследований о женщинах в СССР [100 интервью... , 1975], где красной нитью проходит мысль о том, что, кем бы ни была женщина — министром или работницей, она никогда не утратит права быть матерью, хозяйкой. О том, что она еще может быть бабушкой и заботиться о детях и внуках, просто не упоминается.

Значимость контактов прямых родственников разных поколений, в основе которых лежит стремление к общению, эмоциональной поддержке и взаимопомощи, одной из первых была проанализирована группой ленинградских социологов [Ружже, Елисеева, Кадибур, 1983]. Значение мотива заботы о детях и внуках тогда же исследовал В. Д. Шапиро, по данным которого 49 % женщин и 29 % мужчин считали, что после выхода на пенсию они стали приносить семье больше пользы [Шапиро, 1980: 48].

В настоящее время значительное число пожилых женщин после достижения пенсионного возраста, т. е. «возраста нетрудоспособности», продолжают еще некоторое время работать, но обычно не дольше 60 лет. Уйдя с работы, многие женщины посвящают себя домашнему хозяйству, фактически почти полностью занимаясь его ведением в семьях детей. Однако со временем, как показала И. Л. Сизова, анализируя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2016 г., в семьях постепенно происходит выключение пожилых женщин из сферы принятия решений по семейным и домашним делам. Особенно резко сокращается их влияние в сфере занятости и образования членов семьи, а также в принятии решений о денежных расходах. В молодой возрастной группе женщина еще влияет на многие сферы семейной жизни, но с возрастом она принимает участие только в денежных расходах и повседневных покупках [Сизова, 2017].

И все же можно предположить, что самоощущение старости у российских женщин будет отодвигаться, даже вопреки ее нормативной кодификации [Петрова, 2015]. Отметим, что представления о смещении старости далеко за пенсионный возраст становятся общепринятыми в развитых странах, хотя там он выше, чем в России. Скорее кажется странным кодифицирование женщин 55 лет как старых, получающих трудовую пенсию «по старости». Кроме того, это запутывает ситуацию, требует различения пожилых и пенсионеров, создает странную ситуацию, когда пенсионеров/пенсионерок больше, чем пожилых, о чем мы не раз писали (см., напр.: [Григорьева, 2005]). Но наше государство в этом вопросе проявляет плохо мотивированную и неоправданную осторожность. Информация о необходимости повышения пенсионного возраста вбрасывается регулярно, но как это будет происходить и какой вариант повышения окажется наиболее приемлемым для населения, не обсуждается.

Однако нас интересуют не сами события, связанные с наступлением пожилого возраста, а отношение к ним женщин и представления социального окружения о том, как следует им жить. Это связано с преобладающей в социологии конструкцией индивида как статусно-ролевого набора, который усваивается и заставляет индивидов принимать требования «социального бес-сознательного» («Id»).

Это описательный и в то же время нормативный образ самости, сложившийся у других людей, «социальное Я». Конечно, сознание осуществляет отбор образов, поскольку выбранные образы (обычно созданные людьми или значимыми для человека литературными источниками) оказывают огромное влияние на его идентичность. Он должен учитывать свое «социальное Я» не только тогда, когда хочет преуспеть в социальном окружении; абсурдно отрицать тот факт, что те люди, мнение которых не представляет для него особого интереса, все же могут иметь знание о нем и тем самым его ограничивать.

Значительная часть того, что индивиды думают, чувствуют и даже представляют собой, определяется логикой культуры, к которой они принадлежат. Способность индивида дистанцироваться от коллективных единиц, таких как семья, соседство, трудовой и другие коллективы, выступает поздним результатом развития общества. Фактически этот результат проявляется в полной мере только в постсовременном обществе, но и здесь у индивида есть нормативные самообразы, с той лишь разницей, что их теперь формируют не только книги, но в большей степени СМИ.

Начнем с образа пожилой женщины, который транслируется через русские сказки, знакомые нам с детства. Это, конечно, Баба-яга или, в современном варианте, старуха Шапокляк. Такая символизация сразу задает траекторию движения: на заключительном этапе жизни женщину ждет превращение в злую и уродливую старуху. Антропологические премудрости о двойственном смысле образа Бабы-яги детям неведомы, достаточно того, что образ отталкивающий и пугающий.

В российской истории даже в среде высших классов тоже мало позитивных образцов старения. Так, А. В. Белова отмечает, что «в восприятии российских дворянок XVIII — середины XIX в. старость как возраст жизни, помимо полноты самоощущения и исполненности индивидуального проекта (“лета”,

“век”), — нисходящая фаза жизненного цикла (“склон лет”). Объективное возрастание с годами, как в любом традиционном обществе, социальных потенций и амбиций субъективно снижалось осознанием собственной физической беспомощности, асоциальности, психологического бессилия в осуществлении желаний. Будучи временем эмоционального подведения итогов, возраст старости предполагал компенсацию событийной разреженности настоящего ретроспективным обращением к насыщенному опытами и переживаниями прошлomu. При этом повседневность пожилых провинциалок отличалась большой хозяйственной занятостью и интенсивностью распорядительной деятельности, вплоть до деспотизма по отношению к многочисленным домочадцам обоего пола» [Белова, 2009: 57].

Образ женщины в современной отечественной рекламе, как подчеркивает И. Н. Тартаковская, показан в двух вариантах — либо как прилежной домохозяйки, либо как сексуально-эстетического объекта, который в силу приобретения какой-то вещи становится еще неотразимее: «Если она и предстает в роли эксперта, то чаще всего эксперта в области косметики, в лучшем случае это лекарства или корм для собак и кошек. В основном же женщина предстает в рекламе как предмет потребления, не очень в этом смысле отличный от того, что она конкретно рекламирует» [Тартаковская, 1997: 72]. Что же касается пожилых женщин, то их задача в рекламе — порекомендовать лучшее лекарство, правильный сорт растительного масла или стирального порошка. Это либо заботливые «бабушки», либо беспомощные и растерянные старушки, которых нужно переводить через улицу.

Женские и мужские образы, представляемые в телепрограммах и фильмах, в большинстве случаев стереотипизированы. Мужчины выглядят предприимчивыми, активными, деловыми; женщины привлекательны, зависимы, заботливы. В телепередачах постоянно сравнение старения и молодости: человек пожилого возраста ставится в условия конкуренции с теми, кто моложе. «Быть» и «оставаться» женщиной или мужчиной необходимо «несмотря» на возраст; таким образом, предполагается, что в результате работы, проведенной согласно предоставленным рекомендациям, должен быть достигнут не только эстетический эффект, но и нормативный идеал женственности/мужественности.

Необходимость привести стареющее тело в состояние, соответствующее идеалу сексуально привлекательного, красивого, молодого тела, и невозможность этого понимается как провал, неудача в исполнении дискурсивного предписания, правда, существенного в первую очередь для женщин. Выглядеть «моложе своего возраста», «контролировать стареющее тело» для женщины становится чем-то вроде социального обязательства, при том что никто не знает нормативов, они сугубо конвенциональны.

А. Н. Низамова соглашается с британской исследовательницей Дж. Твигг (J. Twigg), а мы — с обеими в том, что современная дискуссия об активном долголетии в отношении внешнего вида в старшем возрасте становится полем, в котором субъект призывается к постоянным переговорам между осмыслением себя, своей телесности и способами умолчания об этом при помощи выполнения предписанных действий, а также потребления средств и услуг [Низамова, 2016]. Скрывать свой возраст — вот истинная задача активного старения!

В нормативных представлениях, формируемых и транслируемых государством и СМИ, женщины в пожилом возрасте воспринимаются скорее как нагрузка на бюджет. Они требуют новых социальных расходов и предъявляют повышенные потребности в уходе и лечении, тогда как мужчины выступают общественным ресурсом. Такое представление не возникло одномоментно, оно укоренено в профессиональных и материальных проблемах общества, в котором ценилось только участие в общественном производстве, а люди считались трудовым ресурсом. Сколько же стоит упомянутое ведение хозяйства, уход за внуками и разные другие формы заботы, у нас как-то не принято считать. Обслуживание внуков и детей считается наилучшим уделом «бабушек», поскольку «безвнучатая старость» — несчастье.

Можно сделать вывод, что в гендерном порядке в настоящее время сохраняются традиционные гендерные стереотипы, обосновывающие структурное социальное неравенство по принципу пола и возраста: женщина — товар, мужчина — покупатель, молодые женщины имеют право на выбор, а пожилые должны следовать традициям общества. Так, отмечают М. Э. Елютина и О. А. Трофимова, на «брачном рынке» мужчина — кормилец, хозяин, обеспечивает достаток, женщина платит за достаток своей молодостью (Елютина, Трофимова, 2017). Обратная ситуация, когда в семье или партнерстве женщина платит социальным статусом и достатком, а мужчина — своей молодостью, в России пока встречается крайне редко.

Идентичность и идентичности

Социальную идентичность можно представить двояко: как результат определенного жизненного пути конкретного человека и как то в индивиде, что обусловлено социокультурным контекстом.

Исследователи идентичности обращают особое внимание на трансформацию практик идентификации, связанную с ценностным плюрализмом, процессом глобализации, формированием общества знания и другими происходящими сегодня процессами. С разных точек зрения эта проблематика осмысливается П. Бурдье, который поднимает вопрос о социальных механизмах приписывания значений тем или иным идентичностям (Бурдье, 2007), Э. Гидденсом, определяющим современные черты идентичности активной личности в эпоху глобализации (Гидденс, 2004). Ю. Хабермас описал формирование «клиента социального государства» под натиском «системного мира» (Хабермас, 1993); З. Бауман — идентичность человека эпохи индивидуализированного и пребывающего в состоянии неопределенности общества (Бауман, 2002).

В современных теориях личность нестабильна, противоречива, постоянно находится в процессе становления, а ее идентичность — это нечто фрагментированное и постоянно меняющееся. Однако те же феминистские социологи, перечисляя многомерные структуры идентичности современной личности и политическую релевантность этих идентичностей, указывают, что минимальный набор различий, которые должны быть признаваемы, — класс, религия и пол, но почему-то забывают про возраст, который и политически, и биографически очень важен.

Концепт «общество для всех возрастов» как антитеза «кризису или угрозе старения» сталкивается с проблемой его рационализации как в российской социологии, так и в российской действительности. Подчеркнем, что общество, в котором нет эйджизма (возрастная дискриминация), — это существенно больше, чем активное и благополучное долголетие, о котором уже немало написано [Мадридский план, 2002; Рогозин, 2012; Шмерлина, 2016; Низамова, 2016]. Но это и общество, в котором у старости, равно как и у других возрастных периодов, в попытке борьбы с возрастным неравенством отнят собственный, специфический смысл.

Требование быть продуктивным и молодежавым (если не молодым) отнимает у такого этапа жизни, как старение, его собственный смысл и ценность. Дряхлость тем самым отрицается как случайный дефект, непреднамеренное последствие. А вот для мудрости никак не наступает время... Продуктивный, т. е. направленный вовне, социально полезный, пожилой человек когда-то должен уступить место старику, направленному на осознание смысла собственной жизни. В христианстве считается, что умереть нераскаянным — грех. Сегодня труд раскаяния заменен трудом поисков смысла прожитой жизни. Но если человек не думал об этом в течение жизни, то в старости его может ждать одиночество и разочарование.

Для понимания эйджизма мы используем аналогию с феминизмом. Рассматривая различные направления феминизма (иногда на Западе говорят даже о феминизмах) в поисках подобных аналогий, можно в самом общем виде сказать, что ключевой темой является дилемма сходства или различий женщин и мужчин, в аспекте эйджизма соответственно молодых и пожилых. Как пишет Э. Айзенштейн, «тема “различий” стала интегральной для современной феминистской мысли, по крайней мере со времени публикации «Второго пола» Симоны де Бовуар и в особенности — со времени возрождения женского движения в 1960-е годы» (цит. по: [Воронина, 2004: 7]).

Отмечено, что феминистские школы «...структурировались вокруг темы равенства, сходства и различий» [там же: 8]. Обойти вопрос о сходстве и различиях женщин и мужчин невозможно, потому что вся традиционная культура основана на принципе противоположности и иерархичности мужского и женского начал. Отсюда вытекает идеология не только дифференциации, но стратификации статусов мужчин и женщин в обществе. Именно как результат поиска ответов на вопросы, социально тождественны женщины и мужчины или они различны, в чем именно заключаются различия между женщинами и мужчинами, каковы их причины и последствия, и выросла феминистская теория.

Требовалось осознать наличие дискриминации женщин в обществе и убежденность в том, что вторичность социального статуса женщин не детерминирована биологическими различиями полов. Собственно, задачей и была ликвидация дискриминации там, где основанием для нее выступает биологический пол (например, на рынке труда, где репродуктивная роль женщин часто является основанием для профессиональной дискриминации). Хронологический возраст пока воспринимается как безусловно дифференцирующая характеристика индивида, подобно биологическому полу. Но возраст, интерпретируемый как независимая доминанта, становится, по мнению М. Эпштейна, «вопросом перформанса,

принятой возрастной стилизации» [Эпштейн, 2006]. Возможно, скоро изучение «возрастного дисплея» станет столь же популярным, как совсем недавно «гендерного дисплея».

Предлагаем, например, следующее определение: *возраст* — это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о младших и старших / молодых и пожилых как базовых категориях социального порядка. Естественно, получается, что возраст или возрастная самопрезентация зависит от социального и исторического контекста, а идентичность — перформативна.

Возраст в таком определении также перестает быть аскриптивным, а возрастные отношения могут рассматриваться как социально организованные отношения власти и неравенства. В рамках марксистского подхода неравенство в производственных отношениях можно трактовать как преимущество опытных и квалифицированных «старых» работников перед молодыми, наставников перед учениками. В гендерных же отношениях — молодых женщин над пожилыми, причем почти везде и во всем.

В современном производстве, когда оборотный капитал опыта обесценивается и отстывает перед постоянно обновляющимся знанием, молодежь занимает лидирующие места, а пожилые отстают, особенно когда речь идет об ИКТ и разнообразных гаджетах — символах информационной продвинутости. Мы также видим смещение ролевого репертуара в сторону расширения временного пространства молодежных ролей студента, молодожена, молодой матери, которой сегодня многие становятся довольно поздно. Молодежные роли дают определенные выгоды, связанные с меньшей социальной ответственностью, свободой от обязательств, возможностью распоряжаться своим временем и использовать его для досуга, что в современном обществе рассматривается как индивидуализированное владение важным капиталом или невоспроизводимым социальным ресурсом.

Наличие подобных индивидуальных ресурсов дает широкие возможности для включения в общество потребления, где время ценится не за возможность больше работать, а за возможность потреблять разнообразные удовольствия. Вместо следования культурно-ролевому стандарту, который совсем недавно предписывал пожилым сужение и снижение потребностей (десоциализация), новое поколение пожилых конструирует себя как активных потребителей, «которые этого достойны». Появились первые публикации, где речь идет об «эгоистичном поколении» [Хиггс, Джиллеард, 2014], которое к тому же ничуть этого не стыдится. Но не стыдится именно потому, что не хочет уступать в стиле потребления молодым, которых современное общество «поднимает». Таким образом, «возраст мудрости» отменяется, уступая время интенсивному потреблению, в первую очередь впечатлений. Конечно, данная ситуация возможна для жителей больших городов, что же касается глубинки, то она приобщается к экономике потребления только через телевизор [Григорьева, 2011].

В современном российском обществе также, по худшим западным образцам, быстро развился культ потребления и удовольствий, превознесение молодости и красоты. Быть может, этому способствовал длительный период геронтократии Брежнева — Андропова — Черненко. Тогда общество ждало перемен

(«Мы ждем перемен» — цитата из песни В. Цоя, использованной в фильме С. Соловьева «Асса»). Но как только перемены начались, возникло ощущение, что они идут слишком быстро или «не туда», и стабильность снова стала востребованной. Подтверждается давно высказанное мнение Й. Хейзинги, что современное общество свое поведение приспособливает к ребяческому: игровые модели поведения, демонстрация силы (парады, марши), культ телесности. Переоценка ценностей приводит к выдвиганию молодости как лучшего из возрастов, как мерила человеческого в человеке. Подобная тенденция отмечена в моде: если раньше девочки подражали мамам, взрослым, то теперь мамы стараются одеваться, как дочки. Мы не хотим быть пожилыми, тем более старыми...

Такие «поколенческие сбои» (по аналогии с *gender trouble*) провоцируют утверждения, что нагрузка (*burden*) пожилыми слишком тяжела для следующих, не столь многочисленных, поколений. Это переводит стрелки с исследовательского интереса на актуальную политическую повестку, звучащую очень просто: «пожилых слишком много». Главная мера по снижению нагрузки, уже применяемая в США и Западной Европе, — политическое решение о том, что пенсионный возраст, а следовательно, старость начинаются теперь с 67 лет, в будущем же, может быть, и с 70. Таким образом, не антропология, физиология, медицина и другие науки, а государство в прямой и явной форме выступает в качестве «делателя возраста» (*doing age*). Инкорпорированные в отношения возраста отношения власти предписывают западным пожилым стареть медленнее и ограничивать потребление досуга, пытаясь реанимировать веберийский подход к ценности труда.

Похоже, чиновники опередили в этом случае экспертов! Противоречивость названных тенденций и оценок требует развития политики возраста или политики старения вместо традиционных пенсионной политики или политики социального обслуживания пожилых. Словосочетание «политика возраста» актуализирует те же ассоциации, что когда-то «политика пола» (*sexual politics*).

Существенно, что за прошедшие годы социологи-феминистки сумели доказать, что пол и гендер — разные категории, и тем самым вывели множество проблем женщин из-под диктата биологической обусловленности, показав, как много значит идентичность. Оказалось, что специфика здоровья, проблемы образования, уровень занятости и положение на рынке труда, социальные роли и статус — все это связано с социально-экономическим неравенством больше, чем с биологическими особенностями женщин. Осознается, что «пересечение таких категорий, как возраст и гендер, не просто удваивает влияние дискриминации, но трансформирует ее особым образом в зависимости от расы, сексуальности и класса» [Calasanti, King, 2015: 195].

Впрочем, эти вопросы остаются дискуссионными и по сей день, поскольку затрагивают основы социально-экономического доминирования мужчин, а сегодня никто не спорит с тем, что в социогуманитарных науках, да и в естественных, как показал еще М. Полани, велика вовлеченность автора (чаще мужчина) в отстаивание определенной позиции [Полани, 1985: 112]. Кроме того, гендерная социология надолго сфокусировалась на проблемах молодых женщин, сексуальности, беременности, родах, совмещении семейных и трудовых обязанностей (двойная занятость), особенности же ситуации пожилых женщин вообще не видела.

На индивидуальном уровне характер разворачивания биографии человека также изменился. В настоящее время в стабильном течении жизни возникают разрывы, разрастается пространство неопределенности в трудовых, брачных, семейных сценариях. Представление о линейности жизни уходит в прошлое. Мемориализация нашего советского прошлого в индивидуальных биографиях столь же противоречива, как и официальные версии прошлого, которое оказалось «непредсказуемым», не соответствующим воспоминаниям очевидцев. Сегодня осознается, что не только «история — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет» [Хальбвакс, 2005: 9], но и биография каждого может рассматриваться в разной оптике. Эти изменения драматически воспринимаются пожилыми людьми, которым кажется, что их социальный опыт и, более того, жизнь обесценились. При этом способности пожилых к социальной адаптации зачастую снижены, а ощущение конечности жизни обострено. Особенно это касается пожилых женщин, тем более — российских, так как российское общество весьма архаично и рано списывает их со счетов, т. е. исключает из трудовой и общественной активности, позиционируя обслуживание внуков и детей как наилучший удел «бабушек».

Заключение

Мы предполагаем, что возрастные кризисы идентичности способствуют развитию индивидов и институтов. Но как направлять такие кризисы в русло адекватного осмысления новых возможностей, которые открывает женщинам старение, вместо сожалений об утраченной молодости, навязываемых СМИ?! Ясно, что и медицина, и социальная работа мало на это ориентированы, застряли в опекающем, фактически эйджистском, отношении к пожилым.

Социальный статус пожилых, и особенно пожилых женщин, в современном обществе неоднозначен, да и сами они зачастую охотно позиционируют себя как свободных от социальных обязательств, что говорит, на наш взгляд, о пассивности и согласии с социальными рамками. З. Х. Саралиева с соавтором показывают, как воспроизводятся в социализации гендерные стереотипы, но также — как девочки-подростки учатся им противостоять [Саралиева, Щекотуров, 2015].

Современная социальная ситуация предъявляет к женщинам в любом возрасте высокие требования и дает очень большие возможности. Мудрость в этой ситуации характеризуется реалистичной оценкой того, чего человек достиг и еще может достичь в межличностных взаимодействиях, гармонии с другими людьми и с самим собой.

Важно, чтобы СМИ перестали эксплуатировать образ несчастной, больной и бедной пожилой женщины, поскольку он деформирует восприятие и делает эйджизм, скрытый маской заботы, привычным. Институциональные рамки в любом обществе задают коридор возможностей для индивидов, однако в современном обществе в этом коридоре гораздо больше пространства для самостоятельного выбора, возможности контролировать собственную жизнь и обновлять ее сценарии.

Библиографический список

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001. 416 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
- Белова А. В.* «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII — середина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. URL: http://www.nivestnik.ru/2009_3/06_belova_6.shtml (дата обращения: 03.04.2017).
- Бурдые П.* О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 87—96.
- Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: УРСС, 2004. 320 с.
- Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Григорьева И. А.* Политика рационализации социальных обязательств в отношении пожилых // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 4. С. 431—450.
- Григорьева И. А.* Развитие социальной работы в российском обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 287—297.
- Елютина М., Трофимова О.* Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 1. С. 37—50.
- Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. 2002. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/ageing_prog.pdf (дата обращения: 02.05.2017).
- Низамова А. Н.* Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 569—585.
- Петрова Т.* Старость начинается позже: чем отличается жизнь после 50 от всей предыдущей жизни // Российская газета. 2015. 19 февраля.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической науке. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Рогозин Д. М.* Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62—93.
- Ружжже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С.* Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983. 160 с.
- Саралиева З. Х., Щекотуров А. В.* «Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть»: институциональный анализ гендерной чувствительности подростков поколения «Z» // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 45—58.
- Сизова И. Л.* Work first: занятость и незанятость пожилых в современной России // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Науч.-исслед. социол. центр, 2017. С. 692—696.
- 100 интервью с советскими женщинами. М.: Мол. гвардия, 1975. 352 с.
- Тартаковская И. Н.* Социология пола и семьи. Самара: Междунар. ин-т «Открытое общество», 1997. 131 с.
- Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123—150.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3. С. 8—27.
- Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.

- Хиггс П., Джиллеард Д. Эгоистичное поколение: исследование концепции // Социология власти. 2014. № 3. С. 10—30.
- Шапиро В. Д. Человек на пенсии: (социальные проблемы и образ жизни). М.: Мысль, 1980. 208 с.
- Шмерлина И. А. Молодость FOREVER, или Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Ин-т социологии РАН; отв. ред. Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. С. 156—182.
- Эпштейн М. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов: философский комментарий // Звезда. 2006. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ep12.html> (дата обращения: 02.05.2017).
- Янкова З. А. Советская женщина. М.: Политиздат, 1978. 184 с.
- Calasanti T., King N. Intersectionality and age // *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology* / ed. by J. Twigg, W. Martin. New York: Routledge, 2015. P. 193—200.

References

- Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities: Reflections on the origins and spread of nationalism], Moscow: Kuchkovo pole.
- Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Moscow: Logos.
- Belova, A.V. (2009) «Snova prinimaesh' vid starukhi»: vospriiatie starosti russkimi dvoriankami (XVIII — sredina XIX v.) [“Again take the form of an old woman”: the perception of old age by Russian noblewomen (XVIII — the middle of the XIX century)], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 21, available from http://www.nivestnik.ru/2009_3/06_belova_6.shtml (accessed 02.05.2017).
- Burd'e, P. (2007) O simvolicheskoi vlasti [On symbolic power], in: Burd'e, P. *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva*, St. Petersburg: Aleteiia, pp. 87—96.
- Calasanti, T., King, N. (2015) Intersectionality and age, in: Twigg, J., Martin, W. (eds), *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, New York: Routledge, pp. 193—200.
- Eliutina, M., Trofimova, O. (2017) Odinkoe prozhivanie i perezhivanie odinochestva v pozdnem vozraste [Lonely living and experiencing loneliness in later life], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 15, no. 1, pp. 37—50.
- Ėpshteĭn, M. (2006) K filosofii vozrasta. Fraktal'nost' zhizni i periodicheskaia tablitsa vozrastov: Filosofskii kommentarii [To the philosophy of age. Fractality of life and the periodic table of the ages: Philosophical commentary], *Zvezda*, no. 4, available from <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ep12.html> (accessed 02.05.2017).
- Giddens, Ė. (2004) *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies], St. Petersburg: Piter.
- Grigor'eva, I. A. (2005) Politika ratsionalizatsii sotsial'nykh obiazatel'stv v otnoshenii pozhilykh [Policy of rationalization of social obligations towards the elderly], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, no. 4, pp. 431—450.
- Grigor'eva, I. A. (2011) Razvitie sotsial'noi raboty v rossiiskom obshchestve potrebleniia [The development of social work in the Russian consumer society], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 5, pp. 287—297.
- Hal'bvaks, M. (2005) Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat' [Collective and historical memory], *Neprikosnovennyĭ zapas*, no. 2—3, pp. 8—27.
- Iankova, Z. A. (1978) *Sovetskaia zhenshchina* [Soviet woman], Moscow: Politizdat.

- Khabermas, Ju. (1993) Otnosheniia mezhdou sistemoi i zhiznennym mirom v usloviakh pozdnego kapitalizma [Relations between the system and the life world under the conditions of late capitalism], *THESIS*, no. 2, pp. 123—150.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: specifics of Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khiggs, P., Dzhilleard, D. (2014) Egoistichnoe pokolenie: issledovanie kontseptsii [Selfish generation: study of the concept], *Sotsiologiya vlasti*, no. 3, pp. 10—30.
- Nizamova, A. N. (2016) Aktivnoe dolgoletie i vneshnii vid: kak teoreticheskaia kontseptsiaia reguliruet samovospriatie v starshem vozraste? [Active longevity and appearance: how does the theoretical concept regulate self-perception at an older age?], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 14, no. 4, pp. 569—585.
- Polani, M. (1985) *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoĭ nauke* [Personal knowledge. On the way to postcritical science], Moscow: Progress.
- Rogozin, D. M. (2012) Liberalizatsiia starenii, ili Trud, znaniia i zdorov'e v starshem vozraste [Liberalization of aging, or Labor, knowledge and health in older age], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 62—93.
- Ruzhze, V. L., Eliseeva, I. I., Kadibur, T. S. (1983) *Struktura i funktsii semeinykh grupp* [Structure and functions of family groups], Moscow: Finansy i statistika.
- Saraliev, Z. Kh., Shchekoturov, A. V. (2015) "Ja ne khochu byt' takoi devochkoi, chtoby posudu vseгда myt'" ["I do not want to be a girl who always washes dishes"], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 45—58.
- Shapiro, V. D. (1980) *Chelovek na pensii: (Sotsial'nye problemy i obraz zhizni)* [The person on pension: (Social problems and a way of life)], Moscow: Mysl'.
- Shmerlina, I. A. (2016) Molodost' FOREVER, ili Osobennosti vozrastnoi samoidentifikatsii v starshem vozraste [Youth FOREVER, or Features of age self-identification in older age], in: Rogozin, D. M., Ipatova, A. A. (eds), *Starikam tut mesto: Sotsial'noe osmyslenie starenii*, Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 156—182.
- Sizova, I. L. (2017) Work first: zaniatost' i nezaniatost' pozhylykh v sovremennoi Rossii [Work first: employment and unemployment of the elderly in modern Russia], in: Saraliev, Z. Kh. (ed.), *Transformatsiia chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletii*, Nizhnii Novgorod: Nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr, pp. 692—696.
- 100 interv'iu s sovetskimi zhenshchinami* (1975) [100 interviews with Soviet women], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Tartakovskaia, I. N. (1997) *Sotsiologiya pola i sem'i* [Sociology of sex and family], Samara: Mezhdunarodnyiĭ institut "Otkrytoe obshchestvo".
- Voronina, O. A. (2004) *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality], Moscow: URSS.

Статья поступила 12.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Григорьева Ирина Андреевна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, soc28@yandex.ru (Dc. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 19—29
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.2

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 19—29
ББК 60.542.2
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.2

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

И. А. Бегина, С. Г. Ивченков, Н. В. Шахматова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, ivchenkovsg@mail.ru

На основе результатов социологического исследования, проведенного в Саратове в 2016 г., определяется степень распространенности гендерных стереотипов в молодежной среде. Данные стереотипы выявлялись и измерялись через такие индикаторы, как нормы и ценности, идеалы феминности и маскулинности, статусно-ролевые диспозиции гендерных представлений и практик поведения в повседневной жизни. Отмечено, что большинство молодежи имеет стереотипные установки на традиционное распределение ролей в семье. Реальные практики достаточно близки к гендерным представлениям. Выявлена позиция двойного стандарта примерно у каждого третьего опрошенного. Молодые люди склонны оправдывать полигамный характер мужского поведения в повседневной жизни. Кроме того, в этой среде распространен гендерный стереотип превосходства мужской дружбы над женской. Исследование показало, что у молодежи идеалы феминности и маскулинности носят традиционный характер. С годами молодые люди реже обращают внимание на внешнюю красоту и чаще отмечают важность наличия уверенности и самостоятельности у мужчин и верности и понимания у женщин. Уточнено, что у молодежи региона доминирует стереотипное представление о мужских и женских профессиях. Выявлено противоречие между самооценками независимости провинциальной молодежи от общественного мнения и реальной стереотипизированностью почти половины молодых саратовцев. Одновременно это показывает бессознательный характер принятия гендерных стереотипов, которые зачастую не осознаются субъектами социального взаимодействия и имеют значительный потенциал воспроизводства.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, молодежь, идеалы феминности и маскулинности, статусно-ролевые диспозиции, гендерные отношения и практики.

GENDER STEREOTYPES OF PROVINCIAL YOUTH TODAY: A SOCIOLOGICAL STUDY

I. A. Beginina, S. G. Ivchenkov, N. V. Shakhmatova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation, ivchenkovsg@mail.ru

The article presents the results of the sociological survey conducted in Saratov and reveals the degree of gender stereotypes prevalence among youth. Gender stereotypes of provincial youth were identified and measured by means of such indicators as corresponding norms and values, feminine and masculine ideals, status-role dispositions of gender relations and behavior practices in the course of everyday life. The majority demonstrated stereotypical attitude to traditional role distribution in the family. Real practices are close enough to gender images. Approximately about 30 % of young people showed double-standard attitude. They are inclined to justify masculine polygamy in family and everyday life. Besides the gender stereotype of male friendship superiority over the feminine one is demonstrated, as well. The investigation showed traditional character of youth ideals concerning feminine and masculine essence. In the course of life youth start paying less attention to physical attractiveness; at the same time the importance of such characteristic features as self-confidence in men and faithfulness and understanding in women goes up with the course of time. The dominance of stereotype division in “male” and “female” occupations is pointed out. Every second youth is inclined to evaluate a woman-leader prejudicially. The contradiction between provincial youth self-evaluation of their independence from public opinion and real stereotype nature of more than half of Saratov youth is revealed. At the same time, this fact demonstrates an unconscious character of gender stereotypes of which the subjects of social interaction are not aware and which has a significant reproduction potential.

Key words: gender, gender stereotypes, youth, feminine and masculine ideals, status-role dispositions, gender relations and practices.

Представители гендерных направлений как в психологии [Батлер, Гэйс, 2003], так и в социологии [Клецина, Юркова, 2002; Здравомыслова, Темкина, 2006; Рябова, Романова, 2012] достаточно много внимания уделяют гендерным стереотипам, являющимся эмоциональными упрощенными моделями восприятия качеств и поведения мужчин и женщин. Однако вопрос о роли данных стереотипов в представлениях и практиках поведения молодежи затрагивается редко. Между тем эти стереотипы амбивалентны: они облегчают организацию повседневной жизни, но носят негативный характер в силу редукционности, особенно в провинциальной молодежной среде. Саратовский регион является средним, т. е. достаточно типичным. Это обусловило необходимость социологического изучения гендерных стереотипов саратовской молодежи (2016 г.). Целевая квотная выборочная совокупность опрошенных методом анкетирования составила 610 человек. Основные критерии отбора — пол (50 % девушек, 50 % юношей), возраст (до 30 лет), место жительства, образование. Ошибка выборки составляет ± 5 %. Обработка и анализ данных осуществлялись на базе компьютерной программы SPSS v. 19.

Был разработан авторский опросный инструментарий. Гендерные стереотипы провинциальной молодежи выявлялись и измерялись через такие индикаторы, как ценности, идеалы феминности и маскулинности, статусно-ролевые диспозиции

гендерных представлений и практик повседневной жизни. Так, для фиксации гендерных ролевых позиций использовались переменные представлений молодежи о роли хозяина в семье. Большинство опрошенных (57,5 %) видят в качестве хозяина только мужчину. Каждый третий (32,5 %) — обоих супругов. 5 % приписали эту роль женщине. Таким образом, у большинства провинциальной молодежи выявлены стереотипные установки на традиционное распределение ролей в семье.

На контрольный вопрос о главе семьи в современном обществе 39,5 % молодежи Саратова ответили, что в семье должно быть равноправие. 28,5 % полагают: главой может быть только мужчина. С мнением, что хозяином должен быть в первую очередь мужчина, а женщина — только в редких случаях, согласились 24 %. Что касается реального главы семьи самих опрошенных, то у 35 % молодежи им является отец. 16 % саратовцев отметили, что все решения принимает муж. 22 % указали в качестве главы семьи мать, 2 % — жену. 8 % считают, что в их семье равноправие и все решения муж и жена принимают вместе. Трудным этот вопрос оказался для 13 % молодежи. Таким образом, реальные практики достаточно близки к гендерным представлениям, лишь на 6 % меньше тех, у кого реальным главой семьи является мужчина (51 %), по сравнению с количеством опрошенных, полагающих, что именно он должен быть главой (57 %). Эти данные еще раз подтверждают достаточно высокий уровень распространенности традиционных гендерных стереотипов и показывают значительный потенциал их воспроизводства в молодежной провинциальной среде по примеру родительской семьи.

Другим индикатором стереотипности гендерных представлений и практик стало отношение к неверности в браке. Большинство молодежи (51,5 %) склонно считать, что мужские измены самые распространенные в обществе. 23 % молодежи полагают, что в основном изменяют женщины. Точки зрения, что измены свойственны мужчинам и женщинам в одинаковой степени, придерживаются 12 %. Затруднились с определением по этому вопросу 14 %. Налицо позиция двойного стандарта примерно у каждого третьего представителя молодежи. Они склонны оправдывать гаремный (полигамный) характер мужского поведения в повседневной жизни.

По поводу степени стереотипности гендерного аспекта дружеских отношений выяснилось следующее. У 38,5 % молодежи друзьями являются как юноши, так и девушки в равной степени. 28,5 % указали, что среди их друзей юношей больше, чем девушек. 15 %, наоборот, предпочитают дружить с девушками. 10,5 % молодежи дружат только с юношами, 3,5 % — только с девушками. Однако в качестве лучшего друга чаще фигурируют юноши (49,5 %), чем девушки (40,5 %). Это свидетельствует о том, что в молодежной среде распространен гендерный стереотип превосходства мужской дружбы над женской.

Исследование показало, что, по мнению молодежи, для женщин самой главной ценностью в той или иной степени является семья. 93 % молодых саратовцев указали на это (табл. 1). Второе место в рейтинге «женских» ценностей занимает желание удачно выйти замуж (66 %). На третьем месте — стремление подняться по карьерной лестнице (48 %) и, как следствие, материальное благополучие (четвертое место; 47,5 %). 44,5 % молодежи в той или иной степени согласны, что для женщин самое главное — жизнь в свое удовольствие.

Таблица 1

Представления молодежи о главных ценностях в жизни женщины, %

Главное в жизни женщины	Абсолютно несогласен	Скорее не согласен, чем согласен	По ситуации	Скорее согласен, чем не согласен	Полностью согласен	Итого
Семья	3,0	1,0	3,0	17,5	75,5	100
Удачное замужество	4,0	10,5	19,5	25,0	41,0	100
Карьера	6,0	14,0	32,0	34,5	13,5	100
Деньги	6,0	10,0	36,5	31,5	16,0	100
Отдых, жизнь в свое удовольствие	9,0	11,5	35,0	22,5	22,0	100

Для мужской половины опрошенных приоритеты в данном рейтинге ценностей располагаются иначе (табл. 2). Для них, по мнению молодежи, превыше всего карьера (92 %), чуть менее значимы деньги, они стоят на втором месте (90 %). Семья — на третьем месте (82 %), отдых, жизнь в свое удовольствие (62 %) и удачная женитьба (56 %) — на четвертом и пятом местах рейтинга «мужских» ценностей соответственно. Иными словами, здесь воспроизводятся гендерные стереотипы традиционного распределения ролей.

Таблица 2

Представления молодежи о главных ценностях в жизни мужчины, %

Главное в жизни мужчины	Абсолютно несогласен	Скорее не согласен, чем согласен	Трудно сказать	Скорее согласен, чем не согласен	Полностью согласен	Итого
Карьера	0,0	0,0	8,0	24,0	68,0	100
Деньги	2,0	0,5	7,0	36,0	54,5	100
Семья	1,5	4,5	12,0	23,0	59,0	100
Отдых, жизнь в свое удовольствие	7,0	6,0	24,0	29,5	33,5	100
Удачная женитьба	12,0	11,0	20,5	27,5	29,0	100

Идеальные образы феминности и маскулинности сопровождают человека с самого детства, в значительной степени формируют его ценностные ориентации и поведенческие практики. В свою очередь, сами эти идеалы выступают продуктом общечеловеческих универсальных ценностей, отражением своего времени, традиций, культуры, результатом процесса социализации индивида и интериоризации им общепризнанных ценностей, а также проекцией социального опыта и субъективных качеств личности. Будучи идеальными конструкциями, они могут лишь отчасти совпадать с реальностью.

Идеал мужчины, по мнению молодежи, коннотирует с образами добытчика, защитника (62,7 % опрошенных), человека независимого и самостоятельного (43,6 %), рационально мыслящего (43 %), физически сильного и нравственно устойчивого (24,5 %). Доминирование этих функциональных характеристик свидетельствует о традиционности гендерных стереотипов провинциальной молодежи, обуславливающих ее взгляды на мужчину как опору семьи, а на женщину как защитный барьер между мужчинами и внешним миром, социальным окружением. Наряду с этими характеристиками, молодежь наделяет идеального мужчину такими морально-личностными качествами, как терпеливость (35 %), романтичность, верность, честность, благородство (по 24 %), щедрость, доброта (14,5 %). Вместе с тем к идеалу маскулинности предъявлялись и поведенческие требования — не употреблять алкоголь, не курить (19 %), ценить семью (7 %), дарить цветы (5,4 %). Упоминались и претензии к внешности — высокий, сильный, красивый (5,5 %). О том, что провинциальная молодежь осознает, насколько этот идеал не соответствует реальности, свидетельствуют следующие факты. 0,5 % опрошенных отказались указывать данные характеристики, заявив, что идеальных мужчин не бывает. Кроме того, в ходе ответов нередко звучали высказывания-антитезы: чтобы «не был тряпкой», «не обижал и не бросал жену», чтобы «за него не было стыдно».

Перекрестный анализ по возрастным подгруппам молодежи показал, что по мере взросления идеалы маскулинности меняются. Так, среди 14—19-летней молодежи важное место в идеале мужчины занимают здоровый образ жизни, ум и красота (9,2 %). Среди 20—25-летних указанные качества отмечают только 5 %, среди 26—30-летних — 3,2 %. Иными словами, с возрастом снижается значимость этих характеристик в данном идеальном конструкте. И наоборот, роль такого качества, как самостоятельность, увеличивается (соответственно 9,2, 15, 22,2 %).

Идеалом феминности является скромная, кроткая (54 % молодежи), ухоженная, верная (39,5 %), интересная, веселая, все понимающая (27,8 %) женщина. По 13,9 % опрошенных подчеркивают в идеале функциональные характеристики — хозяйственность, умение готовить, экономить, зарабатывать (не сосредоточиваясь на карьере — 28 %). 4,5 % настаивают на приветливости и радушии идеальной женщины. При этом подростки до 19 лет больше ориентированы на внешнюю красоту, привлекательность (11,8 %). С возрастом значимость этой характеристики снижается (соответственно 10,2, 7,7 %). Но увеличивается важность функциональных качеств (соответственно 10,8, 14,5, 16,9 %). Таким образом, идеал феминности провинциальной молодежи в основном традиционен и включает функционально-хозяйственные характеристики, черты матери, красивой понимающей подруги, отличается ориентацией на приватную сферу жизнедеятельности. По мере взросления молодых людей внешние параметры красоты идеалов маскулинности и феминности постепенно замещаются функциональными характеристиками уверенности и самостоятельности в мужчинах и верности и понимания в женщинах.

Реальные гендерные стереотипизированные представления молодежи о качествах мужчин и женщин замерялись через набор из 42 характеристик,

каждую из которых предлагалось определить как относящуюся преимущественно к мужчинам, женщинам, всем или не относящуюся ни к кому. К качествам мужского характера молодежь причисляет: силу (78 % опрошенных), убедительность (63,5 %), храбрость (63,5 %), склонность к риску (62 %), агрессивность (57 %), самоуверенность (52 %), серьезность (50,5 %), властность (48 %), изобретательность (48 %), дерзость (44,5 %), независимость (43,5 %), логичность мышления (43 %), жестокосердие (42,5 %), безразличие (41,5 %), устойчивость к стрессам (40,5 %), спокойствие (35 %). Иными словами, доминируют качества, связанные с деятельностью и активностью, достижением цели. Причем эти характеристики с возрастом существенно не меняются.

К качествам, присущим женщинам, молодое поколение относит: чувствительность (73,5 % опрошенных), сентиментальность (67,5 %), легкомыслие (64,5 %), эмоциональность (60,5 %), скромность (54 %), любопытство (52 %), покорность (50 %), привлекательность (45,5 %), добросердечность (42 %), заносчивость (37,5 %), хвастливость (37 %), неосторожность (33,5 %), неорганизованность (34 %). Иначе говоря, это характеристики пассивности, конформизма, иррациональности, заботливости, субъективизма. В то же время такие качества, как лень, амбициозность, сексуальность, уверенность, инициативность, коммуникабельность, свойственны представителям обоих полов. Таким образом, данные характеристики в значительной степени отражают веру молодежи в правомерность доминирования мужского пола.

Гендерной стереотипизации подвергается круг социально-статусных ролей мужчин и женщин. Все больше женщин оказываются на руководящих должностях. Опрос показал, что 64 % молодых людей имели опыт работы под руководством женщины. Они отмечали, что ее поведение часто зависело от эмоций (27 %), у нее всегда были любимчики (18 %), она была некомпетентна, высокомерна (2 %), раздражала (1 %), ее называли женщиной с завышенной самооценкой, бесчувственной (1 %). Однако второе и третье место (по распространенности мнения) после повышенной эмоциональности заняли такие характеристики, как принятие всегда объективных решений (25 %), проявление настоящего профессионализма (19 %). Таким образом, если судить по степени распространенности позитивных и негативных оценок, примерно каждый второй представитель молодого поколения оценивал женщину-руководителя на основе стереотипов. И 44 % давали ей оценку с позиции объективности.

Достаточно стереотипным оказалось и мнение молодежи о женских и мужских профессиях. К мужским молодежь относит профессии боксера, программиста, пожарного, футболиста, грузчика, банкира, сотрудника милиции, ученого, художника, военного. К женским — парикмахера, стилиста, секретаря, кассира, гинеколога, модели, балерины. И к женским и к мужским причислены профессии учителя, врача, повара.

В ходе опроса выявлено: подавляющее большинство молодежи (86,8 %) полагает, что не руководствуется стереотипами и не подвержено влиянию общественного мнения. Более того, табл. 3 наглядно демонстрирует, что чем выше уровень образования молодых людей, тем менее стереотипизированными они себя считают.

Таблица 3

Влияние образования на самооценку степени стереотипности мышления молодежи, %

Стереотипность мышления респондента	Образование респондента					По выборке
	Неполное среднее (9 классов)	Среднее (11 классов)	Среднее специальное (техникум, ПТУ)	Незаконченное высшее (не менее трех курсов вуза)	Высшее	
Да, я поддерживаю мнение большинства	14,3	20,9	18,8	8,8	8,3	13,2
Нет, я не поддаюсь влиянию стереотипов и имею свою точку зрения	85,7	79,1	81,3	91,2	91,7	86,8
<i>Итого</i>	100	100	100	100	100	100

Для измерения реального уровня стереотипности сознания молодежи в качестве индикаторов использовались 20 стереотипных тезисов, поговорки из повседневной жизни. В табл. 4 представлена степень согласия молодежи с такими тезисами. Стереотип, что женщины глупее мужчин, полностью разделяют 9,5 % молодежи, в основном согласны с этим еще 12 %, абсолютно несогласны — 41,5 %. 11 % не согласны, но менее категорично. Каждый четвертый (25,5 %) склонен рассматривать данный тезис в зависимости от ситуации. Стереотип о том, что все женщины хотят только одного — выйти замуж, полностью разделяют 11,5 %, в основном согласны с ним 23,5 %. Такова же доля тех, кто абсолютно несогласен с этим. Еще 21 % опрошенных высказали менее категоричное несогласие. 20,5 % относятся к данному стереотипу ситуативно. С тем, что блондинки самые глупые в мире, полностью согласны 11,5 %, отчасти — 23,5 %. Однако 38 % молодежи категорически несогласны с данным утверждением (и это самое распространенное мнение) и еще 18 % высказали менее категоричное несогласие. 17,5 % относятся к этому стереотипу ситуативно. С утверждением, что каждая настоящая женщина должна быть замужем, полностью согласны 30,5 % молодежи (самое распространенное мнение). Еще 16 % согласны с ним, но менее категорично. Однако 18 % категорически несогласны и 11,5 % в основном не согласны. 24 % рассматривают это утверждение ситуативно. Стереотип, что женщина не должна стремиться овладеть типично мужской профессией, полностью (14,5 %) или частично (19 %) разделяет более трети молодежи. Полностью (22 %) или частично (16,5 %) отвергают его 38,5 %. Но самым распространенным является ситуативный подход к данному стереотипу.

Отношение 28 % опрошенных к стереотипу, что женщина должна приспосабливаться к мужчине в своем поведении, зависит от ситуации (самое распространенное мнение). 18 % молодежи абсолютно отвергают его, и 15,5 % — менее уверенно. Такова же доля тех, кто полностью согласен с ним (15,5 %), 22,5 % в основном согласны. Самым популярным у молодежи оказался стереотип, что женщина должна родить ребенка. С ним полностью согласны 66 % молодежи, и частично согласны еще 19 %. Только 1,5 % категорично несогласны, и 3,5 % — менее категорично. Ситуативно отнеслись к данному стереотипу 10 % молодежи.

Таблица 4

Степень согласия молодежи с гендерными стереотипами, %

Стереотипы	Абсолютно несогласен	Скорее не согласен, чем согласен	Трудно сказать	Скорее согласен, чем не согласен	Полностью согласен	Итого
Женщины глупее мужчин	41,5	11,5	25,5	12,0	9,5	100
Все женщины хотят одного — выйти замуж	23,5	21,0	20,5	23,5	11,5	100
Блондинки — самые глупые в мире	38,0	18,0	17,5	15,0	11,5	100
Курица — не птица, женщина — не человек	66,0	11,5	10,0	6,5	6,0	100
Карьера и личная жизнь женщины несовместимы	27,5	17,0	27,0	13,0	15,5	100
Каждая настоящая женщина должна быть замужем	18,0	11,5	24,0	16,0	30,5	100
Женщины во много раз чувствительнее и эмоциональнее мужчин	7,0	7,5	16,0	24,5	45,0	100
Женщина не должна стремиться овладеть типично мужской профессией	22,0	16,5	28,0	19,0	14,5	100
В своем поведении женщина должна приспосабливаться к мужчине	18,0	15,5	28,5	22,5	15,5	100
Женщина должна выходить замуж девственницей	23,0	20,0	20,0	15,0	22,0	100
Женщина должна родить ребенка	1,5	3,5	10,0	19,0	66,0	100
Женщины — слабый пол, мужчины — сильный пол	11,5	7,5	29,5	24,0	27,5	100
Мужчины не плачут	22,0	15,0	21,5	21,0	20,5	100
Мужчина — добытчик, защитник	4,0	3,5	7,5	22,5	62,5	100
«Все мужики — сволочи»	41,0	22,0	21,5	3,5	12,0	100
Мужчина может быть пьяным, и это его не портит	46,5	20,5	18,0	5,5	9,5	100
Мужчина хуже переносит голод и болезни	16,5	19,5	24,0	16,5	23,5	100
Мужчина эгоистичен, самолюбив, тщеславен, ревнив	19,0	21,0	30,5	13,5	16,0	100
Все мужья изменяют женам	27,5	21,0	25,5	11,5	14,5	100
Настоящий мужчина тот, от которого пахнет коньяком	67,5	11,5	11,0	4,5	5,5	100

Среди гендерных стереотипов, касающихся образа мужчины, самым популярным у молодежи оказался тезис, что мужчина — добытчик, защитник. Его полностью (62,5 %) или в основном (22,5 %) разделяют 85 % молодежи.

На втором месте по популярности стереотип, что женщины — слабый пол, мужчины — сильный пол. С ним полностью (27,5 %) или в основном (24 %) согласны 51,5 % молодежи. На третьем месте стереотип о том, что мужчины не плачут. Его полностью (20,5 %) или в основном (21 %) разделяют 41,5 % молодежи. Далее идут стереотипы, что мужчина хуже переносит голод и болезни (23,5 % его разделяют полностью, 16,5 % — в основном); он эгоистичен, самолюбив, тщеславен, ревнив (16 и 13,5 %); все мужья изменяют женам (14,5 и 11,5 %); мужчина может быть пьяным, и это его не портит (9,5 и 5,5 %); настоящий мужчина тот, от которого пахнет коньяком (5,5 и 4,5 %).

Рейтинг популярности стереотипов, касающихся женщин, выглядит следующим образом. На первом месте стереотип о том, что женщина должна родить ребенка (85 %), на втором — она должна быть замужем (46,5 %), на третьем — в своем поведении женщина должна приспосабливаться к мужчине (38 %), на четвертом — она должна выходить замуж девственницей (37 %). Далее идут стереотипы, что все женщины хотят одного — выйти замуж (35 %), женщина не должна стремиться овладеть типично мужской профессией (33,5 %), блондинки самые глупые в мире (26,5 %) и женщины глупее мужчин (21,5 %). Количество молодежи, полностью или частично приверженной гендерным стереотипам, касающимся мужчин, составляет 34,9 %. Полностью или частично отказываются от них 44,1 % опрошенных. Ситуативно относятся к данным стереотипам 21 %.

Проанализировав результаты методом средней величины, выяснили, что все стереотипы в той или иной степени разделяют 40,38 % молодежи, а не разделяют 37,87 %. Ситуативно к ним относятся в среднем 21,75 % молодых людей. Это показатель достаточно высокого уровня стереотипности сознания саратовской молодежи. Таким образом, налицо противоречие между самооценками независимости провинциальной молодежи от общественного мнения и реальной стереотипизированностью почти половины молодых саратовцев. Одновременно это показывает бессознательное принятие гендерных стереотипов, которые зачастую не осознаются субъектами социального взаимодействия.

Гендерная стереотипизированность провинциальной молодежи проявилась и в соответствующих ценностях, идеалах феминности и маскулинности, в статусно-ролевых диспозициях гендерных представлений и практик поведения в повседневной жизни. Маскулинность традиционно связывается с публичной сферой, рациональностью, деятельностью, участием в жизни общества, работой, карьерой, заработком, риском и защитой. Феминность — с приватной сферой, чувствительностью, зависимостью, конформизмом. Это отражается в качественных характеристиках мужчин и женщин, экстраполируется на гносеологическую, эмоциональную и функциональные сферы повседневной жизни. Прочная гендерная стереотипизированность сознания почти половины провинциальной молодежи свидетельствует о значительном потенциале воспроизводства данных установок из поколения в поколение. Индивиды и социальные группы в большинстве случаев следуют этим стереотипам, поскольку принимают их как истинное знание, что ограничивает динамику развития молодежи, препятствует инновационной трансформации всех сфер жизнедеятельности общества.

Библиографический список

- Батлер Д., Гэйс Ф. Л. Невербальные аффективные реакции в отношении лидеров мужчин и женщин: последствия с точки зрения оценки лидерства // *Общественное животное: исследования* / под ред. Э. Аронсона. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. Т. 2. С. 143—186.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Категория власти в гендерных исследованиях // *Гендер как инструмент познания и преобразования общества: материалы Международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество»* / под ред. Е. А. Баллаева, О. А. Ворониной, Л. Г. Луныкова. М.: МЦГИ, 2006. С. 105—115.
- Клецина И. С., Юркова Е. В. Межличностные отношения и гендерные стереотипы: партнерство или манипуляция // *Гендерные отношения в современном российском обществе: материалы второй межвузовской студенческой конференции* / отв. ред. Т. А. Мелешко, М. В. Рабжаева. СПб.: Политехника, 2002.
- Рябова Т. Б., Романова А. А. Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21—35.*

References

- Batler, D., Gëis, F. L. (2003) Neverbal'nye affektivnye reaktsii v otnoshenii liderov muzhchin i zhenshchin: posledstviia s toчки zreniia otsenki liderstva [Non-verbal affective responses to leaders of men and women: implications in terms of leadership evaluation], in: Aronson, E. (ed.), *Obshchestvennoe zhivotnoe: Issledovaniia*, vol. 2, St. Petersburg: Прайм-Еврознак, pp. 143—186.
- Kletsina, I. S., Iurkova, E. V. (2002) Mezhlichnostnye otnosheniia i gendernye stereotipy: partnërstvo ili manipuliatsiia [Interpersonal relationships and gender stereotypes: partnership or manipulation], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom rossiiskom obshchestve: Materialy vtoroi mezhvuzovskoi studencheskoi konferentsii*, St. Petersburg: Politekhnik.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2012) Gendernoe izmerenie sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma: (K postanovke problemy) [The gender dimension of modern russian Anti-Americanism: (To the problem statement)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—35.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2006) Kategoriiia vlasti v gendernykh issledovaniiaakh [The category of power in gender studies], in: Ballaev, E. A., Voronina, O. A., Lunia-kov, L. G. (eds), *Gender kak instrument poznaniia i preobrazovaniia obshchestva: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii "Gendernye issledovaniia: liudi i темы, kotorye ob"ediniiaut soobshchestvo"*, Moscow: MTsGI, pp. 105—115.

Статья поступила 21.04.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Бегина Ирина Александровна — кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, begininaia@info.sgu.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Sociology of Regions, Saratov State University, Saratov, Russian Federation).

Ивченков Сергей Григорьевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, ivchenkovsg@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University, Saratov, Russian Federation).

Шахматова Надежда Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, nadezhdashakhmatova@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of History, Theory and Applied Sociology, Saratov State University, Saratov, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 30—42
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.3

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 30—42
ББК 88.415-73
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.3

ВЛИЯНИЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКИХ ПОДРОСТКОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

П. Г. Газизуллина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, apolinnaria@mail.ru

Представлены результаты эконометрического анализа базовых поведенческих детерминант здоровья мальчиков и девочек 14—17 лет, выполненного на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 1994—2016 гг. Несмотря на улучшение самооценок уровня здоровья у российских подростков на протяжении этого периода, потенциал его повышения существует и у девочек и у мальчиков. Девочки в среднем несколько ниже оценивают свое здоровье. Влияние вредных привычек (табакокурение и злоупотребление алкоголем) и нерегулярности питания на шансы иметь среднее и плохое здоровье у девушек выше, чем у юношей. Для юношей опаснее низкая физическая активность. Данные количественного анализа дополнены результатами авторского качественного исследования самосохранительного поведения подростков, проведенного в 2009—2012 гг. Отсутствие у девочек приоритета собственного здоровья, возможно, в значительной степени объясняет его худшее состояние у российских девушек и женщин. А относительно невысокая ответственность за свое здоровье и отсутствие ценности долгой жизни у мальчиков, более низкий уровень распространенности среди них самосохранительного поведения обуславливают высокую смертность российских мужчин.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, здоровье подростков.

THE EFFECTS OF RISK BEHAVIORS ON ADOLESCENT HEALTH IN RUSSIA: GENDER ASPECT

P. G. Gazizullina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, apolinnaria@mail.ru

The article deals with the results of the research study of four adolescent risk behaviors as health determinants: smoking, alcohol consumption, irregular eating patterns and lack of physical activity. The multinomial logistic regression analysis based on the RLMS HSE 1994—2016 data using trichotomized self-reported health status as a dependent variable has

shown that the negative health impact of smoking, alcohol consumption and irregular eating patterns among girls is stronger than among boys. Girls' odds to have deteriorated health status rise significantly after the first and third year of smoking; for boys current smoking is the most significant factor. Our qualitative research study based on 39 semi-structured interviews with adolescents living in Udmurtia and Moscow region in 2009—2012 has shown that girls tend to treat smoking and alcohol consumption by both sexes in like manner, while most boys think it is worse for girls to smoke and drink alcohol. Regular meal patterns are usually not a basic element of healthy lifestyle in the opinion of the respondents; high level of physical activity among boys, in contrast to girls, is often combined with alcohol consumption and smoking. Trying to meet educational and other requirements girls often consciously demonstrate risk behaviors; this is possibly a reason of lower health among Russian girls and women. Boys demonstrate both a lower level of responsibility for their health behaviors and attaching little importance to living longer: that could be somehow connected with the high level of male mortality in Russia.

Key words: risk behavior, adolescent health.

Немногим более тридцати лет назад в Оттаве состоялась первая международная конференция по укреплению здоровья («Health Promotion») [The Ottawa Charter... , 1986]. Преобладание в структуре смертности западных стран хронических неинфекционных причин требовало выработки определенных стереотипов поведения у населения. Человек стал рассматриваться не как объект медицинских процедур, а как активно действующий субъект, который сам заботится о своем здоровье и в повседневной жизни ведет себя соответствующим образом. В результате осуществления политики, направленной на осознание индивидом ответственности за собственное здоровье, остановившееся было снижение смертности продолжилось и произошел переход на четвертый эпидемиологический этап. В России подобная политика не проводилась и поведенческие установки людей остались неизменными, а перехода на четвертый этап не произошло; более того, существует угроза обратного эпидемиологического перехода [Семенова, 2005]. Поскольку высокий уровень здоровья подростков — залог процветания общества в ближайшем будущем, важным вопросом остается исследование факторов их здоровья, в том числе с учетом гендерного аспекта.

Постановка задачи

В подростковом возрасте здоровье становится более зависимым от собственного поведения [Rich, Ginsburg, 1999: 376]. У подростков есть своя шкала социальных и культурных ценностей; элементы поведения, саморазрушительного в понимании взрослых людей, например регулярное и чрезмерное употребление алкоголя или курение, подростки могут воспринимать иначе. Авторское качественное исследование самосохранительного поведения подростков, проведенное в 2009—2012 гг., подтверждает это, указывая также на существование гендерного аспекта восприятия рискованного поведения. Изучение гендерного аспекта заболеваемости и смертности подростков представляется важным, поскольку без его учета мы в основном видим только смертность юношей вследствие ее многократного

превышения смертности девушек и проблемы здоровья последних остаются незамеченными. Тогда как российские эксперты отмечают более тревожные тенденции его снижения именно у девушек [Иванова и др., 2009].

Причины и степень гендерного неравенства объясняются действием трех основных факторов, составляющих комплексную систему индикаторов данного неравенства: 1) социально-экономического, демографического, технологического развития общества; 2) гендерного порядка (наличие дискриминации); 3) поведенческого фактора [Калабихина, 2009]. Гендерное неравенство и здоровье подростков в значительной степени определяются третьим фактором — различными моделями самосохранительного поведения девочек и мальчиков.

В данном контексте изучение влияния самосохранительного поведения на здоровье мальчиков и девочек подросткового возраста становится актуальной задачей.

Информационная база и методы исследования

Для выявления поведенческих факторов здоровья подростков на базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) за 1994—2016 гг. [Российский мониторинг...] был выполнен эконометрический анализ детерминант их здоровья с использованием аппарата логистической регрессии. Объединенная база данных за этот период содержит 16 491 наблюдение за подростками от 14 до 17 лет, в том числе 8402 наблюдения за мальчиками и 8089 за девочками. Значимые факторы самосохранительного поведения были выделены с использованием аппарата мультиномиальной логистической регрессии ($p \leq 0,05$).

Мерой здоровья выступили его самооценки подростков, разбитые на три категории: хорошее здоровье (ответы «очень хорошее», «хорошее»), среднее (ответ «среднее, не хорошее, но и не плохое») и плохое (ответы «плохое», «совсем плохое»). Первая категория самооценок была выбрана в качестве опорной, и далее сравнивались шансы иметь среднее здоровье и плохое (отдельно) у подростков, входящих в группу риска и не входящих в нее. В литературе апробирован подход с использованием дихотомизированной самооценки здоровья [Кислицына, 2005, 2011], однако значительно более объемная база данных, используемая нами, позволяет разграничить две степени ухудшенного здоровья вместо одной. Как показало исследование, отношения шансов для двух этих категорий отличаются, что будет продемонстрировано далее.

В 2009—2012 гг. автором также проведены две волны качественного исследования, посвященного самосохранительному поведению подростков двух российских регионов (результаты первой волны (2009—2010 гг.) были опубликованы ранее [Мошкович, 2011]), что дает возможность дополнить и расширить результаты количественного подхода. В ходе контент-анализа расшифровок 39 полуструктурированных интервью, проведенных с подростками 14—17 лет в Удмуртии (У-1 — У-24, по 12 мальчиков и девочек) и Московской области (М-1 — М-15, 8 девочек и 7 мальчиков), были выделены и классифицированы индикаторы самосохранительного поведения, оказывающие предположительное

влияние на здоровье подростков. Они включают общее отношение к здоровью и здоровому образу жизни, ответственность за свое здоровье, отношение к просветительским мерам и социальной рекламе, установки на продолжительность жизни, физическую активность и отдых, отношение к профилактическим мерам и лечению в медицинских учреждениях, питание, отношение к суициду, дорожно-транспортные происшествия, иные травмы, отношение к абортам, половые отношения, курение, употребление алкоголя, употребление наркотиков.

Результаты исследования

С 1994 по 2016 г. самооценка здоровья подростков в целом повышалась. Увеличились доли мальчиков и девочек, оценивающих свое здоровье как хорошее, примерно в два раза уменьшилась доля девочек, определяющих его как плохое; соответствующая доля мальчиков изменилась незначительно (рис. 1).

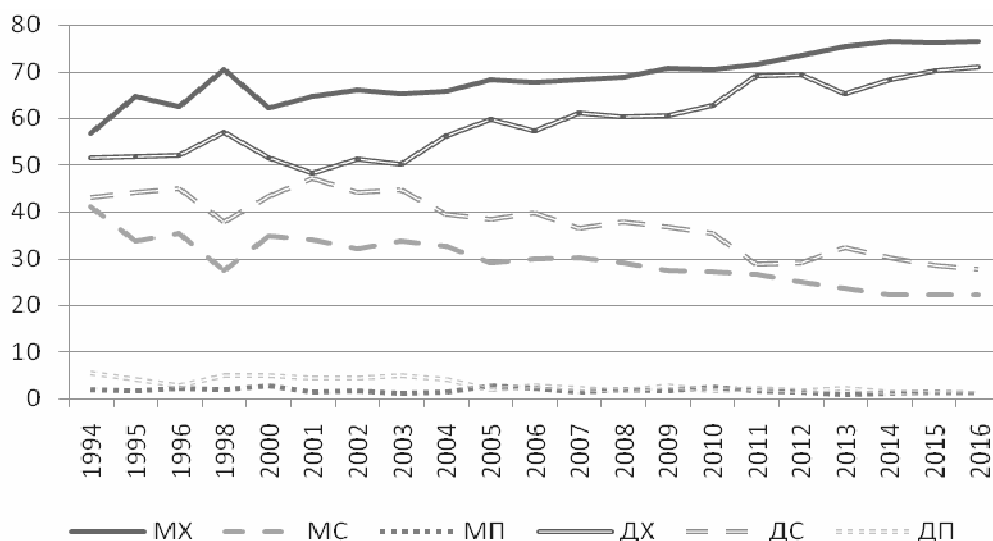

Рис. 1. Динамика самооценки здоровья у мальчиков и девочек 14—17 лет, 1994—2016 гг., %:

МХ, МС, МП — доли мальчиков, оценивших здоровье как хорошее, среднее и плохое;
ДХ, ДС, ДП — соответствующие доли девочек
(расчеты выполнены по данным РМЭЗ, 1994—2016 гг.)

В 1994 г. более 40 % мальчиков оценивали здоровье как среднее, а в 2016 г. эта доля составила уже 22,2 %. Доля девочек, определяющих здоровье как среднее, колебалась около значения 45 % вплоть до 2003 г., а затем она стала снижаться, составив в 2016 г. 28 %.

В качестве независимых переменных рассмотрены четыре базовых фактора самосохранительного поведения: курение, употребление алкоголя, регулярность

питания и уровень физической активности. Динамика распространенности трех рискованных вариантов поведения* представлена на рис. 2.

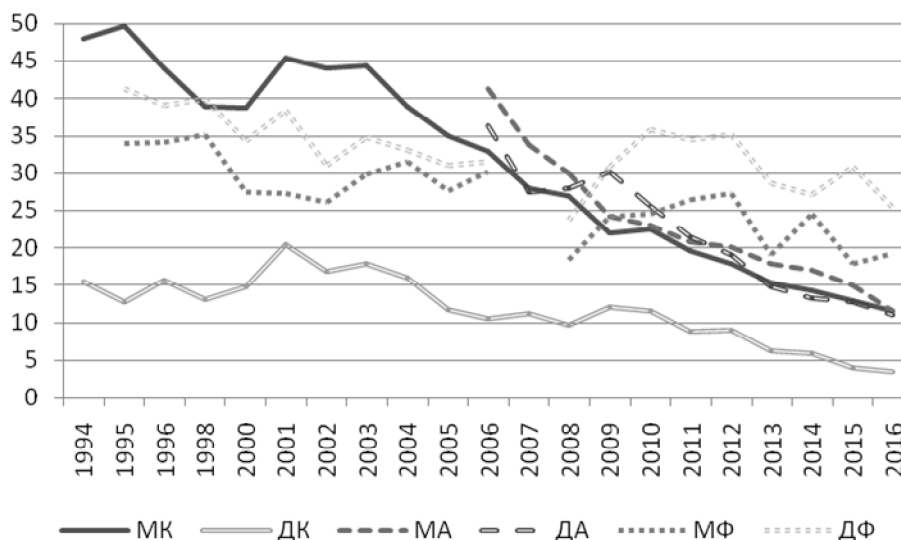

Рис. 2. Динамика распространенности курения, употребления алкоголя и физической неактивности у мальчиков и девочек 14—17 лет, 1994—2016 гг., %: МК, ДК — доли курящих или куривших мальчиков и девочек; МА, ДА — доли мальчиков и девочек, употреблявших алкоголь (по самоопределению); МФ, ДФ — доли мальчиков и девочек, оценивших свою физическую активность как низкую (расчеты выполнены по данным РМЭЗ, 1994—2016 гг.)

Анализ динамики количества курящих подростков демонстрирует неодинаковые тенденции для мальчиков и девочек. Для мальчиков характерно достаточно постоянное, устойчивое снижение доли курящих или куривших с почти 50 до 12 %. Доля курящих и куривших девочек колебалась между 15 и 20 % вплоть до 2001 г., а затем неустойчиво снижалась, составив в 2016 г. 3,5 %. Такая неодинаковая динамика связана с появлением в рассматриваемый период девочек маскулинного типа поведения, что тормозило распространение среди них моделей здорового образа жизни на общем фоне улучшения ситуации с продвижением позитивного самосохранительного поведения. Это подтверждено и наблюдениями респондентов, прежде всего мальчиков, участвовавших в качественном исследовании и утверждавших, что девочки стали курить больше, чем мальчики.

Употребление алкоголя, по данным РМЭЗ, за последние 10 лет устойчиво снижалось, у мальчиков и девочек показатели отличаются незначительно. С 2006 по 2016 г. доли мальчиков и девочек 14—17 лет, никогда не употреблявших алкоголь (по самоопределению), выросли с 58 до 88 % и с 64 до 89 % соответственно. У девочек этот рост был несколько менее плавным, чем у мальчиков.

* Опросник РМЭЗ от года к году изменялся и расширялся, поэтому интересующие нас показатели не всегда могут быть рассчитаны за весь период 1994—2016 гг. Так, динамику доли подростков, которым никогда не удается питаться регулярно, возможно определить только за 2010—2016 гг.; за этот период никаких изменений в показателе не наблюдалось, и мы не включили его в график.

Как мы указывали, негативное поведение у девочек было связано с распространением маскулинного типа поведения.

Доли мальчиков и девочек, вообще не занимающихся физкультурой (по самоопределению), в течение последних двадцати лет достаточно устойчиво снижались с 35 до 20 % и с 40 до 25 % соответственно. Доли мальчиков и девочек 14—17 лет, не занимающихся физкультурой или выполняющих лишь легкие физкультурные упражнения для отдыха менее трех раз в неделю, 20 лет назад составляли 50 и 70 % соответственно. За прошедшие годы показатель снизился, но продолжает находиться на достаточно высоком уровне (40 и 60 % соответственно).

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице. В каждой ячейке находится показатель отношения шансов (OR) иметь ухудшенное здоровье для исследуемой группы, а также границы этого показателя для 95 %-го доверительного интервала. Сокращение «Н» означает, что значимой зависимости не обнаружено ($p > 0,05$, либо наблюдений слишком мало).

**Поведенческие детерминанты здоровья подростков
(результаты регрессионного анализа на базе данных РМЭЗ, 1994—2016 гг.)**

Фактор	Зависимая переменная			
	Среднее здоровье		Плохое здоровье	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Курит или курил(а)	1,71 (1,54—1,89)	1,83 (1,58—2,11)	Н	3,30 (2,41—4,51)
Употреблял(а) алкоголь хотя бы иногда (с 2006 г.)	1,26 (1,08—1,48)	1,85 (1,59—2,14)	Н	2,18 (1,37—3,48)
Употреблял(а) алкоголь за период 30 дней, предшествовавших опросу:	1,41 (1,21—1,64)	1,50 (1,28—1,75)	Н	1,86 (1,30—2,65)
	1,32 (1,09—1,60)	1,91 (1,57—2,31)	Н	2,40 (1,37—4,20)
Питается нерегулярно или скорее нерегулярно	1,59 (1,27—1,99)	1,97 (1,62—2,39)	Н	2,77 (1,53—5,00)
Не занимается физкультурой или выполняет только легкие физкультурные упражнения для отдыха менее трех раз в неделю	1,47 (1,33—1,63)	1,45 (1,30—1,61)	2,58 (1,78—3,73)	1,86 (1,35—2,56)

Курение. Курение повышает шансы подростков иметь ухудшенное здоровье. Шансы курящих или куривших мальчиков и девочек иметь среднее (а не хорошее) здоровье превышают шансы некурящих и никогда не куривших более чем в полтора раза. Значимой связи между курением и плохим здоровьем у мальчиков обнаружено не было, у девочек превышение составляет 3,3 раза. В ходе анализа в различных сочетаниях сравнивались группы подростков с разным стажем курения (меньше года, год, два года, три года и более). Для мальчиков вариации отношений шансов незначительны и, судя по всему, важнейшим фактором является курение как таковое вне зависимости от стажа. В пользу этой

гипотезы говорит и тот факт, что единственным показателем, значимо увеличивающим шансы иметь плохое здоровье, для мальчиков служит курение в настоящем ($OR = 1,6$). У девочек стаж имеет некоторое значение прежде всего для роста шансов обрести плохое здоровье. Отношение шансов значимо увеличивается, когда стаж достигает одного года, а затем трех лет. Шансы девочек, стаж курения которых составляет один год, превышают шансы иметь плохое здоровье тех, чей стаж меньше, в 4 раза; если же этот стаж три года и больше — в 3,7 раза.

Качественное исследование показало различия в отношении к курению как по регионам, так и по полу: в Московской области курение — обязательный атрибут «настоящего» парня, в Удмуртии такое отношение не проявилось (возможно, потому, что курение там более распространено и не является «подвигом»). В Московской области у мальчиков прозвучал мотив невозможности не курить и общаться в компании: «Могут заставить просто курить» (М-2); «В компании, там все курят, пришлось тоже курить» (М-8), а также неодобрение, связанное с тем, что кто-то из компании не курит (М-4). Одна девочка считает, что ситуация хуже в Москве: «В московских школах, там могут сказать, что изгой... выгнать из компании» (М-2). В Московской области высказано мнение, что если курить немного, то это не вредит здоровью и можно не бросать: «Они же не каждый день курят... если куришь редко, можно» (М-4). Все опрошенные удмуртские подростки, как мальчики, так и девочки, отрицательно относятся к курению, все курящие респонденты пытались бросить и продемонстрировали положительное отношение к сверстникам, старающимся сделать это: «Не отторгнемся от него, наоборот, поддержим» (У-3), два подростка ответили, что если они бросят курить, то остальные «тоже захотят» (У-9), «сами начнут бросать» (У-12).

Употребление алкоголя. Показатель, отражающий частоту употребления алкоголя подростками, может быть сформирован на основе четырех вопросов анкеты РМЭЗ. С 1994 до 2005 г. включительно респондентам задавали два вопроса — о факте употребления алкоголя за период 30 дней, предшествовавших опросу, и о частоте его употребления за это время. В 2001 г. был добавлен отдельный вопрос об употреблении пива за последний месяц, а в 2006 г. респондентов начали спрашивать, употребляют ли они алкоголь хотя бы иногда. С этого момента можно выделять группу подростков, никогда не употреблявших алкоголь по самооценкам респондентов; до 2006 г. возможно оценивать только доли мальчиков и девочек, не употреблявших алкоголь в течение месяца, предшествовавшего опросу. В процессе анализа была выявлена группа подростков (около 600 человек), отрицательно ответивших на вопрос об употреблении алкоголя за последний месяц, но констатировавших затем ненулевую частоту его употребления в данный период (такие подростки были в результате отнесены в группу употреблявших алкоголь за последний месяц с указанной частотой).

Употребление алкоголя повышает шансы подростков иметь ухудшенное здоровье, как среднее, так и плохое; у девочек этих шансов больше, чем у мальчиков, причем прежде всего во втором временном промежутке (таблица). Так, если в 1994—1995 гг. шансы как девочек, так и мальчиков, употреблявших алкоголь за последний месяц, иметь среднее (а не хорошее) здоровье, превышали шансы контрольных групп (не употреблявшие алкоголь) примерно в полтора

раза, то в 2006—2016 гг. отношение шансов мальчиков незначительно упало (до 1,32 раза), а девочек — возросло (до 1,91 раза), что увеличило разрыв. Значимых показателей для плохого здоровья у мальчиков обнаружено не было, а у девочек отношение шансов ощутимо возросло (с 1,86 до 2,40 раза).

Деление всех респондентов на три группы — не употреблявших алкоголь за последние 30 дней, употреблявших его за это время один раз и употреблявших не менее двух-трех раз — позволило получить следующие результаты. Употребление алкоголя за месяц, предшествовавший интервью, не более одного раза не повышает шансов ни мальчиков, ни девочек иметь плохое здоровье. Шансы мальчиков иметь среднее здоровье в 1994—2005 гг. увеличивались в 1,5 раза, девочек — в 1,7 раза; в 2006—2016 гг. данные шансы мальчиков не превышали шансов контрольной группы, для девочек превышение составило 1,85 раза. Употребление алкоголя не менее двух раз за последний месяц оказывает первоочередное влияние уже на повышение шансов иметь плохое здоровье, причем у девочек (для мальчиков значимых показателей обнаружено не было). В 1994—2005 гг. повышение шансов для девочек составляло 2,1 раза, в 2006—2016 гг. — 2,9 раза.

По данным качественного исследования, постоянно (раз в неделю и чаще) алкогольные напитки употребляет половина опрошенных подростков в Удмуртии и почти половина подростков в Московской области. Вероятно, такие отличия от данных количественного исследования, согласно которому доля употребляющих алкоголь раз в неделю и чаще колебалась в рамках 2—13 %, связаны с тем, что в последнем опрос проводился обычно зимой, а качественные интервью — летом или осенью. Кроме того, возможности качественных методов исследования в пояснении вопроса, например, о том, что считать алкогольным напитком, и раскрытии латентного поведения выше.

Сам процесс употребления алкоголя, которое происходит, как правило, в компании, в Удмуртии имеет одну характерную черту: все члены компании пьют один и тот же алкогольный напиток. Разницы в поведении мальчиков и девочек при этом не наблюдается; покупают выпивку скорее мальчики. Отказ может повлечь за собой негативные последствия: «...там не захочешь — заставят!» (У-8); «Самой не хочется, но скажут — пей, приходится пить... Один раз не стала... на меня полторашку вылили» (У-10).

Интересный результат был получен при анализе ответов на вопрос о том, одинаково ли информанты относятся к курению юношей и девушек и употреблению ими алкоголя (два этих сюжета были объединены в один по причине их пересечения в интервью). В Московской области к последствиям курения и потребления алкоголя у юношей и девушек девушки относятся одинаково (одна только сказала, что у представителей противоположного пола после употребления алкоголя сразу «кулаки чешутся»; М-5). Мнения юношей разделились: кто-то считает, что если девушка курит или пьет, то это хуже, чем если пьет или курит юноша; кто-то полагает, что разницы нет: «...мне без разницы. Курит — пусть курит. Пьет — и пьет» (М-4). В Удмуртии все подростки были единодушны в том, что если девушка курит, то это хуже, чем если курит юноша: «У нее развитие какое-нибудь прерывается... опасно это для здоровья женщины» (У-2); «Девушкам все-таки рожать потом» (У-3). Яркое высказывание по этому поводу сделал один сельский юноша: «Мне сказали, лучше с ними не целоваться...

сказали, как будто с пепельницей целуешься» (У-19). Только две сельские информантки ответили, что они одинаково относятся к употреблению алкоголя девушками и юношами: «Для меня это привычно» (У-8); «Нормально отношусь, у нас вот девушки даже чаще пьют, чем парни... горя много» (У-10). Остальные высказали отрицательное отношение к употреблению алкоголя девушками, в качестве основных мотивов называется особый вред алкоголя для их здоровья («С почками загнутся-то быстрее девушки, чем парни»; У-1), потенциального материнства («Девушкам нельзя, они же будущие мамы все-таки»; У-5), а также эстетическая непривлекательность девушек с бутылкой в руках («Некрасиво же, когда идет с бутылкой»; У-11).

Регулярность питания. Вопрос о регулярности питания задавался респондентам с 2010 г. и формулировался следующим образом: «Удается ли Вам в целом питаться регулярно, не реже трех раз в день, изо дня в день?» Респонденту предлагалось выбрать один из четырех вариантов ответа: «Да, удается», «Скорее да, чем нет», «Скорее нет, чем да», «Никогда не удается». О каких-то устойчивых изменениях за последние семь лет говорить сложно. Доли девочек, питающихся нерегулярно или скорее нерегулярно, по большей части превышают доли мальчиков на 4—7 %. В 2012 и 2013 гг. доли совпадали, составляя около 16,5 и 15 % соответственно. В остальные годы доля питающихся нерегулярно или скорее нерегулярно мальчиков находилась на уровне 12—16 %, а девочек — 16—24 %.

Шансы подростков, питающихся нерегулярно или скорее нерегулярно, иметь ухудшенное здоровье превышают такие шансы остальных подростков. Если для мальчиков значимая связь была обнаружена только относительно категории «среднее здоровье» (заметим, что значимого отличия в шансах иметь плохое здоровье не было выявлено даже при сравнении крайних групп — тех, кому удается питаться регулярно всегда, и тех, кому это не удается никогда), то для девочек — для обеих категорий, причем отношение шансов для среднего здоровья превышает аналогичный показатель у мальчиков (таблица). Для девочек, кроме того, имеет значение переход в каждую следующую группу, кроме второй. Шансы девочек, питающихся скорее нерегулярно, иметь среднее (а не хорошее) здоровье превышают шансы девочек, питающихся регулярно, в 1,85 раза; плохое здоровье — в 2,34 раза. Девочки, которым никогда не удается питаться регулярно, обладают в 3,04 раза более высокими шансами иметь среднее (а не хорошее) здоровье, чем те, кто питается регулярно или скорее регулярно; разница в шансах иметь среднее здоровье между теми, кто питается скорее нерегулярно, и теми, кто питается нерегулярно, также значима (1,64 раза). Шансы девочек, питающихся нерегулярно, иметь плохое здоровье превышают шансы девочек, питающихся регулярно или скорее регулярно, в 6,64 раза, однако значимой разницы между третьей и четвертой группами в данном случае обнаружено не было.

Качественное исследование показывает, что и девочки и мальчики редко обращают внимание на правильное регулярное питание как элемент здорового образа жизни. Здоровое питание вошло в представления о здоровом образе жизни только четырех удмуртских подростков (в частности, одна девочка сказала, что она заботится о своем здоровье, так как «ест овощи»; У-10) и трех жителей Московской области.

Физическая активность. Низкий уровень физической активности — единственный из четырех рассмотренных факторов самосохранительного поведения, который оказывает на здоровье мальчиков предположительно большее влияние, чем на здоровье девочек (таблица). Шансы как девочек, так и мальчиков, не занимающихся физкультурой или выполняющих только легкие физкультурные упражнения менее трех раз в неделю, иметь среднее (а не хорошее) здоровье превышают шансы более физически активных подростков примерно в полтора раза. А вот шансы иметь плохое здоровье мальчиков, уровень физической активности которых низкий, превышают шансы остальных мальчиков уже в 2,58 раза, тогда как у девочек величина аналогичного показателя составляет 1,86 раза.

Данные качественного исследования обращают внимание на то, что подростки, которые занимаются в школе физкультурой, на вопрос о физической активности зачастую дают отрицательный ответ, потому что занятия физкультурой школьники воспринимают как урок, учебную нагрузку. Иногда это оправданно: «Половину занятия... пишем лекции, как на лыжах кататься, как не сделать обморожение» (У-6).

Занятия спортом входили в представления о здоровом образе жизни примерно половины удмуртских школьников и трех четвертей опрошенных школьников Московской области. 17 из 20 подростков Удмуртии упомянули факт занятий спортом при ответе на вопрос о том, заботятся ли они о своем здоровье: «Забочусь, боксом занимаюсь» (У-1); «Судя по тому, что не болею, да. Спортом занимаюсь» (У-4), из них 10 — мальчики. Из подростков Московской области об этом сказал только один мальчик, причем он считает, что не заботится о своем здоровье. У некоторых подростков, прежде всего опять же у мальчиков из Удмуртии, регулярные занятия спортом сочетаются с курением и злоупотреблением алкоголем; вероятно, все это входит в некоторый «правильный» образ для подростка. У девочек таких сочетаний не наблюдалось.

Один из разделов качественного исследования посвящен представлениям о режиме труда и отдыха, в него входили вопросы о достаточности времени для отдыха и сна и проблеме недосыпа. Практически для всех удмуртских подростков, как мальчиков, так и девочек, ценность учебы стоит выше ценности здоровья: «Я сначала все дела сделаю, а потом уж выспаться пойду» (У-2); «Лучше сдать, чтоб проблем не было» (У-22).

Все опрошенные подростки имели опыт посещения школы во время болезни. И в перспективе информанты готовы жертвовать здоровьем ради карьеры: «Я бы не выспался, карьеру увеличил, а потом хоп-па, в отпуск ушел и там бы столько поспал!» (У-2). Девочки Московской области также ставят ценность учебы выше ценности здоровья, а вот из мальчиков так делают только трое.

Другой раздел касался вопросов ответственности за собственное здоровье, установок на продолжительность жизни. Мальчики чаще включали плохую экологическую обстановку в список причин плохого здоровья и при этом снимали с себя ответственность за свое поведение. Что касается установок на продолжительность жизни, то нежелание жить максимально долго встречалось только у мальчиков (так ответила половина информантов), а все девочки отмечали, что хотят прожить максимально долго, хотя признавали, что у старости есть негативные стороны.

Выводы

Несмотря на улучшение самооценок уровня здоровья у российских подростков на протяжении 1994—2016 гг., потенциал его повышения существует и у девочек и у мальчиков. Девочки в среднем несколько ниже оценивают свое здоровье.

Уменьшается количество девочек и мальчиков с негативным самосохранительным поведением. В частности, у молодежи происходит замена водочной модели потребления пивной моделью. Но при этом мальчики значительно больше курят, употребляют более крепкий алкоголь, меньше занимаются спортом. Важно заметить, что влияние вредных привычек (табакокурение и злоупотребление алкоголем) и нерегулярности питания на шансы иметь среднее и плохое здоровье у девушек сильнее, чем у юношей. Для юношей опаснее низкая физическая активность.

Отсутствие у девочек приоритета собственного здоровья, возможно, в значительной степени объясняет его худшее состояние у российских девушек и женщин. А относительно невысокая ответственность за свое здоровье и отсутствие ценности долгой жизни у мальчиков, более низкий уровень распространенности среди них самосохранительного поведения обуславливают высокую смертность российских мужчин.

Гендерные установки и поведение значительно отличаются по регионам. В Удмуртии мальчики и девочки говорят о необходимости правильного поведения, особенно для девочек: курить и употреблять алкоголь вредно, заниматься спортом нужно. Их поведение при этом может не соответствовать словам, и важнейшим фактором здесь является компания, в которой они проводят время. Мальчики склоняют девочек к совместному распитию напитков и курению, утверждая при этом, что девочки за своим здоровьем должны следить тщательнее, чем мальчики. В Московской области наблюдается большее соответствие слов и действий подростков, прежде всего девочек. Но часто причина этого в том, что девочки не считают свое рискованное поведение таковым. Подростки одинаково относятся к рисковому поведению мальчиков и девочек. Можно сделать вывод о более сильном влиянии традиционных гендерных установок в Удмуртии, а также о распространении негативных черт маскулинного поведения (бравата по поводу курения и употребления алкоголя) среди девушек и юношей в обоих регионах.

Изучение проблем здоровья девушек и юношей невозможно без увеличения числа качественных и количественных исследований с более широким набором вопросов о мотивации и факторах самосохранительного поведения, а также без сбора дифференцированной по полу статистики о факторах здоровья девушек и юношей.

Перспективы исследования здоровья российских девушек и юношей лежат, в частности, в определении влияния пропаганды здорового образа жизни на самооценку здоровья и негативного самосохранительного поведения подростков.

Библиографический список

- Иванова А. Е., Семенова В. Г., Кондракова Э. В., Михайлов А. Ю. Основные тенденции и региональные особенности смертности российских подростков // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. Т. 10, № 2. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/121/> (дата обращения: 21.11.2017).
- Калабихина И. Е. Система факторов гендерного неравенства // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2009. № 4. С. 64—73.
- Кислицына О. А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. М.: Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения, 2005. 376 с.
- Кислицына О. А. Детерминанты здоровья подростков // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. Т. 19, № 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/311/30/lang.ru/> (дата обращения: 21.11.2017).
- Мошковиц [Газизуллина] П. Г. Особенности самосохранительного поведения российских подростков // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. Т. 20, № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/344/30/lang.ru/> (дата обращения: 21.11.2017).
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (дата обращения: 21.11.2017).
- Семенова В. Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: Центр спец. проектов, 2005. 282 с.
- Rich M., Ginsburg K. R. The reason and rhyme of qualitative research: why, when, and how to use qualitative methods in the study of adolescent health // Journal of Adolescent Health. 1999. Vol. 25. P. 371—378.
- The Ottawa Charter for Health Promotion: First International Conference on Health Promotion, Ottawa, 21st November 1986. URL: <http://www.who.int/healthpromotion/conferences/previous/ottawa/en/> (дата обращения: 21.11.2017).

References

- Ivanova, A. E., Semenova, V. G., Kondrakova, E. V., Mikhailov, A. Yu. (2009) Osnovnye tendentsii i regional'nye osobennosti smertnosti rossiiskikh podrostkov [The basic tendencies and regional features of death rates among Russian adolescents], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia*, vol. 10, no. 2, available from <http://vestnik.mednet.ru/content/view/121/> (accessed 21.11.2017).
- Kalabikhina, I. E. (2009) Sistema faktorov gendernogo neravenstva [The system of gender inequality factors], *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 6, Ekonomika*, no. 4, pp. 64—73.
- Kislitsyna, O. A. (2005) *Neravenstvo v raspredelenii dokhodov i zdorov'ia v sovremennoï Rossii* [Income and health inequality today in Russia], Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia.
- Kislitsyna, O. A. (2011) Determinanty zdorov'ia podrostkov [Determinants of public health], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia*, vol. 19, no. 3, available from <http://vestnik.mednet.ru/content/view/311/30/lang.ru/> (accessed 21.11.2017).
- Moshkovich, P. G. (2011) Osobennosti samosokhranitel'nogo povedeniia rossiiskikh podrostkov [Features of self-preserving behavior of adolescents in Russia], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia*, vol. 20, no. 4, available from <http://vestnik.mednet.ru/content/view/344/30/lang.ru/> (accessed 21.11.2017).

- Rich, M., Ginsburg, K. R. (1999) The reason and rhyme of qualitative research: why, when, and how to use qualitative methods in the study of adolescent health, *Journal of Adolescent Health*, vol. 25, pp. 371—378.
- Rossiiskii monitoring ekonomicheskogo polozheniia i zdorov'ia naseleniia NIU-VShE (RLMS-HSE)* (2012) [Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE)], available from <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (accessed 21.11.2017).
- Semenova, V. G. (2005) *Obratnyi epidemiologicheskii perekhod v Rossii* [Reverse epidemiological transition in Russia], Moscow: Tsentr spetsial'nykh proektov.
- The Ottawa Charter for Health Promotion: First International Conference on Health Promotion, Ottawa, 21st November 1986*, available from <http://www.who.int/healthpromotion/conferences/previous/ottawa/en/> (accessed 21.11.2017).

Статья поступила 29.11.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Газизуллина Полина Геннадьевна — аспирантка кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, apolinnaria@mail.ru (Postgraduate student at the Population Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 43—52
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.4

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 43—52
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.4

КОНЦЕПЦИЯ КАЧЕСТВА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В СОЦИОЛОГИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Е. В. Панкратова, О. А. Хасбулатова

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, e_v_pankratova@mail.ru

Статья посвящена разработке концепции оценки удовлетворенности семейной жизнью на основе гендерного подхода. На базе исследований отечественных и зарубежных ученых сделан вывод о том, что определение уровня удовлетворенности семейной жизнью детерминировано сложившимся в обществе гендерным дисбалансом социального положения женщин и мужчин. Для интерпретации феномена качества семейной жизни использован потенциал теории ресурсов. Обосновывается заключение о том, что обмен ресурсами в современных российских семьях происходит в условиях гендерной асимметрии в распределении семейных ролей. Анализируются теоретические и эмпирические аспекты влияния распределения гендерных ролей в семье на уровень удовлетворенности семейной жизнью. Делается вывод, что при разработке методики и критериев оценки качества семейной жизни должны быть учтены интересы и опыт мужчин и женщин.

Ключевые слова: качество жизни, качество семейной жизни, теория ресурсов, распределение гендерных ролей в семье, гендерный подход в оценке качества семейной жизни.

THE CONCEPT OF FAMILY LIFE QUALITY IN SOCIOLOGY: GENDER ASPECT

E. V. Pankratova, O. A. Khasbulatova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
e_v_pankratova@mail.ru

The article is devoted to the development of the concept of assessing family life satisfaction based on gender approach. Proceeding from the research of domestic and foreign scientists, it was concluded that the definition of the level of family life satisfaction is determined by gender imbalance in the social situation of women and men, which has developed in society.

The potential of the theory of resources is used to interpret the phenomenon of family life quality. The authors substantiate the conclusion that the exchange of resources in modern Russian families occurs in conditions of gender asymmetry in the distribution of family roles. The theoretical and empirical aspects of the influence of gender roles distribution in the family on the level of family life satisfaction are analyzed. The authors concluded that the development of methods and criteria for assessing family life quality should take into account interests and experiences of men and women.

Key words: life quality, family life quality, theory of resources, distribution of gender roles in the family, gender approach in assessing family life quality.

Постановка проблемы

Более 100 лет назад французский социолог и политический деятель Ф. Ле Пле изучал качество семейной жизни европейских рабочих, используя метод кейс-стади. В его теории семья рассматривалась как ключевая социальная единица, отражающая все важнейшие характеристики общества. Ученый отмечал, что степень удовлетворения материальных и нематериальных потребностей членов семьи выступает показателем эффективности функционирования общества (см.: [Rettig, Leichtentritt, 1999: 307]).

По прошествии полувека в зарубежной и российской социологии сформировались научные течения, которые определяют качество семейной жизни и его составляющие как важный компонент или подмножество качества жизни в целом [Campbell et al., 1976; Andrews, Withey, 1976; Gupta, Sharma, 1998: 116], а семейно-брачные отношения — один из доминантных факторов жизненного благополучия [Антонов и др., 2010; Аистов, Леонова, 2012; Панкратова, 2013; Смолева, Морев, 2015]. Так, стоящие у истоков исследований качества жизни А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, У. Роджерс отмечали, что характеристики семейной жизни хоть и неоднозначны, но необходимы для общего понимания качества жизни [Campbell et al., 1976: 345]. По мнению российских ученых, семья и брак, как и вся приватная сфера человеческого бытия, неотъемлемы от представлений о стиле, качестве или образе жизни вообще, а жизненное благополучие в значительной мере зависит от состояния семейно-брачных отношений и здоровья [Антонов и др., 2010: 62].

В трудах теоретиков отмечается, что именно семейная жизнь играет огромную роль в общем достижении высокого качества жизни человека [Andrews, Withey, 1976; Campbell, 1981]. Ф. Эндрюс и С. Уитей указали, что семья является «надежным источником удовольствия» [Andrews, Withey, 1976: 265]. В российской социологии изучение роли семейно-брачных отношений в достижении благополучия семьи и государства сформировалось как научное направление за последние тридцать лет, что подтверждает актуальность изучения качества семейной жизни как целостного понятия.

Социологическая наука не изобилует определениями качества семейной жизни, что можно объяснить рядом причин: во-первых, концептуальной неопределенностью самого термина «качество жизни» в силу существования большого количества авторских подходов и способов его оценки; во-вторых, наличием не только объективных, но и субъективных смыслов данной оценки: то, что хорошо

в семейной жизни для одного человека, может не нравиться и не приносить удовлетворения другому; в-третьих, многогранностью семейной жизни, затрудняющей разработку универсального эмпирического индикатора, который бы зафиксировал качество этой жизни.

Первое четкое определение качества семейной жизни появилось в работах зарубежных ученых К. Д. Реттиг и Р. Д. Лайхтентритт. Для этого они использовали понятие «семейное благополучие», которое рассматривали как «эмоциональную оценку личности его/ее семейной среды, в частности степень удовлетворенности личных потребностей при помощи разнообразных символических и материальных ресурсов». По мнению исследователей, оценка степени удовлетворения личных потребностей в семье — это индикатор ее благополучия, а комбинация этих оценок, данных несколькими членами семьи, — показатель качества семейной жизни [Rettig, Leichtentritt, 1999: 315].

Удовлетворенность семейной жизнью и браком, семейное благополучие и определяющие их факторы как отдельные аспекты качества семейной жизни исследуются в трудах российских ученых в области социологии, психологии, эконометрики [Антонов и др., 2010; Аистов, Леонова, 2012]. По их мнению, благоприятные семейные отношения способствуют повышению удовлетворенности семейной жизнью, а неблагоприятные — росту индекса низкой удовлетворенности. Подобную точку зрения разделяет С. В. Арженовский, который на основе эконометрического анализа пришел к заключению, что удовлетворенность жизнью у людей, состоящих в браке, почти в три раза выше, чем у тех, кто не имеет семейного статуса [Арженовский, 2016]. Среди социологов, в центре внимания которых находится концепция удовлетворенности браком, целесообразно отметить О. Золотнюк, рассматривающую удовлетворенность браком как основной компонент комплексного изучения семьи [Золотнюк, 2014].

В качестве самостоятельного научного направления можно обозначить исследования проблем удовлетворенности браком в психологии, которые посвящены психологической оценке данного индикатора на основе методик тестирования [Григорьева, 2013], а также его рассмотрению как одного из параметров позитивной психологии [Елшанский и др., 2016].

В дополнение к обозначенным методологическим подходам в области изучения качества семейной жизни авторы статьи предлагают еще одно направление — разработку методологии и методики оценки качества семейной жизни на основе гендерного подхода. Под гендерным подходом понимается процесс оценки любого социального явления с точки зрения его воздействия на женщин и мужчин, учета их интересов, обеспечения их равного социального статуса. Согласно концепции гендерного подхода семья представляет собой гендерно-сформированный социальный институт, где члены семьи выполняют как семейные (отец, мать, бабушка, дедушка, ребенок), так и гендерные роли (глава семьи, кормилец, домохозяйка, «работающая домохозяйка»).

В результате удовлетворенность семейной жизнью супругов в значительной степени обусловлена характером распределения их гендерных ролей, набором ожидаемых образцов или норм поведения для мужчин и женщин. Гендерный подход не конструирует единую схему оценки мужем и женой степени удовлетворенности семейной жизнью. Он позволяет определить, какие различия

в этих оценках обусловлены гендерным неравенством супругов, а также сформулировать технологии их смягчения.

В российской социологии разработана типология семей в соответствии с распределением гендерных ролей, согласно которой семьи разделяются на несколько типов: традиционные (патриархальные), эгалитарные и семьи смешанного типа. Традиционная семья базируется на дифференциации «половых» ролей (муж — глава семьи, кормилец, жена — мать и хозяйка). Семья смешанного типа (модель двойной нагрузки, «контракт работающей матери») объединяет супругов, которые наравне участвуют в ее материальном обеспечении, при этом домашняя работа, воспитание детей остаются женской обязанностью. Эгалитарная семья основана на модели двух кормильцев / двух домохозяев, между которыми равноправные, взаимозависимые отношения во всех сферах семейной жизни [Задворнова, 2016: 16—17; Айвазова, 2011].

Распределение семейных обязанностей в традиционной семье и семье смешанного типа базируется на гендерном неравенстве, в эгалитарной семье — на равноправии супругов. Таким образом, чтобы качество семейной жизни оценивалось супругами положительно, они должны или разделять традиционные взгляды на гендерные роли в семье, или устанавливать равноправные взаимоотношения во всех сферах семейной жизни. В противном случае уровень удовлетворенности супругов семейной жизнью будет иметь существенные различия.

Рассмотрим, каким образом концепция гендерного подхода соотносится с теорией ресурсов и другими методиками оценки качества семейной жизни.

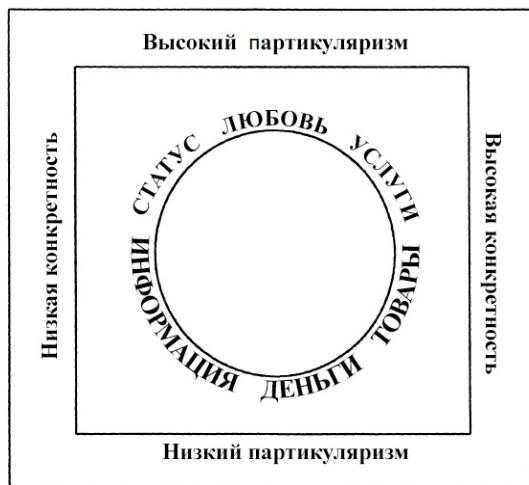
Теория ресурсов в оценке качества семейной жизни: гендерный аспект

С 1970-х гг. за рубежом высокое качество семейной жизни выступало целью семейной политики [Wisawatapnimit, 2009: 20]. Для интерпретации феномена качества семейной жизни использовалась теория ресурсов, разработанная исследователями У. Г. и Е. Б. Фoa в начале 70-х гг. XX в. С точки зрения авторов теории, ресурс — это материальный или символический предмет, который передается в процессе межличностного взаимодействия людей и выступает основой удовлетворения или, наоборот, неудовлетворения определенных потребностей. К числу ресурсов, необходимых для поддержания качества семейной жизни, отнесены: любовь, статус, информация, деньги, товары, услуги (см.: [Rettig, Leichtentritt, 1999: 311]). Под любовью как ресурсом качества семейной жизни понимается «выражение нежного отношения, теплоты и комфорта». В ресурс информации включаются «советы, мнения, инструкции и просвещение в целом». Деньги выступают «монетой, валютой или символом, который обладает меновой стоимостью». К товарам причисляются «продукты, объекты или материалы». Услуги — это «деятельность, которая направлена на самого человека или его имущество», например обслуживание членов семьи. Статус — «оценка, содержащая престиж, уважение» [ibid.].

Содержание этих ресурсов ученые располагают в двухмерной системе координат, где горизонтальная ось отражает символическое (слева) или конкретное (справа) значение, которое характеризует форму выражения обмена ресурсами

между партнерами, а вертикальная ось отвечает за континуум от универсализма (внизу) до партикуляризма (вверху) [ibid.: 311—312].

Чем ближе ресурсы друг к другу в описанной модели, тем большим сходством они обладают, а значит, ими можно успешнее обмениваться в процессе межличностного взаимодействия (рисунок).

Структура классов ресурсов [Rettig, Leichtentritt, 1999: 313]

О высоком качестве семейной жизни можно говорить только в том случае, если семья удовлетворяет личные потребности всех своих членов и, таким образом, выполняет психологические, социальные, физические и экономические функции института семьи в обществе [ibid.: 315].

Теория ресурсов вносит существенный вклад в изучение качества семейной жизни. Она способствует определению показателей качества семейной жизни, демонстрирует большой потенциал для удовлетворения личных потребностей и возможность для обмена широким спектром ресурсов в рамках семьи. Данное учение рассчитано на универсальный подход, предполагающий равенство супругов при обмене ресурсами. Такой подход положен в основу семейного законодательства в России. В п. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ предусматривается, что «регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию» [Семейный кодекс РФ, 1995].

Вместе с тем многочисленные научные исследования и социальные практики свидетельствуют о том, что в большинстве семей обмен ресурсами происходит в условиях гендерной асимметрии — неравноправного разделения семейных обязанностей, статусов, услуг по половому признаку, что приводит к неравноценному обмену ресурсами и, как следствие, неудовлетворенности качеством семейной жизни. По этому поводу американский исследователь М. Киммел отмечает, что семья представляет собой гендерно-сформированный институт, где воспроизводятся гендерные различия и гендерные неравенства среди взрослых и детей [Киммел, 2006: 196]. Специалист в области гендерной психологии Ш. Берн считает,

что традиционное распределение домашних обязанностей, при котором за женщиной закрепляются все работы по дому, является симптомом гендерного неравенства и снижает статус женщин в семье [Берн, 2001: 280]. Аналогичную точку зрения высказывают и российские ученые [Мезенцева, 2004; Хасбулатова, 2005; Чирикова, 2010; Айвазова, 2011; Задворнова, 2016].

Рассмотрим гендерные аспекты обмена ресурсами, который происходит в семье. Наиболее выраженное неравноправие между супругами наблюдается в области обмена услугами и статусами. В современной семье женщина вносит в обмен ресурсами заведомо большую долю, отдавая практически все свое свободное после профессиональной деятельности время выполнению домашних обязанностей, уходу за близкими, воспитанию детей. Многочисленные исследования показывают, что степень включенности женщин в различные виды домашнего труда в 2—5 раз выше, чем мужчин. На приготовление еды женщины тратят в 5 раз больше времени, чем мужчины, на уход за детьми и престарелыми — в 1,8 раза больше [Мезенцева, 2004: 298]. При этом, даже когда супруги делят домашние обязанности между собой, женщина выполняет две трети домашней работы. Так, приготовление пищи считают своей обязанностью 70 % женщин, уборку дома — 65 %, стирку — 88 %, мытье посуды — 89 %. По мнению 79 % мужчин, их обязанность — мелкий ремонт по дому, которым они занимаются по выходным дням. В большинстве семей на женщин также возлагаются обязанности по уходу за престарелыми членами семьи и детьми [Задворнова, 2014: 54].

Данные исследований свидетельствуют о том, что в процессе обмена услугами за женщинами продолжает сохраняться статус «работающей домохозяйки», несмотря на их активное участие в профессиональной деятельности. Мужчины, в свою очередь, ощущают себя добытчиками, воспринимая участие в домашней работе как помощь жене. Можно предположить, что среди тех супругов, кто не удовлетворен семейной жизнью, большинство составляют женщины. Данное обстоятельство нельзя не учитывать при разработке методов оценки удовлетворенности семейной жизнью женщин и мужчин.

Из перечня ресурсов, которыми обмениваются члены семьи, целесообразно выделить «деньги» как ресурс, обладающий выраженной гендерной окраской. Деньги относятся к универсалистским ресурсам, так как их значение остается постоянным вне зависимости от того, между кем происходит обмен ими. С одной стороны, денежный ресурс в семье чрезвычайно важен, он нужен «здесь и сейчас», его участие в обмене невозможно отсрочить. С другой — в российском обществе сложился устойчивый гендерный дисбаланс в размере доходов мужчин и женщин от профессиональной деятельности. Так, исследования показывают, что при более высоком уровне профессионального образования, чем у мужчин, женщинам нужно трудиться 15,5 месяцев, чтобы получить столько, сколько получает мужчина за один год [Хасбулатова, 2016: 8]. Остается актуальной проблема поиска баланса между семейными обязанностями и работой, которая, по мнению ученых, рассматривается как женская проблема. В этой связи гендерно-ориентированные исследователи разрабатывают модель рабочего места, дружественного семье, ориентированного прежде всего на женщин, имеющих семью. В данное понятие вкладывается сокращенный рабочий день, работа на дому и другие виды оплачиваемой занятости, удобные для выполнения

родительских обязанностей [Чернова, 2014: 36—37]. Более того, в общественном сознании сохраняется стереотип о том, что женщина является менее конкурентоспособной на рынке труда [Михайлова, 2016: 26]. Обозначенные проблемы отрицательно сказываются на уровне заработной платы женщин, существенно затрудняют оптимальный обмен ресурсами в семье, оставляя женщине по большей части партикулярные и конкретные ресурсы: любовь, услуги и товары.

Заключение

Проведенное исследование показало, что обмен ресурсами между супругами должен быть равноценен и сбалансирован. Семейная жизнь — это та сфера, которую трудно измерить только статистическими инструментами. Рассмотрение концепции качества семейной жизни и теории ресурсов через призму гендерного подхода позволяет сделать вывод, что в механизме оценки супругами уровня семейного благополучия должны присутствовать технологии, учитывающие специфику распределения гендерных ролей в семье.

Исследование также показало, что обращение к проблеме гендерного дисбаланса в сфере качества семейной жизни представляется актуальным не только для социологической науки, но и для государственной политики по укреплению института семьи. Система мер по улучшению демографической ситуации, утвержденная в 2018 г. Президентом РФ В. В. Путиным, безусловно, окажет положительное влияние на рост рождаемости, поддержку материнства и детства.

Вместе с тем не менее важно содействовать созданию оптимальных условий для выполнения семьей своих функций и повышения уровня удовлетворенности семейной жизнью. О важности этой задачи свидетельствует стабильно высокий уровень разводов: в стране ежегодно распадается половина из заключенных браков. В этих условиях целесообразно не навязывать семье изначальный дисбаланс обмена ресурсами и гендерные стереотипы, относящие ее к области ответственности женщин, а создать условия, позволяющие супругам выбрать эффективные стратегии совмещения профессиональных и семейных ролей.

Для решения этой задачи важно объединить усилия ученых, специалистов органов управления всех уровней по выравниванию статусов мужчин и женщин в сфере профессиональной деятельности, развитию социальной инфраструктуры, сокращающей физические и временные затраты на домашний труд, продвижению в общественное сознание идеи о равноправии полов во всех сферах жизнедеятельности общества.

Библиографический список

- Аистов А. В., Леонова Л. А. Семейный статус и удовлетворенность жизнью // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. № 6. С. 5—8.
- Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение?: (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13—22.
- Антонов А. И., Лебедь О. Л., Соколов А. А. Удовлетворенность жизнью, семья и брак в России и Европе // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3. С. 61—69.

- Арженовский С. В.* Эконометрическое моделирование влияния семейного статуса на субъективное благополучие. Ч. 2 // Учет и статистика. 2016. № 1 (41). С. 79—87.
- Берн Ш.* Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 320 с.
- Григорьева М. А.* Степень удовлетворенности браком в зависимости от стажа семейной жизни // Вестник психофизиологии. 2013. № 4. С. 71—72.
- Елианский С. П., Ануфриев А. Ф., Ефимова О. С., Камалетдинова З. Ф., Ковинева М. В., Сапарин О. Е., Семенов Д. В.* Удовлетворенность браком и позитивные личные качества // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 7 (63). С. 437—444.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51—58.
- Задворнова Ю. С.* Трансформация моделей распределения гендерных ролей в современной провинциальной российской семье: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2016. 24 с.
- Золотнюк О.* Социологический взгляд на удовлетворенность браком: измерительные возможности // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 168—176.
- Киммел М.* Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
- Мезенцева Е. Б.* Гендерное разделение домашнего труда: основные тенденции и вопросы экономической оценки // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 279—315.
- Михайлова Е. А.* Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 25—38.
- Панкратова Е. В.* Удовлетворенность жизнью в «городе невест» // Лабиринт. 2013. № 5. С. 164—176. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/pankratova.pdf> (дата обращения: 01.09.2017).
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ: (ред. от 13.07.2015 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.09.2017).
- Смолева Е. О., Морев М. Б.* Качество жизни и ценностные ориентации населения региона // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 108—126.
- Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хасбулатова О. А.* Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15.
- Чернова Ж. В.* Рабочее место, дружественное семье: постановка проблемы // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 33—42.
- Чирикова А. Е.* Женское лидерство и семейные роли: социологический анализ // Власть, этнос, семья: гендерные роли в XXI веке: материалы Международного общественного научного форума (Москва, 28—30 ноября 2010 г.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010. С. 243—246.
- Andrews F. M., Withey S. B.* Social Indicators of Well Being: Americans Perceptions of Life Quality. New York: Plenum Press, 1976. 455 p.
- Campbell A.* The Sense of Well-Being in America: Recent Patterns and Trends. New York: McGraw-Hill, 1981. 263 p.
- Campbell A., Converse Ph. E., Rodgers W. L.* The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions. New York: Russell Sage, 1976. 597 p.
- Gupta S., Sharma A.* Measuring of family life // International Journal of Sociology of the Family. 1998. Vol. 28, № 1. P. 115—118.
- Rettig K. D., Leichtentritt R. D.* A general theory for perceptual indicators of family life quality // Social Indicators Research. 1999. Vol. 47, № 3. P. 307—342.
- Wisawatapnimit P.* Assessment of Family Quality of Life Among Families with a Member Who Has Cancer: Diss. (Dr. Sc.). Nashville (TN), 2009. 276 p.

References

- Aistov, A. V., Leonova, L. A. (2012) Semeinyi status i udovletvorennost' zhizn'iu [Marital status and satisfaction with life], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, no. 6, pp. 5—8.
- Aïvazova, S. G. (2011) Kontrakt "rabotaiushchei materi": narusheniia ili rastorzhenie?: (K voprosu ob osobennostiakh gendernoi politiki v sovremennoi Rossii) [The contract of the "working mother": violation or termination?: (On the issue of gender policy peculiarities in modern Russia)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 13—22.
- Andrews, F. M., Withey, S. B. (1976) *Social Indicators of Well Being: Americans Perceptions of Life Quality*, New York: Plenum Press.
- Antonov, A. I., Lebed', O. L., Sokolov, A. A. (2010) Udovletvorennost' zhizn'iu, sem'ia i brak v Rossii i Evrope [Satisfaction with life, family and marriage in Russia and Europe], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 3, pp. 61—69.
- Arzhenovskii, S. V. (2016) Èkonometricheskoe modelirovanie vliianiia semeinogo statusa na sub"ektivnoe blagopoluchie, pt. 2 [Econometric modeling of the influence of the family status on subjective well-being], *Uchët i statistika*, no. 1 (41), pp. 79—87.
- Bern, Sh. (2001) *Gendernaia psikhologiia*, St. Petersburg: Praïm-Evroznak, 2001.
- Campbell, A. (1981) *The Sense of Weil-Being in America: Recent Patterns and Trends*, New York: McGraw-Hill.
- Campbell, A., Converse, Ph. E., Rodgers, W. L. (1976) *The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfaction*, New York: Russell Sage.
- Chernova, Zh. V. (2014) Rabochee mesto, druzhestvennoe sem'e: postanovka problemy [A family friendly workplace: posing a problem], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 33—42.
- Chirikova, A. E. (2010) Zhenskoe liderstvo i semeinye roli: sotsiologicheskii analiz [Women's leadership and family roles: sociological analysis], in: *Vlast', ètnos, sem'ia: gendernye roli v XXI veke: materialy Mezhdunarodnogo obshchestvennogo nauchnogo foruma (Moskva, 28—30 noiabria 2010 g.)*, Moscow: Institut ètnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 243—246.
- Elshanskiï, S. P., Anuffriev, A. F., Efimova, O. S., Kamaletdinova, Z. F., Kovineva, M. V., Saporin, O. E., Semenov, D. V. (2016) Udovletvorennost' brakom i pozitivnye lichnye kachestva [Satisfaction with marriage and positive personal qualities], *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii*, no. 7 (63), pp. 437—444.
- Grigor'eva, M. A. (2013) Stepen' udovletvorennosti brakom v zavisimosti ot stazha semeinoi zhizni [Degree of satisfaction with marriage depending on the length of family life], *Vestnik psikhofiziologii*, no. 4, pp. 71—72.
- Gupta, S., Sharma, A. (1998) Measuring of family life, *International Journal of Sociology of the Family*, vol. 28, no. 1, pp. 115—118.
- Kimmel, M. (2006) *Gendernoe obshchestvo* [Gender society], Moscow: ROSSPËN.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender politics in XX century: myths and facts], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A. (2016) Gendernye aspekty razvitiia STEM-obrazovaniia v Rossii [Gender aspects of the development of STEM-education in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Mezentseva, E. B. (2004) Gendernoe razdelenie domashnego truda: osnovnye tendentsii i voprosy èkonomicheskoi otsenki [Gender division of domestic work: main trends and issues of economic evaluation], in: *Gendernoe neravenstvo v sovremennoi Rossii skvoz' prizmu statistiki* [Gender inequality in modern Russia through the prism of statistics], Moscow: Editorial URSS, pp. 279—315.

- Mikhaïlova, E. A. (2016) Realizatsiia professional'nogo potentsiala rossiiskikh zhenshchin: sotsiologicheskoe izmerenie [Realizing the professional potential of Russian women: the sociological dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 25—38.
- Pankratova, E. V. (2013) Udovletvorënnost' zhizn'iu v "gorode nevest" [Satisfaction with life in "the city of brides"], *Labirint*, no. 5, pp. 164—176, available from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/pankratova.pdf> (accessed 01.09.2017).
- Rettig, K. D., Leichtentritt, R. D. (1999) A general theory for perceptual indicators of family life quality, *Social Indicators Research*, vol. 47, no. 3, pp. 307—342.
- Smoleva, E. O., Morev, M. B. (2015) Kachestvo zhizni i tsennostnye orientatsii naseleniia regiona [Quality of life and valuable orientations of the population of the region], *Problemy razvitiia territorii*, no. 6 (80), pp. 108—126.
- Wisawatapnimit, P. (2009) *Assessment of Family Quality of Life Among Families with a Member Who Has Cancer*: Diss. (Dr. Sc.), Nashville, TN.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of house work in the Russian family: gender stereotypes and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.
- Zadvornova, Iu. S. (2016) *Transformatsiia modelei raspredeleniia gendernykh rolei v sovremennoi provintsial'noi rossiiskoi sem'e*: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Transformation of models of distribution of gender roles in modern provincial Russian family: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Nizhny Novgorod.
- Zolotniuk, O. (2014) Sotsiologicheskiï vzgliad na udovletvorënnost' brakom: izmeritel'nye vozmozhnosti [Sociological view of satisfaction with marriage: measuring opportunities], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 13, no. 2, pp. 168—176.

Статья поступила 30.08.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Панкратова Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, e_v_pankratova@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 53—66
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 53—66
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5

МОНОРОДИТЕЛЬСКИЕ СЕМЬИ: ИХ ТИПЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ОДИНОКОГО РОДИТЕЛЯ

Г. Л. Воронин^{a, b}, А. Л. Янак^b

^a Институт социологии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия,
voringl@mail.ru

^b Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Развитие феномена монородительства провоцируется и сопровождается многообразием тенденций и социальных практик. Среди значимых свойств, одновременно выступающих факторами дифференциации монородительских семей, выделены: генезис и структура монородительских семей, количество и возраст детей, доходы, тип жилья, уровень образования одиноких родителей, уровень социального самочувствия семей. Использование результатов Всероссийской переписи населения 2010 г., Микропереписи населения 2015 г. и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE за 1994—2016 гг.) позволило систематизировать и интерпретировать динамические показатели, проанализировать основные характеристики монородительских семей, выявить социальный портрет одинокого родителя.

Ключевые слова: монородительская семья, материнская семья, отцовская семья, материальное благосостояние, социальное самочувствие, социальный портрет одинокого родителя.

**SINGLE-PARENT FAMILIES:
THEIR TYPES AND SOCIAL PORTRAIT OF THE LONE PARENT****G. L. Voronin^{a, b}, A. L. Ianak^b**^a Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, voroningl@mail.ru^b Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The development of the phenomenon of single-parenthood is provoked and accompanied by a variety of trends and social practices. The authors point out the following factors of single-parent families differentiation: the genesis and structure of single-parent families, the number and age of children, income, type of housing, the level of education of lone parents, the level of social well-being of families. The use of the Russia Population Census — 2010 results, the Population Microcensus — 2015 and the Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE (RLMS-HSE 1994—2016) allow to systematize and interpret dynamics, analyze the main characteristics of single-parent families, a social portrait of a lone parent.

Key words: single-parent family, single-mother family, single-father family, material well-being, social well-being, social portrait of lone parent.

Введение в проблематику

Современный этап развития института семьи характеризуется плюрализмом супружеских и родительских практик, предполагающим одновременное существование традиционных моделей семейно-брачных отношений и интеграцию их альтернативных форм [Клецин, 1994; Голод, 1996; Гурко, 2008]. К последним относится монородительская семья, которая рассматривается как результат трансформации семейной структуры с двумя родителями, с одной стороны, и реализации стратегии осознанного монородительства — с другой; как самодостаточная семейная единица или промежуточный между структурными изменениями этап жизненного цикла семьи (например, между расторжением брака и заключением повторного).

Монородительская семья является распространенным типом семейных отношений. По официальным данным 2010 г., в монородительских семьях проживали 13,2 млн человек (24,1 % от общего числа семейных ячеек). Доля неполных семей с детьми до 18 лет составила 13,9 % от общего числа семейных ячеек [Всероссийская перепись... , 2010]. Итоги Микропереписи населения 2015 г. фиксируют стабильность показателя на уровне 13 % [Микроперепись... , 2015].

Несколько иначе выглядят результаты ежегодного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 2016 г. [Российский мониторинг... , 2016]. С учетом 95 % доверительного интервала, доля монородительских семей составила в 2016 г. 4,9—6,3 % от общего числа домохозяйств. Расхождения объясняются различиями в трактовках понятия

«монородительская семья». С точки зрения организаторов мониторинга и нашей, монородительская семья — это семья, состоящая из одного взрослого (мать или отец) и детей, а Росстатом под семейной ячейкой понимается супружеская пара с детьми, или супружеская пара без детей, или мать с детьми, или отец с детьми. Семейная ячейка может составлять самостоятельное домохозяйство или входить в состав домохозяйства, где имеются другие родственники или не родственники (например, бабушка, племянник, няня). Речь идет о расширенном толковании понятия.

Материнские и отцовские семьи

Монородительские семьи представлены двумя основными типами: материнские и отцовские. По итогам Всероссийской переписи населения — 2010, доля материнских семей с несовершеннолетними детьми составила 28,9 % от числа семейных ячеек с детьми до 18 лет, отцовских семей — 3,7 % (в 2015 г. — 27,4 и 3,2 % соответственно).

По данным Микрпереписи-2015, в соотношении монородительских семей доминируют материнские семьи — 89,6 %. Различным аспектам жизнедеятельности материнских семей посвящены работы Л. Г. Луняковой [Лунякова, 2001], И. Ф. Дементьевой [Дементьева, 2001], Е. А. Цыглаковой [Цыглакова, 2005], Л. К. Рашитовой [Рашитова, 2011], Е. В. Чуриловой [Чурилова, 2015].

В течение последних десятилетий доля отцовских семей в целом выросла (согласно результатам переписи 1989 г., она составляла лишь 1 % от общего числа семей). Факторы распространения отцовского монородительства таковы: нестабильность семьи и трансформация семейных ценностей; уменьшение родительской ролевой асимметрии вследствие ломки традиционного гендерного порядка; развитие отцовства как родительского субинститута, подтвержденное появлением «новой» маскулинности и альтернативных моделей отцовского поведения, ростом отцовских движений. Динамика отцовских семей вызывает исследовательский интерес к их специфике, проблемам, адаптационным и оптимизирующим их повседневность механизмам [Шевченко, 2014; Егорова, Янак, 2014; Михайлова, 2014; Кириллова, Петрова, 2014; Ермилова, 2016]. Однако малочисленность категории и недостаток литературы по теме приводят к распространенной, но, возможно, поспешной оценке одиноких отцов как некомпетентных, «бесперспективных» родителей [Стасенко, 2010; Михайлова, 2014].

Причины образования монородительских семей

Наряду с овдовением одними из главных источников возникновения монородительских семей являются развод и распад фактических союзов с детьми. В постсоветской России сохраняется высокий уровень разводимости. По данным Микрпереписи-2015, разводы составили 52,7 % от общего количества зарегистрированных браков. После разделения пары дети чаще остаются с матерью. Однако постепенно распространяются практики добровольного отказа женщин от родительства после разрыва супружеских отношений, судебные прецеденты установления места жительства детей после развода в пользу отцов. Если два десятилетия назад доля подобных случаев едва достигала 2—3 %, то сегодня

этот показатель составляет 10—12 % [Кузнецова, 2015]. Усиление родительской мотивации отцов коренится как в проблеме девиантного поведения матерей, так и в актуализации субъектности самих отцов. Очевидно, наряду с нерезидентным («воскресным») отцовством и безотцовщиной развиваются аналогичные феномены в субинституте материнства.

Внебрачное рождение как одна из традиционных причин образования материнских семей сегодня тоже перестает быть исключительно женской прерогативой в связи с применением одинокими мужчинами технологии суррогатного материнства. Пока это исключительные случаи, но они служат индикатором институциональных изменений в структуре родительства.

Монородительские семьи могут также возникнуть в результате лишения одного из родителей родительских прав, частных случаев длительно раздельных браков по профессиональным или образовательным причинам.

Родственная структура

По данным Микрорепериси-2015, 29,6 % монородительских семей являются расширенными. Они имеют особую специфику: родственники не просто делят кров с монородителями, но и, как правило, включаются в формирование семейного бюджета, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, воспитание и контроль, организацию досуга. Целесообразность использования статуса «монородительская семья» можно поставить под сомнение, поскольку в данном случае родственники могут полностью восполнять функции второго родителя.

Количество и возраст детей

Наличие несовершеннолетних детей предполагает комплекс ежедневных потребностей и обязанность родителей обеспечить необходимый минимум для их удовлетворения. Так формируется иждивенческая нагрузка, требующая материальных, бытовых, психологических, социальных, педагогических капиталовложений. Структура потребностей и соответствующих затрат может конкретизироваться в зависимости от возраста детей. Логично выделять группы детей дошкольного и школьного возрастов.

По результатам RLMS-HSE — 2016, в монородительских семьях воспитывается 20,2 % от общего количества лиц моложе 18 лет, из них 6,1 % — дети до 7 лет и 14,1 % — дети от 7 до 17 лет.

По данным Микрорепериси-2015, большинство монородительских семей с детьми до 18 лет являются однодетными: 74,3 % материнских и 80,6 % отцовских семей. Доля многодетных семей с одним родителем составляет от 3,2 % (отцы с детьми) до 4,8 % (матери с детьми).

Отмечается, что отсутствие второго субъекта семейной экономики служит индикатором материальной уязвимости семьи, повышая «риск ее попадания в низкодоходные группы населения», снижения качества жизни семьи. Многие неполные семьи приобретают характеристики «зависимых от пособий» [Дементьева, 2001]. Особое внимание обращается на экономические риски и социальную незащищенность материнских семей [Безрукова, 2007; Чурилова, 2015] в контексте феминизации бедности [Овчарова, 2003].

Многодетность может спровоцировать или усугубить трудности не только материальные, но и жилищные, хозяйственно-бытовые (в семьях одиноких отцов, испытывающих нехватку соответствующих навыков или времени в связи с избыточной занятостью [Хусяинов, Янак, 2016]), психологические (недостаток общения, взаимной поддержки, недовольство старших детей из-за необходимости ухода за младшими сиблингами), воспитательные (поддержание родительского авторитета, доверия), проблему баланса семьи и работы. Специфику проблем могут предопределить: возраст и здоровье монородителя, его профессиональные траектории, социальное и материальное положение, качество межпоколенных связей, состояние образовательной инфраструктуры, вовлеченность второго родителя.

Между тем двухдетность и многодетность могут, напротив, служить факторами оптимизации семейного быта и внутрисемейного взаимодействия, обусловливающими перераспределение домашних обязанностей, помощь старших детей в заботе о младших, консолидацию интересов. Кроме того, не стоит пренебрегать взрослыми детьми как полноправными субъектами рынка труда, способными внести вклад в семейный бюджет, выполнять защитную, представительскую семейную функции.

Пол детей является важным критерием классификации семей, так как служит индикатором проблемы полоролевой социализации детей. В неполных семьях преобладают девочки (около 70 %). Отсутствие примера демонстрации поведенческих особенностей со стороны второго родителя исключает возможность их имитации и деформирует становление гендерной идентичности ребенка. Это может повлиять на тактики создания собственной семьи.

Структура доходов

Данные RLMS-HSE подтверждают справедливость соображений, что отсутствие второго кормильца угрожает финансовому благополучию семьи: среднедушевые доходы в монородительских семьях на 14—15 % ниже, чем в семьях с двумя родителями.

Более детальной картину делает расчет медианного показателя уровня среднедушевого дохода. В 2016 г. он находился в промежутке от 10 433 до 12 000 руб. в месяц. При этом 31,0 % монородительских семей имели доход ниже величины прожиточного минимума на душу населения, который в целом по России составлял 9691 руб.

Анализ децильных групп монородительских семей показал наличие значительного расслоения по уровню среднедушевого дохода (RLMS-HSE — 2016). Среднедушевой доход первой децильной группы составил 2336 руб. в месяц, десятой — 35 627 руб. в месяц.

Основным источником пополнения семейного бюджета в большинстве российских семей является профессиональная занятость трудоспособных членов семьи. Доля совокупного дохода полной семьи от заработной платы составляла 77,6 %, в монородительских семьях — 59,7 %.

Структура доходов монородительских семей разнообразна и подвижна. Несмотря на отсутствие программ по повышению статуса и уровня благосостояния монородительских семей, государство предоставляет отдельные возможности

для улучшения их материального положения. В 2016 г. государственные трансфертные платежи составляли 24,5 % бюджета монородительских семей, или в среднем 8351 руб. в месяц (табл. 1). Возможность пользоваться социальными преференциями для одиноких родителей (матери-одиночки) порой становится мотивом, детерминирующим развод или отказ от регистрации брака в сожительствующих парах.

Таблица 1

**Динамика изменения структуры доходов монородительских домохозяйств
из различных источников с 2010 по 2016 г. в ценах 2016 г., %**

Источник дохода	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Работа на государственных предприятиях	29,2	28,0	29,4	30,7	28,0	22,5	23,4
Работа на частных предприятиях	23,4	24,6	24,9	25,4	29,7	33,7	27,7
Зарплата (общая)	55,6	55,5	55,6	57,5	59,9	57,4	53,4
Государственные трансферты (пенсии, пособия, стипендии)	22,5	24,1	23,6	22,8	23,6	22,8	24,5
Неформальный сектор	3,7	3,0	4,1	2,7	2,2	2,7	3,8
Продажа сельскохозяйственной продукции	3,0	1,8	1,2	1,4	1,2	0,9	0,6
Помощь родственников и благотворительная помощь	13,7	14,1	14,7	14,9	12,4	15,3	16,7

Немаловажную роль в материальном благополучии монородительской семьи играет помощь родственников и благотворительная помощь (13—16 %).

Место проживания и тип жилья

По результатам Всероссийской переписи населения — 2010, 75,1 % семей проживает в городских населенных пунктах. Согласно результатам RLMS-HSE — 2016, около 41,0 % семей проживали в областном центре, 28,0 % — в городе, в поселке городского типа — 8,0 %, в селе — 23,0 %.

Отдельные квартиры занимают 76,0 % семей, отдельный дом (его часть) — 24,0 %, жилплощадь в общежитии — 3 %. Большинство монородительских семей (87,1%) обеспечены собственным жильем. Величина общей площади жилого помещения на одного человека составляет 17,2 м² (11,2 м² жилой площади). В 2016 г. в съемном жилье проживала примерно каждая десятая монородительская семья. Между тем доля монородительских семей, проживающих в съемном

жилье, за период с 1994 по 2016 г. увеличилась почти в 2 раза. Актуализация жилищных проблем монородительских семей, связанная с отсутствием/потерей жилья и вынужденной арендой помещения, — следствие роста числа семей, возникающих в результате разрушения структуры с двумя родителями, когда вместо одного домохозяйства образуется два и более, нуждающихся в отдельном жилье.

По результатам исследования постразводных семей на примере Ивановской и Нижегородской областей [Ермилова, 2016], разведенные отцы-монородители способны обеспечить более комфортные жилищные условия своим детям (при отсутствии собственного жилья альтернативным вариантом служит отдельное съемное жилье, а не общежитие, как у некоторых разведенных матерей).

Образование монородителей

По данным RLMS-HSE — 2016, в монородительских семьях 22,8 % взрослых имеют высшее образование, тогда как в полных семьях данный показатель существенно выше — 33,3 % (рис. 1). Возможно, низким уровнем образования объясняется неудачный опыт создания семьи монородителями. Так, в группе монородителей 15,0—16,0 % никогда не состояли в браке, доля разведенных составляет около 38,0 %, а вдовым является каждый четвертый монородитель.

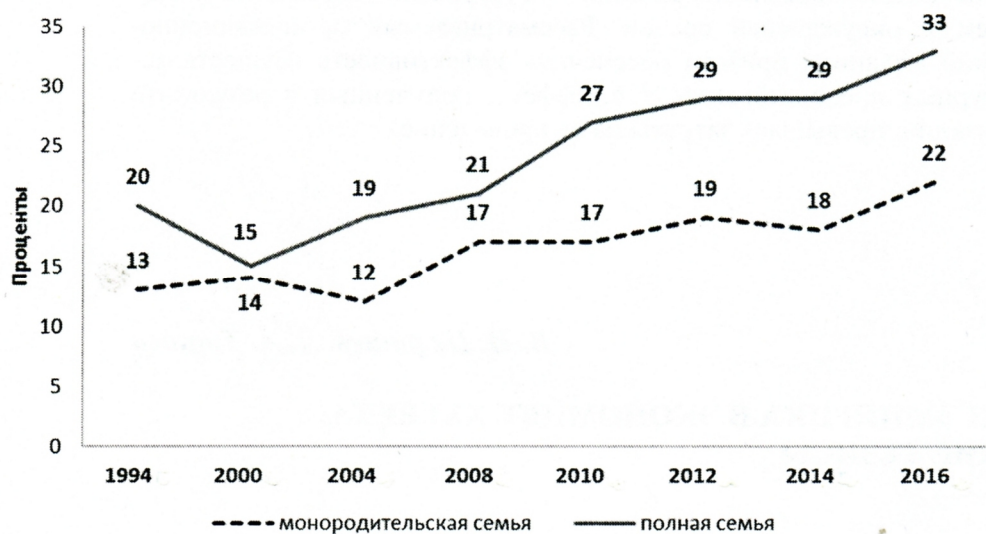

Рис. 1. Динамика изменения доли родителей из полных и монородительских семей, имеющих высшее образование, % (по данным RLMS-HSE за 1994—2016 гг.)

Социальное самочувствие монородителей

Согласно RLMS-HSE — 2016, 39,6 % монородителей заявляют об удовлетворенности жизнью. В целом одинокие родители дают сдержанный/пессимистический прогноз на ближайшее будущее: 26,1 % монородителей

считают, что будут жить хуже, чем сейчас, 51,5 % — считают, что ничего не изменится, и лишь 22,3 % — настроены позитивно. Показатели негативных оценок жизненных перспектив в 2015—2016 гг. стали самыми высокими за последние полтора десятилетия.

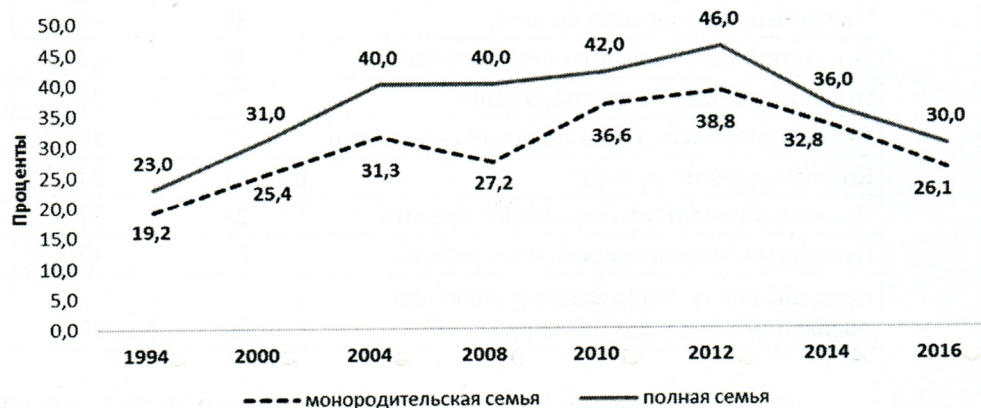

Рис. 2. Доля родителей из монородительских и полных семей, уверенных, что в ближайшие 12 месяцев их семья будет жить «намного лучше» и «немного лучше», %
(по данным RLMS-HSE за 1994—2016 гг.)

Наблюдаемая динамика (рис. 2) позволяет фиксировать прямую связь между социальным самочувствием граждан и характером мировых и национальных социально-экономических и социально-политических процессов. При этом монородительские семьи, более подверженные внутренним и внешним угрозам, реагируют на изменения болезненнее, судя по глубине падения оценочных показателей, чем семьи с двумя родителями.

Социальный портрет монородителя

На основе линейной комбинации социально-демографических характеристик предпримем попытку выделить те, которые определяют семейную принадлежность индивидов. Анализ проводился на материале данных RLMS-HSE 2010—2014 гг.* Фиксируется устойчивость базовых характеристик, влияющих на принадлежность к монородительской или полной семье. К их числу на основе анализа коэффициентов стандартизованной канонической дискриминантной функции отнесем следующие переменные: пол, возраст, образование, индивидуальный доход, продолжительность рабочего дня и тип населенного пункта (табл. 2).

* Данные 2015 и 2016 гг. делают картину распознавания образа монородителя нечеткой. Полагаем, что размытость показателей обусловлена ухудшением экономической ситуации в стране (изменения на рынке труда, уровня заработной платы, соотношения доходов и расходов и пр.).

Таблица 2

Коэффициенты стандартизованной канонической дискриминантной функции

Переменная	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Пол	0,998	0,956	0,960	0,960	1,032
Индивидуальный доход (в ценах 2014 г.)	0,234	0,145	0,138	0,162	0,308
Продолжительность рабочего дня	0,104	–	–	–	0,210
Образование	–0,301	–0,300	–0,295	–0,284	–0,319
Возраст	0,414	0,446	0,446	0,426	0,320
Тип населенного пункта	–0,123	–0,162	–0,148	–0,103	–

В ходе анализа была получена формула линейной комбинации характеристик прогноза вероятности принадлежности взрослого к монородительской или полной семье (табл. 3).

Таблица 3

**Принадлежность к монородительской или полной семье
на основе дискриминантного анализа индивидуальных характеристик**

Предиктор	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
<i>Коэффициент канонической дискриминантной функции</i>					
Пол (1÷2, мужчины, женщины)	2,1336618	2,0517842	2,0678021	2,0375107	2,1770852
Индивидуальный доход (в ценах 2014 г.)	0,0000112	0,0000069	0,0000040	0,0000039	0,0000120
Продолжительность рабочего дня	0,0277174	–	–	–	0,0541162
Образование (1÷4, неполное среднее, общее среднее, среднее специальное, высшее)	–0,2985556	–0,2935147	–0,2667106	–0,2813045	–0,3138772
Возраст	0,0528250	0,0551494	0,0562307	0,0538747	0,0410217
Тип населенного пункта	–0,1040027	–0,1397499	–0,1281329	–0,0898732	–
Константа	–4,6271081	–4,2007524	–4,3491916	–4,2193228	–4,8190358
<i>Коэффициент функции в центроидах групп</i>					
Монородительская семья	0,873	0,881	0,888	0,803	0,830
Полная семья	–0,205	–0,209	–0,208	–0,183	–0,172
Граница разделения	0,334	0,336	0,340	0,310	0,329
Процент исходных сгруппированных наблюдений, класси- фицированных правильно	65,9	64,5	63,9	62,8	66,1

Показатель точности прогноза составил 62,8—66,1 %, что подтверждает высокую эффективность модели прогнозирования результатов.

Интерпретируем результаты 2014 г.:

$$\text{Тип семьи} = 2,1770852 \times \text{Пол} + 0,0000120 \times \text{Доход} + 0,0541162 \times \\ \times \text{Рабочий день} - 0,3138772 \times \text{Образование} + 0,0410217 \times \text{Возраст} - 4,8190358.$$

Данные позволяют представить социальный портрет монородителя. Это женщина старше 37 лет, имеющая среднее специальное образование и ниже, доход более 27 000 руб. (на 2014 г.), проживающая в городе или областном центре. В 2010 и в 2014 гг. к не менее значимым характеристикам отнесена средняя продолжительность рабочего дня — 10 часов и более. Видно, что более высокий уровень образования женщины, при сохранении остальных показателей, способствует устойчивому развитию семьи.

Проверим результаты через коэффициенты функции классификации (табл. 4).

Таблица 4

**Результаты расчета составляющих социального портрета родителя
в разных типах семьи**

Параметр	Тип семьи		Социально-демографическая характеристика	Тип семьи	
	Монородительская	Полная		Монородительская	Полная
Пол	10,346	8,165	Женщина (2)	20,69272	16,32918
Индивидуальный доход (в ценах 2014 г.)	0,0000463	0,0000343	25000 руб.	1,157544	0,858033
Продолжительность рабочего дня	0,934	0,880	8 ч	7,472319	7,038459
Образование (среднее, 2)	1,976	2,291	2	3,952251	4,581355
Возраст	0,648	0,607	30 лет	19,43236	18,19906
Константа	-30,726	-25,567	-25,567	-30,726	-25,567
Линейная дискриминантная функция Фишера				$\Sigma 21,9809 > \Sigma 21,43929$	

Результаты расчета линейной дискриминантной функции Фишера полностью совпадают с данными расчета с применением коэффициентов канонической дискриминантной функции. Показатели при расчете линейного уравнения для монородительских семей превышают показатели расчета линейного уравнения для полных семей. В данном случае это говорит о том, что женщины в возрасте 30 лет со средним образованием, имеющие доход 25 000 руб. и работающие полный рабочий день, с большей долей вероятности будут принадлежать к монородительской, чем к полной семье.

Заключение

Распространение монородительских семей является результатом актуальных общемировых тенденций и трансформаций в семейной сфере. В широком смысле рост подобных практик может оцениваться как демонстрация модернизационного потенциала института семьи. С другой стороны, исследования по проблеме помогают выявить негативные факторы и последствия монородительства:

— социально-экономическую уязвимость семей как в связи с отсутствием второго (или основного) кормильца, так и в связи с недостаточно высокими доходами женщин, которые чаще стоят во главе монородительских семей;

— пополнение низкодоходных или бедных слоев населения, активно пользующихся социальными трансфертами и помощью родственников;

— препятствие успешной социализации детей, лишенных паттерна поведения одного из родителей (проблема переноса родительского опыта семейных отношений на семейно-брачные траектории детей из неполных семей дает повод задуматься о тенденциозной преемственности монородительских практик);

— снижение уровня удовлетворенности жизнью, уверенности в будущем, которые являются интегральными показателями, напрямую зависящими от различных социально-экономических и социально-культурных характеристик, ресурсности, успешности семьи, а также внешних макроэкономических и макрополитических процессов;

— корреляцию уровня образования женщин с их семейной принадлежностью (чем ниже уровень, тем вероятнее монородительство).

Высокая представленность монородительских семей в семейной номенклатуре российского общества означает рост удельного веса потенциальных рисков для института семьи, представляя собой кризисное явление. При этом тревогу вызывает как увеличение доли отцовских семей, указывающих на девиацию материнства, так и материнских семей, олицетворяющих собою монородительство в целом.

Библиографический список

- Безрукова О. Н.* Одинокие матери: проблемы жизни в мегаполисе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Политология. Международные отношения. 2007. № 4. С. 71—82.
- Всероссийская перепись населения 2010 г. / Росстат. 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 13.06.2017).
- Голод С. И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 99—108.
- Гурко Т. А.* Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 324 с.
- Дементьева И. Ф.* Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 108—113.
- Егорова Н. Ю., Янак А. Л.* Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 42—46.

- Ермилова А. В. Жизнь после развода родителей в восприятии детей: социологический анализ // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1 (78). С. 69—79.
- Кириллова О. С., Петрова Л. Е. Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью // *Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология*. 2014. № 3 (19). С. 128—136.
- Клецин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // *Рубеж*. 1994. № 5. С. 166—179.
- Кузнецова О. В. Защита прав отцов по семейному законодательству // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 17 (372). Сер.: Право. Вып. 43. С. 89—94.
- Луныкова Л. Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // *Социологические исследования*. 2001. № 8. С. 86—95.
- Микроперепись населения 2015 г. / Росстат. 2015. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 13.06.2017).
- Михайлова А. И. Монородительские (отцовские) семьи: социолого-управленческий аспект: дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2014. 169 с.
- Овчарова Л. Н. Показатели уровня и качества жизни в зеркале гендерных различий // *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской*. М.: МВШСЭН, 2003. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/564/692/1219/015.OVCHAROVA.pdf> (дата обращения: 21.08.2016).
- Рашитова Л. К. Городская монородительская материнская семья: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2011. 26 с.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2016. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 03.10.2017).
- Стасенко О. В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3. С. 78—82.
- Хусяинов Т. М., Янак А. Л. Постановка проблемы неполной и избыточной занятости одиноких родителей в контексте баланса семьи и работы: (на примере монородительских отцовских семей в России) // *Социодинамика*. 2016. № 1. С. 75—91.
- Цыглакова Е. А. Социальный статус монородительской семьи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 32 с.
- Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // *Социологические исследования*. 2015. № 3. С. 78—81.
- Шевченко И. О. Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2014. № 4 (126). С. 163—172.

References

- Bezrukova, O. N. (2007) *Odinokie materi: problemy zhizni v megapolise* [Single mothers: problems of living in the city], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seriia 6, Politologiya, Mezhdunarodnye otnosheniia, no. 4, pp. 71—82.
- Churilova, E. V. (2015) *Sostav i blagosostoianie nepolnykh semei v Rossii* [Structure and well-being of single-parent families in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 78—81.
- Dement'eva, I. F. (2001) *Negativnye faktory vospitaniia detei v nepolnoi sem'e* [Negative factors of education of children in the single-parent family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 108—113.

- Egorova, N. Iu., Ianak, A. L. (2014) Ottsovskaja sem'ia kak novyj klient sotsial'noj raboty [Single father family as a new client of social work], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, serija Sotsial'nye nauki, no. 2 (34), pp. 42—46.
- Ermilova, A. V. (2016) Zhizn' posle razvoda roditel' v vospriatii detei: sotsiologičeskij analiz [The perception of children's life after the divorce: a sociological analysis], *Zhenshchina v rossijskom obščestve*, no. 1 (78), pp. 69—79.
- Golod, S. I. (1996) Sovremennaja sem'ia: pluralizm modelej [Modern family: pluralism of models], *Sotsiologičeskij žurnal*, no. 3—4, pp. 99—108.
- Gurko, T. A. (2008) *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Khusiainov, T. M., Ianak, A. L. (2016) Postanovka problemy nepolnoj i izbytočnoj zaniatosti odinokikh roditel' v kontekste balansa sem'i i raboty: (Na primere monoroditel'skikh ottsovskikh semej v Rossii) [Formulation of the problem of underemployment and overemployment of lone parents in the context of the balance of the family and work: (On the example of the single-father families in Russia)], *Sotsiodinamika*, no. 1, pp. 75—91.
- Kirillova, O. S., Petrova, L. E. (2014) Sotsial'nye praktiki odinokikh ottsov: analiz na osnove kachestvennykh interv'iu [Social practices of single fathers: analysis based on qualitative interviews], *Vestnik Permskogo universiteta*, serija Filosofija, Psikhologija, Sotsiologija, no. 3 (19), pp. 128—136.
- Kletsin, A. A. (1994) Vnebrachnye i al'ternativnye (nemodal'nye) sem'i: formy i sodержanie [Extramarital and alternative (non-modal) families: forms and content], *Rubezh*, no. 5, pp. 166—179.
- Kuznetsova, O. V. (2015) Zashchita prav ottsov po semejnomu zakonodatel'stvu [It is sewn up the rights of fathers by the family legislation], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 17 (372), serija Pravo, no. 43, pp. 89—94.
- Luniakova, L. G. (2001) O sovremennom urovne zhizni semej odinokikh materej [About the modern standard of living of lone mothers families], *Sotsiologičeskie issledovaniia*, no. 8, pp. 86—95.
- Mikhaïlova, A. I. (2014) *Monoroditel'skie (ottsovskie) sem'i: sotsiologo-upravlenčeskij aspekt*: Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Single-parent (lone-father) family: aspect of sociology of management: Diss. (Cand. Sc.)], Chita.
- Mikroperepis' naseleniia 2015 g.* (2015) [Population Microcensus — 2015], available from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (accessed 13.06.2017).
- Ovcharova, L. N. (2003) Pokazateli urovnia i kachestva zhizni v zerkale gendernykh razlichij [Indicators of the level and quality of life in the mirror of gender differences], in: Zaslavskaja, T. I. (ed.), *Kuda prishla Rossiia? Itogi sotsietal'noj transformatsii* [Where did Russia come? Results of societal transformation], Moscow: MVShSEŃ, available from <http://ecsocman.hse.ru/data/564/692/1219/015.OVCHAROVA.pdf> (accessed 21.03.2017).
- Rashitova, L. K. (2011) *Gorodskaja monoroditel'skaja materinskaja sem'ia*: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Urban lone mother family: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Ufa.
- Rossiiskij monitoring ekonomičeskogo položenii i zdorov'ia naseleniia NIU VShĖ (RLMS-HSE)* (2016) [Russian longitudinal monitoring survey — HSE (RLMS-HSE)], available from <http://www.hse.ru/rlms> (accessed 03.03.2017).
- Shevchenko, I. O. (2014) Odinokie ottsy v Rossii: povsednevnye praktiki i problemy [Single fathers in Russia: everyday practices and challenges], *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, serija Filosofija. Sotsiologija. Iskusstvovedenie, no. 4 (126), pp. 163—172.

- Stasenko, O. V. (2010) *Odinokoe otsovstvo v sovremennom obshchestve: prichiny vozniknoveniia i osnovnye problemy* [Lone fathers in modern society: causes and main problems], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—82.
- Tsyglakova, E. A. (2005) *Sotsial'nyi status monoroditel'skoĭ sem'i: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [The social status of single-parent family: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Saratov.
- Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 g.* (2010) [Russia Population Census — 2010], available from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 13.06.2017).

Статья поступила 05.05.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Воронин Геннадий Леонидович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, voroningl@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Янак Алина Леонидовна — аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, alinayanak91@yandex.ru (Postgraduate student at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 67—77
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.6

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 67—77
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.6

«#ОНАЖЕМАТЬ»: ИМПЛИЦИТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МАТЕРИНСТВЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

А. В. Микляева, П. В. Румянцева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, a.miklyaeva@gmail.com

Изложены результаты теоретического и эмпирического анализа социальных представлений о материнстве. Показано, что социальные представления о материнстве неоднородны и, помимо декларируемого содержания, предполагающего исключительно позитивный образ материнства в общественном сознании, включают в себя имплицитные компоненты, содержащие противоречивые ожидания от женщины в материнской роли. Отмеченные противоречия носят универсальный с точки зрения культуры характер и вместе с тем имеют выраженную социокультурную специфику. На основе контекст-анализа интернет-форума выявлено, что противоречивость ожиданий от женщины-матери характерна в том числе для современного российского общества, причем описанные противоречия несут в себе потенциал конфликтности в межличностных отношениях (как в семье, так и за ее пределами), выступают основанием для неявной дискриминации женщин-матерей в различных сферах жизни, а также для проявления эффекта самодискриминации.

Ключевые слова: материнство, теория социальных представлений, имплицитные социальные представления.

**“#SHEISAMOTHER”: IMPLICIT SOCIAL BELIEFS
ABOUT MOTHERHOOD
IN THE MODERN RUSSIAN INTERNET DISCOURSE**

A. V. Miklyayeva, P. V. Rumyantseva

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
a.miklyayeva@gmail.com

The paper presents the results of both the theoretical and empirical research of social beliefs about motherhood. It is shown that social beliefs about motherhood are rather heterogeneous. They include some open content according to which motherhood is highly respected and emotionally positive social role, but there also are some implicit components that contain conflicting social expectations. These contradictions are universal from the cultural point of view but are different in different cultures.

The authors chose to sample posts on motherhood from a Russian based parenting website (<http://forum.materinstvo.ru/>). The method of inductive content-analysis was applied, and 667 posts were analyzed in total. The results have shown that in modern Russian society the conflicting content of social beliefs about motherhood is connected with the contradictions in the social expectations imposed on a woman in a maternity role. It is supposed that a mother is responsible for her children's and other family members' wellbeing in almost every realm of life. It makes fulfillment of those expectations impossible. These contradictions can lead to various interpersonal conflicts (both within the family and outside it), and can form a basis for different forms of mother's discrimination in varied social contexts as well as lead to a self-discrimination phenomena manifestation.

Key words: motherhood, social beliefs theory, implicit social beliefs.

Феномен материнства исследуется в современной науке довольно широко. Одним из популярных направлений является изучение представлений о материнстве, о системе социальных и межличностных отношений. Анализ литературы свидетельствует о том, что в большинстве социологических и социально-психологических работ, посвященных изучению представлений о материнстве, прослеживается тенденция к описанию тех аспектов их содержания, в рамках которых материнство имеет преимущественно положительные коннотации [Васягина, 2015; Пономарева, 2014; Конторович, 2010]. Однако повседневная практика свидетельствует о том, что в содержании социальных представлений о материнстве имеет место и составляющая противоположной модальности, носящая имплицитный (малоосознаваемый) характер. Эта составляющая попадает в фокус внимания значительно реже, несмотря на ее очевидное влияние на широкий спектр социальных и межличностных отношений, связанных с реализацией женщиной материнской роли, и зачастую становится предпосылкой дискриминации женщины, выступающей в роли матери. Наиболее популярной методологической парадигмой исследования имплицитных компонентов социальных представлений о материнстве сегодня является парадигма социального конструкционизма, в рамках которой материнство рассматривается как социальный конструкт [Kruger, 2006].

В качестве теоретико-методологической базы изучения представлений о материнстве, распространенных в современном социуме, целесообразно рассматривать теорию социальных представлений, разработанную французской школой социальной психологии (С. Московичи, В. Дуаз, Д. Жодоле и др.). *Социальные представления* — это универсальный социально-психологический феномен, объединяющий идеи, мысли, образы и убеждения, которыми совместно пользуются члены общности [Augoustinos, Innes, 1990], определяющий смысловые границы, в которых трактуются социально-значимые объекты, а также отношение к этим объектам [Андреева, 1997]. При этом социальные представления, по утверждению С. Московичи, настолько глубоко проникают в реальность, что, по сути, создают сами себя [Московичи, 1995], т. е. не только отражают реальность, но и активно участвуют в ее формировании [Емельянова, 2006]. Результаты современных социально-психологических исследований позволяют выделить в структуре социальных представлений содержательно различные компоненты: декларируемые (отвечающие социальному «мейнстриму», наиболее осознанные, не вызывающие конфликтного отношения к себе) и имплицитные (малоосознаваемые в силу потенциальной конфликтности, однако влияющие на социальное поведение наряду с декларируемыми) [Павлова и др., 2015].

Анализ литературы, посвященной изучению социальных представлений о материнстве, позволяет утверждать, что обозначенная нами проблема имплицитных представлений о материнстве, вступающих в противоречия с эксплицитными, актуальна для различных культур. Обозначим ее основное содержание.

Во-первых, характерной чертой данных представлений является прежде всего существующая в общественном сознании обязательность исполнения любой женщиной материнской роли, так называемый «материнский мандат»: согласно традиционным представлениям о разделении гендерных ролей, именно материнство составляет стержень идентичности любой женщины, исторически ей предписывалось иметь как можно больше детей, предпочтительно мальчиков, и воспитать их «хорошо» [Russo, 1979]. Как показывают результаты современных исследований, отказывающиеся от рождения детей женщины по-прежнему подвергаются общественному осуждению и стигматизации, поскольку материнство считается естественным состоянием женщины, соответственно отсутствие детей квалифицируется как состояние ненормальное и нездоровое, а такие женщины рассматриваются в качестве эгоистичных, несчастных, психологически неполноценных [Meyers, 2001; Gillespie, 2003; Mamabolo et al., 2009].

Во-вторых, предполагается, что материнство должно приносить всем женщинам счастье и эмоциональное удовлетворение, поскольку они обладают особым врожденным «материнским инстинктом», который детерминирует формы поведения, направленные на заботу о ребенке. Женщины, не способные получать эмоциональное удовлетворение от исполнения материнских ролей, считаются психологически и психически нездоровыми [Kruger, 2006]. Именно данные социальные представления делают для многих женщин невозможным выражение отрицательных эмоциональных переживаний, связанных с материнством (неудовлетворенность, разочарование, фрустрация, гнев), и, следовательно, поиск социальной поддержки [Mamabolo et al., 2009].

В-третьих, еще одной универсальной с культурной точки зрения чертой социальных представлений о материнстве является жесткая нормативность

исполнения данной социальной роли, наличие в общественном сознании модели идеальной матери, которой в реальности практически невозможно соответствовать. Анализ литературы показывает, что, стараясь соответствовать этим значительно идеализированным представлениям о материнстве, многие женщины начинают испытывать чувство вины и эмоциональную амбивалентность во взаимодействии с собственными детьми [Triliva, 2014].

В-четвертых, в исследованиях показано, что социальные представления о материнстве влияют на сферы, находящиеся за пределами семейного взаимодействия. В частности, выявлено, что переход женщины к материнству приводит к изменениям взаимных ожиданий самой женщины и ее работодателя, т. е. изменениям в так называемом психологическом контракте [Costa et al., 2012]. Беременных женщин сотрудники по работе начинают воспринимать не как эффективных профессионалов, а исключительно как будущих матерей, хотя для самих женщин их профессиональная идентичность остается весьма значимым компонентом самосознания. Это приводит к появлению ощущения недооцененности, маргинализации и страхам и тревоге, связанным с неуверенностью в собственном профессиональном будущем. После возвращения из отпуска по уходу за ребенком женщинам приходится прилагать определенные усилия для того, чтобы воссоздать позитивную профессиональную идентичность либо сформировать новый ее вид — идентичность работающей матери, преодолевая негативные социальные представления коллег, сомневающих в их компетентности и мотивированности, а также собственное чувство вины и тревоги, связанное с опасениями относительно невозможности успешно сбалансировать материнскую и профессиональную идентичности [Millward, 2006; Haynes, 2008].

На наш взгляд, определенный интерес представляют и культурно-специфические особенности того, как эти универсальные компоненты социальных представлений о материнстве преломляются в конкретной культуре, поскольку, как отмечают исследователи, материнство представляет собой систему социальных отношений, выходящих за пределы и нуклеарной, и расширенной семьи в более широкий социальный и культурный контекст. Именно постоянно изменяющийся, конструируемый и реконструируемый контекст формирует материнскую идентичность и конкретные поведенческие практики [Triliva, 2014].

Результаты исследования, проведенного на Крите, показывают, что греческие женщины осознают давление социальных норм «хорошего материнства», ощущают собственную ответственность не только за своих детей, но и за экономическое, моральное и прочее благополучие общества в целом. Это давление усиливается вследствие постоянных социальных изменений, поскольку общественные ожидания в нестабильном социокультурном контексте оказываются насыщенными противоречивыми, а значит крайне мало реализуемыми посланиями. Интересно, что данные факты находятся в противоречии с многократно описанными в греческой культуре образами материнства и матери, которые воспринимаются исключительно в позитивном эмоциональном ключе, высоко социально оцениваются, рассматриваются в качестве наиболее значимой, универсальной и «священной» роли каждой женщины [Triliva, 2014].

В Японии достаточно широко распространенными остаются традиционные представления о материнстве, которые включают идеи высочайшей преданности детям и самопожертвования. В исследованиях подчеркивается, в частности,

что женщина не может быть хорошей матерью, если она не жертвует собой ради своих детей, и что удовольствие от материнства возможно получить исключительно через преодоление трудностей, связанных с воспитанием детей. Эти представления оказываются весьма устойчивыми даже в эпоху общественных изменений, сопровождающих технологические инновации и экономическое развитие. Многие японские женщины по-прежнему с трудом совмещают карьеру и воспитание детей, а количество работающих женщин, имеющих детей дошкольного возраста, в Японии гораздо ниже, чем в других развитых странах. Подобные представления о материнстве приводят к наличию у современных японских женщин эмоционально амбивалентных переживаний относительно собственного родительского опыта [Aono, Kashiwagi, 2011].

Интересно, что данные представления обнаруживают определенное сходство с элементами традиционной русской православной культуры, в которой женщине-матери приписывается достаточно высокий статус. Достигается он, однако, полным самопожертвованием, требуемым от исполнительницы этой социальной роли [Юсупова, 2000]. В современном российском общественном сознании материнство часто связывается с понятием «ответственность», которое трактуется как психологическая и интеллектуальная готовность к выполнению родительской функции. В понятие ответственности включается также и особым образом организованное взаимодействие между матерью и ребенком, которое должно быть основано на очень точном понимании матерью нужд и потребностей ребенка, на положительных эмоциональных взаимоотношениях с ним, а также неприятию физических наказаний [Shpakovskaya, 2015].

Таким образом, в социологической и социально-психологической литературе убедительно показано, что, помимо эксплицируемого содержания, социальные представления о материнстве включают в себя имплицитные компоненты, содержащие негативные коннотации материнства. Для их изучения нами было проведено эмпирическое исследование, в рамках которого анализировались имплицитные аспекты социальных представлений о материнстве, нашедшие отражение в пространстве интернет-форумов, посвященных проблемам материнства. В качестве предварительной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что социальные представления о материнстве, отражающиеся в интернет-пространстве, неоднородны и, помимо традиционно вербализуемых представлений положительной модальности, включают в себя амбивалентно окрашенные представления, которые имеют имплицитный характер и вследствие этого вызывают сопротивление интернет-аудитории в случае их вербализации.

Методологическую базу исследования составила позиция зарубежных исследователей [Mitra, Watts, 2002; Tanner, 2006], согласно которой в Интернете находят отражение актуальные социальные дискурсы, поскольку он создает свободное (прежде всего в силу анонимности) пространство для воспроизведения социальных представлений. В частности, в рамках обсуждений на различных интернет-форумах актуализируются не только декларируемые компоненты социальных представлений, но и те, которые вступают в противоречие с ними.

Отметим, что в процессе выбора материала для анализа мы столкнулись с трудностями, связанными с тем, что проблемы, сопряженные с имплицитными представлениями о материнстве, обсуждаются напрямую крайне редко. В качестве иллюстрации можно привести данные о том, что в пяти самых многочисленных

группах социальной сети «ВКонтакте», в названии которых фигурирует слово «материнство» (общая численность — 187 610 участников¹), обозначенная проблема прямо не поднимается ни разу. Как правило, сообщения, посвященные этой проблематике, «рассыпаны» по разным тематическим форумам, что не позволяет осуществить ее систематическое описание.

В этой связи в качестве материала для анализа были выбраны сообщения, представленные на форуме «Материнство» (<http://forum.materinstvo.ru/>), в обсуждениях которого была обнаружена тема, прямо связанная с заявленной проблемой: «Материнство — дискриминация и рабство, сладкое для “плохих” мам»². 667 сообщений, составляющих тему, были подвергнуты контент-анализу.

На первом этапе контент-анализа определялись сообщения, отражающие амбивалентно окрашенные представления о материнстве (те аспекты представлений, которые вызвали негативный эмоциональный отклик интернет-аудитории). Оказалось, что 73,1 % от общего числа сообщений в анализируемой теме носят нейтральный характер или не имеют прямого отношения к проблеме. В 12,7 % сообщений, составляющих содержание интернет-дискуссии, находят отражение амбивалентные представления о материнстве. 14,9 % сообщений содержат более или менее ярко выраженное осуждение вербализации внутренней противоречивости представлений о материнстве и материнской роли. Именно две последние группы сообщений были выбраны в качестве материала для углубленного изучения.

Анализ сообщений, в которых фиксировалось амбивалентное содержание представлений о материнстве, проводился последовательно по двум основаниям: темы противоречий, отраженные в представлениях о материнстве, и сферы жизни, в которых актуализируются амбивалентные представления о материнстве. Результаты отражены в таблице.

**Частота встречаемости контент-аналитических категорий,
которые содержат амбивалентные представления о материнстве**

Категория ответа	Частота встречаемости
<i>Тема противоречий в представлениях о материнстве</i>	
Взаимодействие с ребенком	0,682
Взаимодействие с мужем	0,212
Профессиональная самореализация женщины	0,082
Другое	0,024
<i>Сфера жизни, в которой актуализируются амбивалентные представления о материнстве</i>	
Внутрисемейное взаимодействие	0,376
Самоотношение женщины	0,329
Профессиональное взаимодействие	0,112
Взаимодействие с образовательными учреждениями, которые посещают дети	0,103
Взаимодействие с незнакомыми людьми	0,080

¹ Здесь и далее приводятся данные по состоянию на 27 июня 2016 г.

² В цитатах с форума сохраняется орфография и пунктуация источника.

Большинство подобных сообщений содержат фиксацию противоречивости требований, предъявляемых обществом к «хорошей матери», и, следовательно, невозможности им соответствовать в реальности.

Написала [на форуме], что учила на велике кататься беременная — плохая мать, о маленьком в животе не подумала, не позаботилась, а вдруг замершая [беременность], а вдруг роды преждевременные (ребенок-то родился уже 1,5 года как, и все нормально у него, слава Богу). Написала бы, что из-за беременности отложила обучение, была бы тоже плохая мать, что только о своих хотелках думает, а о старшем не заботится, и он же не виноват и из-за братика страдать не должен. А еще ленивая, беременностью отговаривается, чтобы от активных прогулок откосить.

Другая часть сообщений фиксирует сверхответственность матери как существенный компонент социальных представлений.

...Выйдите и скажите: «Муж завел любовницу. Нашему ребенку год, очень возбудимый малыш, я ночи не сплю, на мужа и фигуру, ессесна, подзабила — наверное, виновата сама...» — и услышите в ответ целый хор: «Да, сама виновата, стала коровой, а мужчинам нужен феерический секс!» или пожалуйте: «Сижу дома с ребенком, устаю ужасно, на уборку часто не хватает сил, а муж ругается» — и опять же вам сообщат, что вы «самадура» и просто безрукая лентяйка, поскольку абсолютное большинство здешних мамочек умудряется и с дитем сидеть, и порядок наводить, и красотой блистать, и третье высшее получать в перерывах между кормлениями. Или скажите: «Сижу в декрете, малышу полтора года, муж не хочет зарабатывать...» — и вот оно опять: «А вы сами зарабатывать не пробовали? Муж вам ничего не должен!» Слишком много ответственности перекладывается на мать.

Эти противоречия сосредоточены вокруг разных тем, прежде всего взаимодействия с ребенком (0,682 от общего количество ответов в данной категории, основное противоречие коренится в континууме «мало внимания детям — мало внимания себе»), взаимодействия с мужем (0,212, основное противоречие «мало внимания детям — мало внимания мужу»), профессиональной самореализации женщины (0,082, основное противоречие «мало внимания детям — карьерная несостоятельность / финансовая зависимость»).

Анализ сфер, в которых проявляются данные аспекты социальных представлений о материнстве, показывает, что это в первую очередь сфера семейных отношений (0,376): *Наиболее обидно, когда фраза «Ты плохая мать» исходит от родных людей.* Значительно реже упоминаются различные внесемейные сферы: образовательные учреждения, которые посещают дети (*А я сегодня... в Гошкиной школе наслушалась, какая я мать и сколько кому я должна*), потенциальные места работы (*Найти бы работу, на которую можно с ребенком приходить*), взаимодействие с незнакомыми людьми (*Любой прохожий лучше меня знает, как надо воспитывать моего ребенка*). Обращает на себя внимание тот факт, что негативные коннотации материнства прослеживаются не только в межличностных отношениях, которые в силу этого, как видно из приведенных высказываний, приобретают конфликтный потенциал, но и в самоотношении матери. Примерно треть ответов из этой категории (0,329) свидетельствуют о том, что подобные представления наносят ущерб самоотношению женщины,

заставляют чувствовать себя виноватой или несостоятельной в своей материнской роли (*Все время съедаю себя поедом*), провоцируя различные формы самодискриминации.

В контексте нашего исследования интерес вызывали не только те сообщения, в которых содержались отсылки к имплицитным социальным представлениям о материнстве, но и реакции на эти сообщения со стороны других пользователей. Прямые ответы (обращенные к автору сообщения) составили 26,4 % от общего числа сообщений, причем больше половины из них содержали в себе негативные оценки позиции или личности автора сообщения, носящего амбивалентный характер (14,9 % от общего числа сообщений, как отмечалось выше). Встречались как достаточно мягкие порицания в адрес авторов соответствующих сообщений (*Я вас не хочу обижать никоим образом, просто большинство проблем вы сами себе создаете, искусственно и как будто наслаждаетесь даже*), так и довольно резкие оценки отдельных участниц обсуждения (*Имхо, у вас гормоны бушуют + наличие погодок добавляет, так сказать*) или авторов соответствующих постов в целом (*Девушки, если для вас быть это умереть, зачем вы создавали семью и замуж выходили? Выглядит так, как будто вас прям в загсе изнасиловали, заставили с мужем жить да детей рожать...*). С одной стороны, такого рода отклики являются прямым подтверждением внутренней противоречивости социальных представлений о материнстве и наличия в них имплицитного содержания, не соответствующего магистральному, исключительно позитивному образу матери. С другой стороны, учитывая, что авторами сообщений в рассматриваемой ветке форума выступают исключительно женщины, очевидно, что эти противоречия не в полной мере осознаются не только обществом в целом, но и женским сообществом, которому они наносят наибольший ущерб.

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование позволило подтвердить сделанный на основании литературных данных вывод о существовании имплицитного, то есть малоосознаваемого, пласта в социальных представлениях о феномене материнства [Павлова et al., 2015; Kruger, 2006; Mamabolo et al., 2009 и др.]. Интересно, что полученные нами данные согласуются с анализом содержания социальных представлений о материнстве, полученных на примере различных культур: это отражение феномена «материнского мандата» [Meyers, 2001; Gillespie, 2003; Mamabolo et al., 2009]; нормативность переживания материнства исключительно в эмоционально позитивном ключе [Kruger, 2006]; существование в общественном сознании крайне жесткого образа идеальной матери, которому практически невозможно соответствовать [Triliva, 2014]; наконец, выход представлений о материнстве за пределы сферы семейных отношений [Millward, 2006; Haunes, 2008]. Важным, в том числе и с методологической точки зрения, нам видится то, что описываемые аспекты социальных представлений (прежде всего их амбивалентное и малоосознаваемое содержание) находят свое отражение в пространстве интернет-коммуникации, что согласуется с позицией ряда современных авторов [Mittra, Watts, 2002; Tanner, 2006].

Подводя итоги, отметим следующее. Социальные представления о материнстве неоднородны: помимо декларируемого содержания, предполагающего исключительно позитивный образ материнства в общественном сознании, они включают в себя имплицитные (малоосознаваемые) компоненты, содержащие противоречивые ожидания от женщины в материнской роли.

В условиях современного российского общества содержание социальных представлений о материнстве определяется противоречивостью ожиданий от женщины-матери, наделянием ее сверхответственностью за благополучие в различных сферах жизни, в силу которой соответствие этим ожиданиям в полной мере оказывается невозможным. Содержательно описываемые противоречия затрагивают сферу взаимоотношений женщины-матери с детьми (в континууме «мало внимания детям — мало внимания себе»), взаимодействия с мужем (в континууме «мало внимания детям — мало внимания мужу»), профессиональной самореализации женщины (в континууме «мало внимания детям — карьерная несостоятельность/финансовая зависимость»). Описанные противоречия несут в себе потенциал конфликтности в межличностных отношениях (как в семье, так и за ее пределами), выступают основанием для неявной дискриминации женщин-матерей в различных сферах жизни, а также для проявления эффекта самодискриминации.

Наши утверждения требуют более углубленного эмпирического анализа. В частности, важно сопоставить женский взгляд на данную проблему, представленный на анализируемом форуме, с мужской точкой зрения. Кроме того, целесообразно более детально изучить влияние социальных представлений о материнстве на самоотношение женщины и ее отношения с другими людьми, а также выявить способы разрешения отмеченных противоречий.

Библиографический список

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997. 239 с.
- Васягина Н. Н. Образ матери: особенности репрезентации в сознании россиян // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 138—145.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 400 с.
- Конторович С. Д. Некоторые аспекты образа матери и их отражение в представлениях современных россиян // Известия Дальневосточного федерального университета. 2010. № 1. С. 101—108.
- Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 2. С. 3—14.
- Павлова Е. В., Лесите Э. Ю., Смирнова С. В. Эксплицитные и имплицитные представления первокурсников о результатах высшего образования // Перспективы науки. 2015. № 11 (74). С. 126—133.
- Пономарева Е. В. Представления взрослых об образе материнства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 474—482.
- Юсупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России: («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98—107.
- Aono A., Kashiwagi K. Myth or fact: conceptions and realities of Japanese women/mothers // *Feminism & Psychology*. 2011. Vol. 21 (4). P. 516—521.
- Augoustinos M., Innes J. M. Towards an integration of social representations and social schema theory // *British Journal of Social Psychology*. 1990. Vol. 29. P. 213—321.
- Costa B. M., Walker A., Zinkiewicz L., Berman H., Cartledge A., Nheng S. The maternity journey in an organisational context: a case study // *The Australian and New Zealand Journal of Organisational Psychology*. 2012. Vol. 5. P. 43—49.
- Gillespie R. Childfree and feminine: understanding the gender identity of voluntary childless women // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17. P. 122—136.

- Haynes K. Transforming identities: accounting professionals and the transition to motherhood // *Critical Perspectives on Accounting*. 2008. Vol. 19. P. 620—642.
- Kruger L. Motherhood // *The Gender of Psychology* / ed. by T. Shefer, F. Boonzaier, P. Kiguwa. Cape Town: UCT Press, 2006. P. 182—195.
- Mamabolo I., Langa M., Kiguwa P. To be or not to be a mother: exploring the notion of motherhood among university students // *South African Journal of Psychology*. 2009. Vol. 39 (4). P. 480—490.
- Meyers D. T. The rush to motherhood-prenatalist disclosure and women's autonomy // *Journal of Women in Culture and Society*. 2001. Vol. 26. P. 735—773.
- Millward L. J. The transition to motherhood in an organizational context: an interpretative phenomenological analysis // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2006. Vol. 79. P. 315—333.
- Mitra A., Watts E. Theorizing cyberspace: the idea of voice applied to the internet discourse // *New Media & Society*. 2002. Vol. 4. P. 479—498.
- Russo N. F. Overview: sex roles, fertility and the motherhood mandate // *Psychology of Women Quarterly*. 1979. Vol. 4 (1). P. 7—18.
- Shpakovskaya L. How to be a good mother: the case of middle class mothering in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67, № 10. P. 1571—1586.
- Tanner E. Chilean conversations: internet forum participants debate Augusto Pinochet's detention // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 51. P. 383—403.
- Triliva S. From icon to person: findings from a qualitative study of motherhood in Crete // *Europe's Journal of Psychology*. 2014. Vol. 7 (4). P. 640—663.

References

- Andreeva, G. M. (1997) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniia* [Psychology of social cognition], Moscow: Aspekt-Press.
- Aono, A., Kashiwagi, K. (2011) Myth or fact: conceptions and realities of Japanese women/mothers, *Feminism & Psychology*, vol. 21 (4), pp. 516—521.
- Augoustinos, M., Innes, J. M. (1990) Towards an integration of social representations and social schema theory, *British Journal of Social Psychology*, vol. 29, pp. 213—321.
- Costa, B. M., Walker, A., Zinkiewicz, L., Berman, H., Cartledge, A., Nheng, S. (2012) The Maternity journey in an organisational context: A case study, *The Australian and New Zealand Journal of Organisational Psychology*, vol. 5, pp. 43—49.
- Emel'ianova, T. P. (2006) *Konstruirovaniie sotsial'nykh predstavlenii v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [The construction of social ideas in the context of the transformation of Russian society], Moscow: Institut psikhologii RAN.
- Gillespie, R. (2003) Childfree and feminine: understanding the gender identity of voluntary childless women, *Gender & Society*, vol. 17, pp. 122—136.
- Haynes, K. (2008) Transforming identities: accounting professionals and the transition to motherhood, *Critical Perspectives on Accounting*, vol. 19, pp. 620—642.
- Iusupova, O. G. (2000) Sotsial'nyi smysl materinstva v sovremennoi Rossii: ("Vash rebēnok nuzhen tol'ko Vam") [The social meaning of motherhood in modern Russia: ("It is only you, who needs your child")], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 98—107.
- Kontorovich, S. D. (2010) Nekotorye aspekty obraza materi i ikh otrazhenie v predstavleniiakh sovremennykh rossiian [Some aspects of the image of the mother and their reflection in the representations of modern Russians], *Izvestiia Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta*, no. 1, pp. 101—108.
- Kruger, L. (2006) Motherhood, in: Shefer, T., Boonzaier, F., Kiguwa, P. (eds), *The Gender of Psychology*, Cape Town: UCT Press, pp. 182—195.

- Mamabolo, I., Langa, M., Kiguwa, P. (2009) To be or not to be a mother: exploring the notion of motherhood among university students, *South African Journal of Psychology*, vol. 39 (4), pp. 480—490.
- Meyers, D. T. (2001) The rush to motherhood-prenatalist disclosure and women's autonomy, *Journal of Women in Culture and Society*, vol. 26, pp. 735—773.
- Millward, L. J. (2006) The transition to motherhood in an organizational context: An interpretative phenomenological analysis, *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, vol. 79, pp. 315—333.
- Mitra, A., Watts, E. (2002) Theorizing cyberspace: The idea of voice applied to the internet discourse, *New Media & Society*, vol. 4, pp. 479—498.
- Moskovich, S. (1995) Sotsial'nye predstavleniia: istoricheskii vzgliad [Social views: a historical perspective], *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 3—14.
- Pavlova, E. V., Lesite, E. Iu., Smirnova, S. V. (2015) Èksplitsitnye i implitsitnye predstavleniia pervokursnikov o rezul'tatakh vysshego obrazovaniia [Explicit and implicit representations of freshmen on the results of higher education], *Perspektivy nauki*, no. 11 (74), pp. 126—133.
- Ponomareva, E. V. (2014) Predstavleniia vzroslykh ob obraze materinstva [Representations of adults about the image of motherhood], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 474—482.
- Russo, N. F. (1979) Overview: sex roles, fertility and the motherhood mandate, *Psychology of Women Quarterly*, vol. 4 (1), pp. 7—18.
- Shpakovskaya, L. (2015) How to be a good mother: The case of middle class mothering in Russia, *Europe-Asia Studies*, vol. 67, no. 10, pp. 1571—1586.
- Tanner, E. (2006) Chilean conversations: Internet forum participants debate Augusto Pinochet's detention, *Journal of Communication*, vol. 51, pp. 383—403.
- Triliva, S. (2014) From icon to person: Findings from a qualitative study of motherhood in Crete, *Europe's Journal of Psychology*, vol. 7 (4), pp. 640—663.
- Vasiagina, N. N. (2015) Obraz materi: osobennosti reprezentatsii v soznanii rossiian [The image of the mother: the features of representation in the minds of Russians], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 6, pp. 138—145.

Статья поступила 09.04.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Микляева Анастасия Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, a.miklyaeva@gmail.com (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Румянцева Полина Витальевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, polinarum@gmail.com (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 78—88
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 78—88
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7

ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛИЯ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ СЕМЬИ: РОССИЙСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ

*Т. К. Ростовская^a, Т. Б. Калиев^b,
Н. Б. Завьялова^c, В. А. Безвербный^d*

^a Институт социально-политических исследований, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, gostovskaya.tamara@mail.ru

^b Научно-исследовательский центр «Молодежь», г. Астана, Казахстан

^c Кризисный центр помощи женщинам и детям, г. Москва, Россия

^d Московский государственный институт международных отношений,
г. Москва, Россия

Осуществляется сравнительный анализ государственных мер и общественных инициатив, предпринимаемых в России и Казахстане с целью снижения уровня домашнего насилия в отношении женщин и вовлечения общественности в решение этой проблемы. На основе данных социологических опросов населения сделан вывод о том, что в обеих странах статистика не отражает масштабов данного явления, мнение населения о домашнем насилии неоднозначно, значительная часть общества допускает насильственное поведение в семье.

Установлено, что в обоих государствах приняты долгосрочные программы действий по защите интересов и прав женщин. Вместе с тем исследование показало, что в борьбе с семейным насилием не в полной мере использован потенциал общественных организаций, средств массовой информации и других социальных институтов. Подчеркивается необходимость объединения усилий государства и общества в укреплении института семьи.

Ключевые слова: домашнее насилие в отношении женщин, программа действий в интересах женщин, кризисный центр, виктимблейминг, общественное мнение по проблеме насилия.

PREVENTION OF VIOLENCE AS A FACTOR OF FAMILY SECURITY: RUSSIAN AND KAZAKHSTAN EXPERIENCE

*T. K. Rostovskaya^a, T. B. Kaliev^b,
N. B. Zavyalova^c, V. A. Bezverbnyy^d*

^a Institute of Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

^b Scientific Research Center “Youth”, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Crisis Center for Women and Children, Moscow, Russian Federation

^d Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation

The article compares the state measures and public initiatives undertaken in Russia and Kazakhstan with the aim of reducing the level of domestic violence against women and involving the public in solving this problem. The authors basing their opinion on the data of sociological surveys of the population concluded that in both countries the statistics does not reflect the extent of this phenomenon; the opinion of the population on this issue is ambiguous, a significant part of society admits violent behavior in the family.

The measures of the state impact on the problem have been analyzed. It is established that in both states long-term action programs have been adopted to protect the interests and rights of women. At the same time, the study showed that in the fight against family violence, the potentials of public organizations, the media and other social institutions were not fully utilized. The need to combine efforts of the state and society in strengthening the institution of the family is underlined.

Key words: domestic violence against women, action program for women, crisis center, victimblaming, public opinion on violence.

Семейно-бытовое насилие в отношении женщин: актуализация проблемы

Насилие является одной из наиболее острых социальных проблем, поскольку оно не только отражается непосредственно на самих жертвах, но и дестабилизирует общество в целом, несет угрозу социальному порядку. Распространенной формой насилия выступает бытовое (домашнее) насилие в отношении женщин, которое деструктивно влияет на институт семьи и нравственное состояние общества.

Семья представляет собой один из базовых социальных институтов, благополучие и социальное самочувствие ее членов напрямую взаимосвязаны с общественным благополучием. Поэтому обеспечение здорового климата в семье, предотвращение любых проявлений агрессии и жестокости со стороны ее членов крайне важны. Меры, направленные на профилактику домашнего насилия, влияют на социальную безопасность жизнедеятельности семьи, которая неотделима от национальной безопасности.

Необходимость преодоления бытового насилия в отношении женщин нашла отражение во многих международных документах о правах человека во второй половине XX в. — Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1967 г.), Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин (1993 г.), Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (2011 г.) и др.

В Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин отмечается гендерный аспект проблемы: под семейным насилием над женщинами понимается акт насилия, который совершен на основании полового признака, причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, имеющие место в семье, в личной жизни [Декларация ООН... , 1993].

Ежегодно 25 ноября международной общественностью отмечается как День борьбы с насилием в отношении женщин. Это первая дата в ряду дней борьбы с гендерным насилием, которые завершаются 10 декабря, в День прав человека (Human Rights Day), официально установленный в 1950 г. на пленарном собрании Генеральной Ассамблеи ООН.

Российскими учеными тема насилия в отношении женщин разрабатывается три последних десятилетия (см., напр.: [Кочеткова, 1999; Берковиц, 2001; Савкина, 2002; Гарбер, 2008; Забелина, 2008; Калабихина, Козлов, 2009]), однако до сих пор не существует универсального научного представления о том, что считать насилием, отсутствуют четкие критерии, отделяющие насилие от ненасилия.

Так, говоря о насилии в отношении женщин, Л. Берковиц пишет, что это вид агрессивного поведения и использования силы для нанесения вреда — от словесных оскорблений и угроз до побоев и изнасилования [Берковиц, 2001: 21].

В работах Е. Р. Ярской-Смирновой в качестве отличительной особенности семейного насилия в отношении женщин выделяется наличие паттерна. Указывая на опасность, которую представляет собой насилие в семье, и масштабы его воздействия, ученый отмечает, что даже если насильственные действия направлены только против одного человека, то все остальные члены семьи оказываются подвержены «вторичной виктимизации» (см.: [Гендерная психология, 2009: 473]).

Л. Уолкер в своих исследованиях подчеркивает, что в «хронической» ситуации насилия в семье один человек постоянно контролирует или пытается контролировать поведение и чувства другого и управлять ими, в результате подвергшийся насилию человек может получить психологический, социальный, экономический, сексуальный или физический ущерб (см.: [там же: 472]).

По мнению О. Л. Даниловой, когда речь идет о семейном насилии над женщинами, его «векторная направленность... не является гендерно-нейтральной, а следовательно, ее нельзя рассматривать без учета гендерного аспекта и применения гендерного анализа» [Данилова, 2003: 390].

На основе проведенных эмпирических исследований по изучению гендерных особенностей семейного насилия в отношении женщин ряд авторов пришли к выводу, что данное насилие имеет четкие очертания гендерной проблемы, выделив четыре основных вида насильственных действий: физические, сексуальные, психологические и экономические [Горшкова, Шурыгина, 2003; Воронина, 2006; Даренских, 2013; Возмилкина, 2016; Ростовская, Заярская, 2017].

С конца 1990-х гг. проблема домашнего насилия над женщинами и отношения к ней общества стала изучаться российскими учеными и учеными постсоветских стран самостоятельно с учетом типа государственной политики и общественного мнения. В этой связи сравнительный анализ решения обозначенной проблемы в России и Казахстане может представлять научный и практический интерес.

Российские практики профилактики насилия в отношении женщин

Согласно данным современных исследований и официальной статистике, насилие в отношении женщин продолжает оставаться актуальной проблемой и выражается в «таких формах, как принуждение к сожительству и проституции, изнасилование, бытовое насилие и убийство на почве алкоголизма» [Национальная стратегия... , 2017: 12]. Официальная статистика о количестве преступлений в отношении женщин, совершенных на бытовой почве, отсутствует, о масштабах этого явления можно судить по косвенным данным. Так, в кризисных центрах для женщин, действующих в субъектах РФ, ежегодно получают помощь около 60 тыс. женщин, подвергшихся насилию [там же: 13].

По данным МВД России, до 40 % преступлений совершаются в семье; в 70 % случаев от насилия страдают женщины и дети. Около 97 % дел, непосредственно связанных с семейным насилием, не доходят до суда. Насилие наблюдается почти в каждой четвертой семье. Около 36 тыс. российских женщин ежегодно терпят побои мужей (см.: [Хилажева, 2015: 61]).

Следует отметить, что насилие в отношении женщин является одной из самых сложных, противоречивых и латентных проблем в большинстве современных обществ, включая и нашу страну. Так, в России публично о насилии в семье заговорили по инициативе женских общественных организаций, когда в 1990-х гг. в печати появились первые публикации, посвященные этой проблеме, на общественных началах стали создаваться первые телефоны доверия, кризисные центры, убежища и приюты для пострадавших от домашнего насилия. В тот период общество оказалось не готово дать оценку такому явлению, как бытовое насилие. В конце 1990-х гг., согласно массовым опросам, большинством граждан России обоих полов многие виды и формы насилия в целом и в отношении женщин в частности воспринимались как норма, не вызывающая возражений [Бендас, 2005].

Что же изменилось в государственной социальной политике и общественных российских практиках за последнюю четверть века? Рассмотрим несколько аспектов проблемы. Прежде всего следует отметить, что в России не существует единого закона, направленного на защиту жертв домашнего насилия, противодействие ему и его профилактику. В 2017 г. Государственная дума внесла изменения в ст. 116 Уголовного кодекса РФ. Отныне побои в отношении членов семьи и других близких лиц (супруги, родители, дети) декриминализованы. Только при повторном факте насилия они будут рассматриваться как уголовное преступление. Как известно, мнение общества по этому поводу разделилось. Однако анализ проблемы насилия в семье с точки зрения равноправия полов позволяет искать причину в самом отношении к ней государства и российского общества. Возьмем такую практику, как создание кризисных центров с целью защиты женщин от насилия. Они сформированы далеко не во всех субъектах РФ.

Препятствиями выступают недостаточная проработанность нормативной базы со стороны отраслевого министерства и надзорных органов, слабое участие общественных организаций, отсутствие финансирования. Между тем опыт действующих кризисных центров подтверждает эффективность их работы по защите женщин от насилия.

В качестве примера рассмотрим деятельность кризисных центров Москвы. Она началась в 2000-х гг. с открытия телефонов доверия, некоммерческих организаций Национального центра по предотвращению насилия «Анна», Независимого благотворительного центра помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры», службы помощи несовершеннолетним женщинам «Голуба», центра психологической помощи «Ярославна», на их базе открылось убежище для женщин и детей, пострадавших от насилия. С 2013 г. в Москве действует государственное учреждение — Кризисный центр помощи женщинам, который предоставляет убежище и комплексную помощь женщинам и детям, пострадавшим от психофизического насилия. Доминирующей причиной обращения в центр является домашнее насилие и внутрисемейный конфликт. За время работы кризисных центров в них обратились за помощью тысячи женщин, и количество их не снижается.

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, случаи побоев в российских семьях достаточно распространены. Треть респондентов (33 %) сообщили, что подобное было в семьях их знакомых, а каждый десятый (10 %) лично столкнулся с этим в своей семье [Большинство россиян считают... , 2017]. Таким образом, можно сделать вывод, что проблема домашнего насилия в отношении женщин остается актуальной.

Следует отметить, что в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. обозначен комплекс мер по профилактике и предупреждению социального неблагополучия женщин и насилия в отношении их, который предполагает решение следующих задач: совершенствование законодательства в этой области; мониторинг эффективности мер по профилактике насилия; формирование моделей профилактики насилия в отношении детей и женщин; подготовку кадров по специальности «Судебная социальная работа»; укрепление материально-технической базы учреждений, оказывающих помощь женщинам и детям, пострадавшим от бытового насилия, и др. [Национальная стратегия... , 2017: 16—17]. Для претворения в жизнь этой программы действий потребуется объединить усилия власти и общества.

Практики профилактики насилия в отношении женщин в Казахстане

Анализ показал, что в государственной политике Казахстана по социальной защите женщин от насилия отмечаются позитивные изменения. На государственном уровне при поддержке главы республики создаются и развиваются институты по защите и восстановлению прав женщин и мужчин, контролю за их соблюдением. Если к середине 1994 г. в Казахстане было зарегистрировано всего 6 женских неправительственных организаций, то в 1997 г. их насчитывалось уже 30, а к началу 2003 г. около 200. В настоящее время количество женских объединений составляет более тысячи [Социальная защита... , 2016: 4].

Как правило, в поле их зрения находятся проблемы защиты женщин от различных форм насилия.

В общественном мнении также происходит ряд изменений. Популярность обрели флешмобы по борьбе с насилием в социальных сетях. Одним из самых массовых стал флешмоб «Не молчи» против сексуального насилия, получивший большую распространенность в Казахстане. Впервые женщины открыто говорили о насилии. С ноября 2016 г. при поддержке Генеральной прокуратуры Республики Казахстан движение «#НеМолчиKZ» провело более 50 лекций в различных аудиториях на различные темы в нескольких городах страны. В рамках дорожной карты «Защитим детей вместе» акцией было охвачено 3500 слушателей в Алматы, Астане, Караганде, Семей, Талгаре, Каскелене, в пяти районных центрах Акмолинской области. Активисты движения поднимали острые вопросы, касающиеся насилия над детьми и женщинами, отношения общества к данной проблеме, говорили о стереотипах и путях решения проблем [Как в Казахстане борются... , 2017].

В Казахстане флешмоб «Не молчи» перерос в движение, цель которого — помощь пострадавшим от сексуального насилия в противовес виктимблеймингу.

Борьба с виктимблеймингом является значимой мерой по предотвращению насилия. Виктимблейминг — это позиция членов общества, которые в совершении насилия обвиняют не агрессора, а жертву. Особенно часто с виктимблеймингом сталкиваются жертвы изнасилований, когда их обвиняют в том, что они сами спровоцировали насильника. Такая позиция способствует росту насилия, поскольку осуждается не преступник, а жертва. Между тем факт совершения насилия зависит в первую очередь от агрессора; он будет повторять свои действия до тех пор, пока другие члены общества его оправдывают, обвиняя жертву.

Основными организациями, которые могут оказывать услуги лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации вследствие угрозы жестокого обращения и насилия, являются кризисные центры. В Казахстане насчитывается 28 кризисных центров, из них 8 государственных. За год в кризисные центры Казахстана обращаются более 25 тыс. жертв насилия и торговли людьми, около 37 тыс. получают консультации по телефону доверия и более 9 тыс. находят временный приют [Кризисный центр... , 2017].

Среди практик борьбы с насилием уделяется внимание изучению общественного мнения по проблеме. В рамках исследования «Изучение казахстанских ценностей», осуществленного НИЦ «Молодежь» в августе 2016 г., был проведен опрос жителей республики с включением в анкету блока вопросов по проблеме домашнего насилия. Выборка составила 2 тыс. человек, проживающих в 14 регионах Казахстана, городской и сельской местности, а также в городах республиканского значения (Алматы и Астана).

Результаты мониторинга показали, что распространенность случаев домашнего насилия по отношению к женщинам имеет место: свидетелями единичных случаев были 10,2 % опрошенных, еще 11,6 % ответили, что наблюдали данное негативное явление часто и очень часто (рис. 1). Таким образом, каждый пятый молодой человек в той или иной степени сталкивался с фактами насилия [Изучение... , 2016: 123].

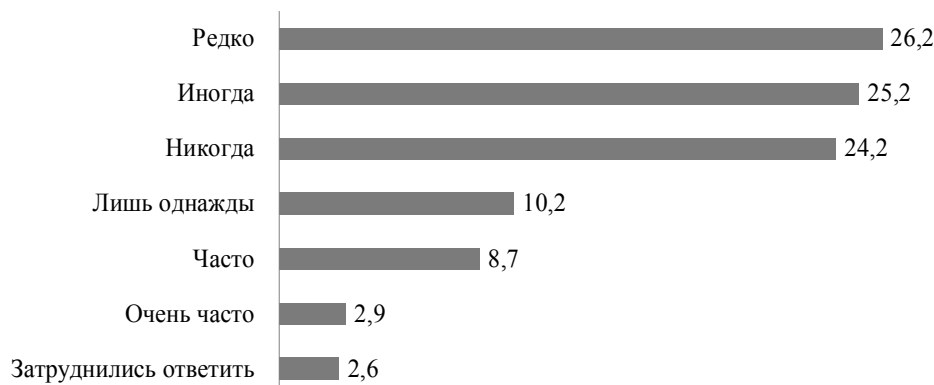

Рис. 1. Распространенность случаев насилия по отношению к женщинам в оценках казахских респондентов, % (N = 2000)

От 20 до 30 % опрошенных были свидетелями ситуации, когда мужчина поднимает руку на свою жену/девушку, или слышали об этом (в Жамбылской области — 28,9 %, Северо-Казахстанской области — 21,4 %, Акмолинской области — 20,3 %, Кызылординской области — 19,7 %) [там же: 124].

Согласно полученным ответам, для большинства респондентов (53,5 %) насилие не приемлемо ни в каком случае и ни при каких условиях. В то же время 16,2 % опрошенных считают, что женщина сама провоцирует насилие в отношении ее, 2,2 % видят причину в поведении мужчин. С ответом затруднились 19,9 %. 3,4 % опрошенных назвали ревность в числе основных причин насилия. Некоторая часть респондентов (1,8 %) рассматривают насилие как способ самоутверждения сильного, мужского пола (рис. 2). В ответах 0,2 % опрошенных насилие оправдывается религией: «У мусульман это должно быть, жена подчиняется мужу». Вариант ответа «Нет понимания между мужем и женой» составил 2,8 % [там же: 126].

Рис. 2. Мнения респондентов о случаях допустимости насилия в отношении женщин, % (N = 2000)

Исследование, проведенное казахскими учеными, показало, что большинство опрошенной молодежи насилие по отношению к женщине рассматривает как девиацию — отклонение от нормы.

Указом Президента РК от 6 декабря 2016 г. утверждена Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г. Согласно Концепции, целями государственной гендерной политики являются достижение паритетных прав, выгод, обязанностей и возможностей мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества, преодоление всех форм и проявлений дискриминации по половому признаку. Один из базовых целевых индикаторов реализации гендерной политики — снижение зарегистрированных фактов бытового насилия в отношении женщин к 2020 г. на 20 %, к 2023 г. — на 30 %, к 2030 — на 50 % [Концепция... , 2016].

Особенностью российской практики, в отличие от казахстанской, является то, что кризисные центры занимаются не только помощью жертвам насилия, но и работой с мужчинами-агрессорами по профилактике насилия. Эта работа направлена на снижение уровня агрессии, внутреннего напряжения, тревожности у мужчин-обидчиков, формирование у них устойчивой мотивации отказа от применения насильственных форм поведения.

Выводы

Сравнительный анализ деятельности органов управления и общественных организаций Российской Федерации и Казахстана показал, что в обоих государствах профилактике домашнего насилия уделяется конкретное внимание. На государственном уровне приняты программы действий по борьбе с этим социальным явлением.

Вместе с тем в обеих странах распространенность семейного насилия остается довольно высокой. Для более эффективного решения проблемы необходимо не только воздействие на официальном уровне, но и активная вовлеченность граждан, формирование у населения нетерпимости к проявлениям насилия, создание культурной продукции, пропагандирующей мирное сосуществование граждан и гармоничные, ненасильственные отношения в семье. Важной проблемой в борьбе с домашним насилием является виктимблейминг. Насилие будет минимальным лишь в случае социального осуждения агрессора, а не жертвы.

В целом исследование подтвердило вывод о том, что необходима целенаправленная работа социальных институтов всех уровней: политических, законодательных, образовательных, культурно-досуговых, информационных — по формированию устойчивого общественного мнения, основанного на нетерпимости к агрессии, и созданию государственной системы противодействия домашнему насилию.

Библиографический список

- Бендас Т. В. Гендерная психология: учебное пособие для вузов. СПб.: Питер, 2005. 431 с.
Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.
Большинство россиян считают, что физическое насилие в семье недопустимо // РИА «Новости». 2017. 19 января. URL: <https://ria.ru/society/20170119/1486015647.html> (дата обращения: 15.03.2017).

- Возмилкина Е. Н.* Женщины, пострадавшие от домашнего насилия, как объект деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // Наука и современность. 2016. № 42. С. 61—65.
- Воронина О. А.* Глоссарий по гендерному образованию // Гендерные исследования: региональная антология исследований из восьми стран СНГ / под ред. И. Н. Тартаковской. М.: Вариант, 2006. С. 443—511.
- Гарбер Ю. Г.* Медико-социальные аспекты домашнего насилия в отношении женщин // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. Т. 8, № 4. С. 1—5.
- Гендерная психология: учебник для вузов / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
- Горшкова И. Д., Шурыгина И. И.* Насилие над женами в современных российских семьях. М.: МАКС Пресс, 2003. 136 с.
- Данилова О. Л.* Психология восприятия насилия: культурный и гендерный аспекты // Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. С. 388—403.
- Даренских С. С.* Семейное насилие в отношении женщин // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. С. 52—55.
- Декларация ООН об искоренении насилия в отношении женщин. 1993. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 02.03.2017).
- Забелина Т. Ю.* Домашнее насилие в отношении женщин: государственная проблема или личное дело? // Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 77—85.
- Изучение казахстанских ценностей: аналитический доклад по результатам социологического исследования. Астана: Науч.-исслед. центр «Молодежь», 2016. Ч. 2. URL: <http://elzhastary.kz/index.php/ru/> (дата обращения 15.03.2017).
- Как в Казахстане борются с бытовым насилием // *Zakon.kz*. 2017. URL: <https://www.zakon.kz/4875274-kak-v-kazahstane-boryutsya-s-bytovym.html> (дата обращения: 15.03.2017).
- Калабихина И. Е., Козлов В. А.* Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально-демографических характеристик супругов на распространенность насилия // Научные исследования экономического факультета. 2009. Т. 1, вып. 1. С. 62—84. URL: https://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2009/2009_volume_1.iissue_1/ (дата обращения: 15.03.2017).
- Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года от 6 декабря 2016 г. URL: <https://www.zakon.kz/4836884-koncepcija-semejnoj-i-gendernoj.html> (дата обращения: 15.03.2017).
- Кочеткова С. В.* Опыт анализа насилия в семье // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 114—117.
- Кризисный центр — новые горизонты жизни // Информационно-ресурсный центр. URL: <http://infoirc.kz> (дата обращения: 15.03.2017).
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы от 8 марта 2017 г. М., 2017. 22 с. URL: <http://government.ru/docs/26698/> (дата обращения 15.03.2017).
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В.* Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 75—85.
- Савкина И.* Sui generis: мужественное и женственное в автобиографических записках Н. Дуровой // О муже(Н)ственности: сборник статей / сост. С. Ушакин. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 199—223.

Социальная защита молодой семьи: методические рекомендации / под ред. А. С. Кайдаровой, Ю. В. Кучинской, Ф. М. Мусатаевой. Астана: Науч.-исслед. центр «Молодежь», 2016. 212 с.

Хилажева Г. Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 61—65.

References

- Bendas, T. V. (2005) *Gendernaia psikhologiya*: Uchebnoe posobie dlia vuzov [Gender psychology: A textbook for universities], St. Petersburg: Piter.
- Berkovits, L. (2001) *Agressiia: prichiny, posledstviia i kontrol'* [Aggression: causes, consequences and control], St. Petersburg: Präm-Evroznak.
- Danilova, O. L. (2003) Psikhologiya vospriiatiia nasiliia: kul'turnyi i gendernyi aspekty [Psychology of perceptions of violence: cultural and gender aspects], in: Kletsina, I. S. (ed.), *Praktikum po gendernoï psikhologii*, St. Petersburg: Piter, pp. 388—403.
- Darenskikh, S. S. (2013) Semeinoe nasilie v otnoshenii zhenshchin [Family violence against women], *Izvestiia Altaïskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 52—55.
- Deklaratsiia OON ob iskorenenii nasiliia v otnoshenii zhenshchin* (1993) [The UN Declaration on the Elimination of Violence Against Women], available from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (accessed 02.03.2017).
- Garber, Iu. G. (2008) Mediko-sotsial'nye aspekty domashnego nasiliia v otnoshenii zhenshchin [Medico-social aspects of domestic violence against women], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia*, vol. 8, no. 4, pp. 1—5.
- Gorshkova, I. D., Shurygina, I. I. (2003) *Nasilie nad zhënami v sovremennykh rossiïskikh sem'iakh* [Violence against wives in modern Russian families], Moscow: MAKSS Press.
- Izuchenie kazakhstanskikh tsennosteï: Analiticheskiï doklad po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia* (2016) [Study of Kazakhstan's values: Analytical report on the results of sociological research], pt. 2, Astana: Nauchno-issledovatel'skiï tsentr "Molodëzh'", available from <http://elzhastary.kz/index.php/ru/> (accessed 15.03.2017).
- Kaïdarova, A. S., Kuchinskaia, Iu. V., Musataeva, F. M. (eds) (2016) *Sotsial'naia zashchita molodoï sem'i: Metodicheskie rekomendatsii* [Social protection of young families: Methodological recommendations], Astana: Nauchno-issledovatel'skiï tsentr "Molodëzh'".
- Kalabikhina, I. E., Kozlov, V. A. (2009) Domashnee nasilie v otnoshenii zhenshchin v sovremennoï Rossii: vliianie sotsial'no-demograficheskikh kharakteristik suprugov na rasprostranënnost' nasiliia [Domestic violence against women in modern Russia: the impact of the socio-demographic characteristics of spouses on the prevalence of violence], *Nauchnye issledovaniia èkonomicheskogo fakul'teta*, vol. 1, iss. 1, pp. 62—84, available from https://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2009/2009.volume_1.issue_1/ (accessed 15.03.2017).
- Khilazheva, G. F. (2015) Nasilie v sem'e kak sotsial'naia problema sovremennogo obshchestva [Domestic violence as a social problem of modern society], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 61—65.
- Kletsina, I. S. (ed.) (2009) *Gendernaia psikhologiya* [Gender psychology], St. Petersburg: Piter.
- Kochetkova, S. V. (1999) Opyt analiza nasiliia v sem'e [Experience in analyzing domestic violence], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 114—117.
- Rostovskaia, T. K., Zaiarskaia, G. V. (2017) Semeïnye ustanovki i semeïnye praktiki v sovremennoï rossiïskoi studencheskoï srede [Family attitudes and family practices in

- the modern Russian student environment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—85.
- Savkina, I. (2002) Sui generis: muzhestvennoe i zhenstvennoe v avtobiograficheskikh zapiskakh N. Durovoi [Sui generis: courageous and feminine in the autobiographical notes N. Durova], in: *O muzhe(N)stvennosti: Sbornik statei*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 199—223.
- Voronina, O. A. (2006) Glossarii po gendernomu obrazovaniuu [Glossary of gender education], in: Tartakovskaia, I. N. (ed.), *Gendernye issledovaniia: Regional'naia antologiiia issledovaniĭ iz vos'mi stran SNG*, Moscow: Variant, pp. 443—511.
- Vozmilkina, E. N. (2016) Zhenshchiny, postradavshie ot domashnego nasiliia, kak ob'ekt deiatel'nosti sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii [Women affected by domestic violence, as an object of activity of socially-oriented non-profit organizations], *Nauka i sovremennost'*, no. 42, pp. 61—65.
- Zabelina, T. Iu. (2008) Domashnee nasilie v otnoshenii zhenshchin: gosudarstvennaia problema ili lichnoe delo? [Domestic violence against women: a state problem or a private matter?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 77—85.

Статья поступила 02.11.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Калиев Талгат Бегимович — кандидат политических наук, директор научно-исследовательского центра «Молодежь», г. Астана, Казахстан, talgat.kaliyev@gmail.com (Cand. Sc. (Political Sc.), Director of the Research Center “Youth”, Astana, Republic of Kazakhstan).

Завьялова Наталья Борисовна — директор Кризисного центра помощи женщинам и детям, г. Москва, Россия, nbz17@mail.ru (Director of the Crisis Center for Women and Children, Moscow, Russian Federation).

Безвербный Вадим Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия, vadim_ispr@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 89—98
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.8

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 89—98
ББК 72.3(2)5
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.8

НАПЕРЕКОР ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ: РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

О. А. Валькова

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, o-val2@yandex.ru

Рассматривается история научно-исследовательской деятельности российских женщин в конце XVIII — начале XIX в.: историческая обстановка, трансформации в общественном мнении, произошедшие по отношению к «ученым» женщинам. Поддержка научных и литературных занятий женщин, оказывавшаяся Екатериной II, сменилась резко негативным отношением к женщинам, посмеявшимся проявить нескромность и выйти за рамки семейных и материнских обязанностей, после воцарения на российском троне ее внука, Александра I. Однако, несмотря на сконструированный усилиями публицистов и литераторов образ идеальной женщины, российские аристократки продолжали заниматься интересующими их научными исследованиями в различных областях знания. Некоторые демонстрировали свои занятия открыто, другие скрывали ото всех, кроме членов своей семьи. К сожалению, последнее привело к почти полному их забвению, характерному для современной историко-научной литературы.

Ключевые слова: российские женщины-ученые, Е. Р. Дашкова, А. П. Бунина, А. А. Турчанинова, Е. И. Голицына, Е. П. Фадеева.

IN THE TEETH OF PUBLIC OPINION: RUSSIAN WOMEN-SCIENTISTS IN THE LATE XVIII — EARLY XIX c.

O. A. Valkova

S. I. Vavilov's Institute of History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
o-val2@yandex.ru

The article “In the teeth of public opinion: Russian women-scientists in the late XVIII — early XIX c.” is dedicated to the history of Russian women-scientists of the period. Historical background was investigated as well as transformations in public opinion on the matter which took place at the turn of the century. Besides, the author considers different types of such activities.

Support for women interested in science and literature granted by Catherine II was replaced by animosity for everyone daring enough to step out of familial bounds and duties after her grandson Alexander I ascended to the throne. Newly born in 1811—1815 concept of a “learned woman” very soon acquired negative connotation.

Still despite the image of an ideal woman constructed by publicists and writers real-life Russian women of aristocratic origin continued their scientific studies in different areas of knowledge. Among them were naturalists who collected significant natural science collections thanks to the example of princess Dashkova who donated her own collections to the Moscow University. Also there were hostesses of the high-society parlors who invited mathematicians and engineers with the goal to discuss issues of math and philosophy like princess Golitsina. Others hesitated to demonstrate their activities openly and stayed in the background. Sadly this last type of behavior was the main reason that those women had fallen into oblivion not only among their immediate descendants but in the modern literature on the history of science.

Key words: Russian women-scientists, E. R. Dashkova, A. P. Bunina, A. A. Turchaninova, E. I. Golitsina, E. P. Fadeeva.

Последние два десятилетия XVIII в. в России ознаменовались если не расцветом женской образованности и занятий науками, то, по крайней мере, поощрением подобных увлечений со стороны монархии: от назначения княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743—1810) в 1783 г. директором Петербургской академии наук до публикации в 1785 г. типографией Н. Новикова перевода научного труда немецкой естествоиспытательницы М. С. Мериан [Мериан, 1785]; от издания в 1792 г. первого труда российских девушек, посвященного предметам «натуральной истории» [Рассуждения... , 1792], до публичного признания их заслуг Екатериной II [Хвостов, 1830: 121]. Государыня и вслед за ней высшее общество достаточно благосклонно смотрели на упражнения женщин в науках. Подобное положение дел, разумеется, сразу было отмечено посещавшими в этот период Россию иностранцами. Граф Сегюр, например, впоследствии написал: «В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотой, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии» [Сегюр, 1865: 32—33]. Мужчины, как ни странно, в этом сравнении проигрывали: «Между тем мужчины, исключая сотню придворных... большую частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вежливы и, по-видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества» [там же].

На этом фоне вполне органично смотрелась публикация в 1793 г. переводной статьи с французского Ф. А. Гартига, озаглавленной «Рассуждение о женщинах и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках» [Гартиг, 1793], в которой автор на основании исторических примеров и логических рассуждений не только приходил к выводу о способности женщин заниматься науками, но и обвинял мужчин в создании препятствий женщинам на этом поприще. «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?» — задавал он вопрос. И сам же отвечал: «Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины, довольствуясь тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, что

большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости и могло бы предохранить их от оных» [там же: 63—64]. Высказав это нелицеприятное мнение о мужчинах и их роли в жизни женщин, Ф. А. Гартиг с воодушевлением перешел к убеждению дам в том, что занятия науками им просто необходимы для собственного счастья и удовлетворения жизнью, завершив статью пылким призывом к женщинам: «Прелестной и столь часто обманываемый пол... Ежели благополучие ваше вам драгоценно, то упражняйтесь в науках... Матери, внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет» [там же: 70—71].

Однако уже в самом начале XIX в., с приходом в 1801 г. к власти Александра I, ситуация резко изменилась. Ведущие отечественные журналы развернули кампанию (иначе это трудно назвать) с целью донесения до окружающих истинного предназначения женщины и правил, которым она должна следовать, чтобы заслужить одобрение общества. Причем если Ф. А. Гартиг в своих советах руководствовался благом и счастьем женщины, то в публикациях нового века речь шла преимущественно о благе общества, женщина же, по мысли новых идеологов, должна была находить счастье в беспрекословном выполнении своего долга. Таковы, например, статьи, помещенные в «Вестнике Европы» уже в 1802 г.: небольшая анонимная статья «Портрет милой женщины» [Л., 1802], гораздо более объемная сказка знаменитой и любимой в России французской писательницы графини де Жанлис «Женщина-Автор» [Жанлис, 1802] и многие другие. Внезапный интерес к теме подобающего образа жизни женщины был вызван, скорее всего, политическими причинами, не имевшими отношения к женщинам как таковым. Описывая свое пребывание в Петербурге в июле 1802 г. после долгого отсутствия, княгиня Е. Р. Дашкова с возмущением писала: «Какое было мое негодование, когда я услышала, что лица, окружавшие государя и обыкновенно враждовавшие между собой, однако в один голос поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей. И добавляла: «Я нашла, что Петербург сильно изменился со времени императрицы» [Дашкова, 1985: 205—206]. К сожалению, распространившиеся на рубеже веков взгляды на подобающий и не подобающий образ жизни женщины продолжали неуклонно вызывать высочайшее одобрение на протяжении последующих лет и даже десятилетий; благодаря этой поддержке они постепенно сформировались в устойчивую парадигму «подобающего» социального поведения женщины, принадлежавшей к высшим слоям общества, постепенно, в виде естественного порядка вещей, распространявшуюся далее вниз по социальной лестнице. Они были окончательно закреплены в гениальных произведениях наших великих поэтов в начале 20-х гг. XIX в. Знаменитое грибоедовское «Дались нам эти языки!» или пушкинское «Не дай мне бог сойтись на бале...» вошли в историю русской литературы и, будучи признанными «энциклопедиями русской жизни», определили взгляды не только современников, но и потомков. Идеал женщины, живущей только счастьем своего мужа (которого она не выбирала), полностью подчиняющей себя его интересам, добродетельной до самопожертвования и, главное, скромной, постепенно настолько прижился в литературе, что стал приниматься в обществе за аксиому. Научные

или литературные занятия для удовлетворения личного интереса, для саморазвития, конечно, в этот идеал не вписывались.

Историческая реальность, разумеется, была намного сложнее и ярче искусственно сконструированного идеала, а временами вообще не имела с ним ничего общего. Уже в самом начале XIX в. среди россиянок встречались высокообразованные женщины, не только интересовавшиеся науками, но и активно развивавшие научное знание в самых разных областях — от математики до филологии, от естествознания до философии. Начать можно с того, что девушки-аристократки учились далеко не только «танцам и пенью». Исторические источники сохранили сведения о стремлении женщин этого времени получить всестороннее образование. Документы эти различны: стихи поэтессы, филолога, лингвиста Анны Петровны Буниной (1774—1828) [Грот, 1929: 128—129, 137—186]; записные книжки, тетради и дневник Марии Николаевны Толстой (1790—1830), матери Л. Н. Толстого, среди которых можно найти «Некоторые примечания, ведущие к познанию хлебопашества в сельце Ясной Поляне», «Примечания о математической, физической и политической географии» [Толстой, 1928: 42]; воспоминания современников о гениальном лингвисте и поэтессе, чрезвычайно рано ушедшей из жизни, Елизавете Борисовне Кульман (1808—1825), чьими учителями были доктор права К.-Ф. фон Гросгейнрих, специалист в области геологии и горного дела П. И. Медер, в 1818—1826 гг. командир Горного кадетского корпуса в Санкт-Петербурге... К.-Ф. фон Гросгейнрих подробно описал, с какой скоростью и легкостью Елизавета Кульман изучала новые и древние языки, овладев к своим 17 годам практически всеми известными европейскими. Помимо языков, девушка училась многому другому: «Г. Медер имел двух дочерей, одну ровесницу с Елисаветою, другую годом моложе. Этот достойный отец, окончив свои служебные занятия, остальное время посвящал воспитанию своих дочерей. <...> Ему была обязана Елисавета уроками... ботаники, минералогии, физики и математики, которые он преподавал сам» [Гросгейнрих, 1849: 43—44]. Вполне обычный вечер в семействе Медер описан им следующим образом: «...если господин Медер бывал дома и ничем не занят, он с своими двумя дочерьми и Елисаветою садился за стол и начинал с ними беседу о предметах, касающихся географии, истории и физики, нередко восходил со своими юными слушательницами на высоты астрономии или углублялся в таинства геологии» [там же: 128]. Биограф Е. Кульман А. В. Никитенко, небезызвестный впоследствии цензор и мемуарист, писал со слов людей, ее знавших: «Учась естественной истории, она часто посещала богатый минералогический кабинет в Горном корпусе» [Никитенко, 1835: 49].

Все эти занятия, конечно, не могли не находить хоть какого-то выхода (хотя старшее поколение дам продолжало показывать примеры «подобающего» поведения, усвоенного еще в XVIII в.). В той же самой периодической печати, которая прославляла покорных и скромных женщин, одновременно с этим можно найти, например, следующее объявление, приглашавшее всех желающих на публичные лекции в Московский университет в 1803/04 учебном году: «Почтеннейшие любители и любительницы наук, кому только благоугодно будет, сим приглашаются к удостоению оных лекций своим присутствием» [Начертание... , 1803: 290]. Среди преподававшихся предметов перечислялись: опытная

физика, натуральная история, экономика, история средневековой Европы. И, как засвидетельствовал журналист, московские дамы вполне благосклонно откликнулись на приглашение: «Счастливым избранием предметов для сих публичных лекций доказывается числом слушателей, которые в назначенные дни собираются в университетской зале. Любитель просвещения с душевным удовольствием видит там знатных московских дам, благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания, которые в глубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на профессорскую кафедру» [О публичном преподавании наук... , 1803: 263—264].

В 1807 г. «Московские ведомости» с глубочайшим уважением опубликовали известие о том, что княгиня Е. Р. Дашкова принесла в дар Московскому университету свою обширную коллекцию предметов натуральной истории и ценную библиотеку, называя подаренное не иначе как «драгоценное собрание, к составлению которого ее сиятельством употреблено более тридцати лет и к приращению которого содействовали царствовавшие высочайшие особы: Иосиф II, император римский, курфюрст саксонский, король шведский, великий герцог Тосканский — и многие другие» [Московские ведомости, 1807: 258]. Стоимость подарка оценивалась в 50 000 рублей. Надо заметить, что Е. Р. Дашкова не была ни первой, ни единственной дамой, завещавшей ценные научные предметы, библиотеку или деньги университетам и на благо развития образования. Такие примеры были известны еще в XVIII в. [Чулков, 1997: 215]. В 1803 г. журнал «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» рассказывал, например, что 12 декабря 1802 г. «вдовствующая действительная тайная советница графиня Л'Есток, урожденная баронесса фон Менгден» прислала письмо в Дерптский университет, в котором сообщала, что назначает 15 000 рублей серебром в пользу учащихся этого университета [Периодическое сочинение... , 1803: 81—82]. Графиня Мария Аврора Лесток (1720—1808) не только завещала Дерптскому университету значительную сумму денег, но и передала ему замечательную библиотеку своего супруга. Подобные факты «женских дарений», имевших значительную научную и образовательную ценность для российских университетов, можно встретить на протяжении всего XIX в.

К 1811—1815 гг. употребленное в различных контекстах словосочетание «ученая женщина», «ученая дама» или просто определение «ученая», высказанное по отношению к женщине, становится вполне привычным и часто встречаемым на страницах отечественных журналов. Можно предположить, что эти определения пришли на страницы периодических изданий из повседневной жизни, что журналисты в данном случае отреагировали на возникновение уже заметного в обществе явления, а именно женщин, открыто интересовавшихся различными науками. Молодые образованные женщины, принадлежавшие, как правило, не просто к дворянскому сословию, а к высшим слоям аристократии, несмотря на неоднозначное отношение общества, не только интересовались науками, но даже и не стремились скрывать свои интересы. Благородная барышня Анна Александровна Турчанинова (1774—1848) осмелилась, например, в 1803 г. опубликовать работу философского содержания «Натуральная этика, или Законы нравственности, от созерцания природы непосредственно истекающие» [Натуральная этика... , 1803], а через несколько лет, в 1817 г.,

вышла другая ее публикация — «Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de M-lle Tourtchaninoff» («Философские письма месье Фонтена и мадемуазель Турчаниновой») [Lettres... , 1817]. Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, познакомившийся с Турчаниновой в Киеве будучи подростком, писал о ней и ее увлечениях науками: «Не имея еще двадцати лет от роду, она избегала общества, одевалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала латинский и греческий языки, собиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у нас ее знали под именем философки» [Вигель, 2003: 107]. В 20-х гг. XIX в. А. А. Турчанинова приобрела широкую, но сомнительную и скоротечную известность в петербургских великосветских кругах как магнетизерша, излечивавшая взглядом. Ровесница Турчаниновой Анна Бунина, о которой мы упоминали выше, не прославилась ничем скандальным, была принята при дворе, жила в основном на стипендии, предоставленные ей различными членами императорской семьи, пользовалась успехом в обществе [Стогов, 1879: 52]. При этом она серьезно занималась филологией и теорией литературы. В 1808 г. А. П. Бунина перевела с французского и опубликовала работу аббата Ш. Баттё «Правила поэзии», добавив к ней сведения о российском стихосложении [Баттё, 1808], представлявшие собой серьезное и самостоятельное исследование.

Моложе Буниной и Турчаниновой всего на 6 лет, княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780—1850) собирала в своем знаменитом салоне не только литераторов и людей светских, но и ученых. В нем бывали математик, академик Петербургской академии наук М. В. Остроградский, профессор Московского университета, также математик, Н. Д. Брашман, известный инженер в чине генерала М. Дестрем, профессор и директор Института путей сообщения, генерал-лейтенант П.-Д. Базен. Разговоры велись на темы математические и философские. Биограф Е. И. Голицыной писал: «Не только пламенная душа великого поэта находила для себя живительную среду в обществе княгини Евдокии Ивановны, но и строгие ученые того времени» [С. Д., 1891: 157]. Под великим поэтом подразумевался, конечно, А. С. Пушкин, посвятивший Голицыной незабываемые стихи. Результатом всех этих бесед стала первая математическая книга, написанная русской женщиной, правда по-французски, и опубликованная в России в 1835 г. — «De l'analyse de la force» («Анализ силы») [Golitsina, 1835]. Е. И. Голицына, однако, пошла значительно дальше простой публикации. 14 августа 1835 г. она собственноручно написала в Конференцию Петербургской академии наук, попросив дать отзыв на ее сочинение. Почтенное академическое собрание пришло в растерянность от подобного обращения и долго тянуло с ответом. В конце концов академики были вынуждены отнестись к просьбе серьезно, назначить рецензентов из своего круга и затем обсуждать сочинение княгини [Протоколы... , 1835: 90]. Правда, ничего одобрительного о ее работе они сказать не захотели, что, в свою очередь, не обескуражило Голицыну и не помешало ей напечатать продолжение книги, а затем выпустить второе ее издание, уже в Париже, и третье — в Лондоне, на английском языке.

Е. И. Голицына ни в коей мере не скрывала своих научных интересов и занятий и заслужила этим весьма язвительные отзывы светского общества, как, например, замечание П. А. Вяземского: «...в последние годы жизни своей княгиня

пустилась в высшую математику, соединенную с еще высшею метафизикою. Эти занятия признавала она каким-то наитием свыше. Она никогда к ним не готовилась и разрешала многотрудные задачи, так сказать, бессознательно и неведомо от себя» [Вяземский, 1875: 4].

Подобное отношение вполне типично. Уже в начале 1810-х гг. словосочетание «ученая женщина» перестало быть нейтральным. Так, оставшийся анонимным автор статьи «О учености прекрасного пола» в 1811 г. задавался вопросом: «Удивительно, почему прилагательное “ученый” — в женском роде — щекотливо для уха мужчин?..» [О учености... , 1811: 42]. К 20-м гг. XIX в. (возможно, и ранее) сочетание слов «ученая» и «женщина» приобрело неодобрительный оттенок. Например, филолог-лингвист барон А.-А. Мериан, постоянный консультант и корреспондент княгини Зинаиды Александровны Волконской (1792—1862), увлекшейся изучением славянских древностей и встретившей неодобрение общества, писал ей предположительно в 1825 г.: «Да не охладит стужа, которая Вас теперь окружает, Вашего усердия к истории и языкам! Храни Вас Господь от досадного положения ученой женщины, оставьте его дурнушкам...» (цит. по: [Сайкина, 2005: 23—24]). А. В. Никитенко, завершая биографию умершей в 17 лет Елизаветы Кульман, пошел еще дальше, написав: «Нет! Это была не ученая женщина: может быть, она должна была и умереть, чтобы не сделаться ею» [Никитенко, 1835: 77].

Неудивительно, что находились женщины, не стремившиеся к славе подобного рода и не спешившие афишировать свои необычные и не поощрявшиеся общественной моралью увлечения, даже если они пользовались поддержкой своих семей. Именно такой путь выбрала естествоиспытательница, художница-ботаник, создательница известного в Европе кабинета натуральной истории Елена Павловна Фадеева (1788—1860), урожденная княжна Долгорукая. Только после ее смерти семья решилась обнародовать эту сторону жизни Е. П. Фадеевой — жены, мамы, бабушки. Жизни, хорошо знакомой многим европейским и некоторым российским ученым, с которыми она встречалась, состояла в регулярной переписке, обменивалась экспонатами коллекций [Елена Павловна Фадеева, 1860: 426]. Красочнее всех написала об этой «двойной» жизни Фадеевой ее внучка, известная детская писательница В. П. Желиховская: «Е. П. Фадеева, при всех своих глубоких знаниях и ученых занятиях, была так непритязательна в обращении, так искренна и обходительна со всеми, что многие простые смертные, знавшие ее по годам за ласковую, веселую собеседницу, иные — за прекрасную хозяйку, другие — за хорошую рукодельницу, все — за добрую помощницу, всегда готовую услужить и советом, и делом, часто и не подозревали ее глубоких знаний и ученой деятельности. И наоборот: не раз люди науки, хорошо знакомые с ее кабинетом и разнообразными коллекциями, открывали в изумлении рты, когда нянька вызывала ее покормить ребенка или являлась ключница за наставлениями... Потому-то и сказала я, что мало кто знал ее вполне» [Желиховская, 1887: 765]. Именно из-за подобного строгого разделения жизни имя Фадеевой известно в западноевропейской научной литературе и практически забыто на родине. «Роббер де Гель в своих сочинениях (les steppes de la mer Caspienne, la Crimée et la Russie méridionale, le Caucase и пр.) многократно упоминает о ней как о замечательно ученой особе, во многом

руководившей им в его изысканиях, — пишет В. П. Желиховская. — Lady Stanhope, известная английская путешественница (изъездившая весь мир в мужском костюме), в одном из сочинений своих о России говорит о ней, что встретила в этой варварской стране с такой удивительно ученой женщиной, которая прославилась бы в Европе, если б не имела несчастья проживать на берегах Волги, где мало кто может понять ее и никто не в состоянии ее оценить...» [там же: 764].

Можно предположить, что Фадеева была не одинока в своем выборе, предпочитая заниматься любимым делом без огласки, для себя, доверяя только очень узкому кругу друзей. Внимательное изучение литературных источников, периодической печати отчетливо свидетельствует о том, что в конце XVIII — первой четверти XIX в. в России жили женщины, вполне профессионально занимавшиеся научными исследованиями. Однако общественная мораль не позволяла им увлекаться этим открыто, если они не хотели бросить тень на свою семью и расстаться с репутацией порядочного члена общества. Грустно признавать, но за прошедшие с тех пор два столетия российская история науки не сделала почти ничего, чтобы вернуть миру их имена и, возможно, достижения. Это все еще задача будущего.

Библиографический список

- Баттё Ш.* Правила поэзии / сокр. пер. А. П. Буниной, с присовокуплением российского стопосложения. СПб., 1808. 179 с.
- Вигель Ф. Ф.* Записки: в 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. 752 с. (Биографии и мемуары).
- Вяземский П. А.* Princess Nocturne = Княгиня Ночная: из старой записной книжки. М.: Тип. Грачева и К°, 1875. 8 с.
- Гартиг [Ф. А.].* Рассуждение о женщинах и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках / пер. с фр. М. Вышеславцева // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11, № 62. С. 50—72.
- Гроссгейнрих К.* Елисавета Кульман и ее стихотворения. СПб., 1849. 155 с.
- Грот К. Я.* Поэтесса Анна Петровна Бунина: (к 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.). С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128—186.
- Дашкова Е. Р.* Записки, 1743—1810. Л.: Наука, Ленингр. отд.-ние, 1985. 288 с.
- Елена Павловна Фадеева: биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72. С. 426.
- Жанлис де.* Женщина-Автор // Вестник Европы. 1802. Ч. 5, № 20. С. 250—251.
- Желиховская В. П.* Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835—1842 гг. // Русская старина. 1887. Март. С. 733—766.
- Л.* Портрет милой женщины // Вестник Европы. 1802. Ч. 1, № 1. С. 56—59.
- Мериан М. С.* Суринамские насекомые // Прево [А.-Ф.] История о странствиях вообще по всем краям земного круга. М., 1785. Ч. 13. С. 511—562.
- Московские ведомости. 1807. № 39. 15 мая. С. 258.
- Натуральная этика, или Законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекающие / пер. с лат. А. Турчаниновой. СПб., 1803.
- Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 290.
- Никитенко А.* Елисавета Кульман // Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. 8. С. 39—83.

- О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23—24. С. 263—264.
- О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № 7, ч. 2. С. 42.
- Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 1. С. 81—82.
- Протоколы Конференции Академии наук, 1835 г. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 52. Л. 90.
- Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств / пер. А. М. Волконской, Е. М. Волконской. СПб., 1792. Ч. 1—2.
- С. Д. Княгиня Е. И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 152—160.
- Сайкина Н. В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М.: Наука, 2005. 297 с.
- Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. 386 с.
- Стогов Э. Очерки, рассказы и воспоминания. [Ч.] 6: П. Н. Семёнов и А. П. Бунина // Русская старина. 1879. Т. 24, № 1—4. С. 49—55.
- Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого: очерки жизни, дневники, записки и письма по неизданным материалам. М.: Федерация, 1928. 152 с.
- Хвостов Д. И. Дополнения к изданным материалам для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Т. 30, № 21. С. 121.
- Чулков Н. Голицына, княгиня Евдокия Ивановна // Русский биографический словарь: неопубликованные материалы: в 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т. «Гоголь — Гюне». С. 213—215.
- Golitsina E. De l'analyse de la force. St. Petersburg, 1835. Liv. 1, pt. 1.
- Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de M-lle Tourtchaninoff. Paris, 1817.

References

- Batté, Sh. (1808) *Pravila poëzii / Sokrashchënnÿy perevod A. P. Buninoÿ s prisovokupleniem rossiïskogo stoposlozheniia* [Rules of poetry / shortened translation by A. P. Bunina with the addition of Russian versification], St. Petersburg.
- Chulkov, N. (1997) Golitsina, kniaginia Evdokiia Ivanovna [Golitsina, prinsess Evdokiia Ivanovna], in: *Russkiÿ biograficheskiÿ slovar': Neopublikovannnye materialy*: in 8 vols, vol. "Gogol' — Giune", pp. 213—215.
- Dashkova, E. R. (1985) *Zapiski, 1743—1810* [Memoirs, 1743—1810], Leningrad: Nauka.
- Elena Pavlovna Fadeeva: *Biograficheskiÿ ocherk* (1860) [Elena Pavlovna Fadeeva: Biographical essay], *Kavkaz*, no. 72, p. 426.
- Gartig, [F. A.] (1793) *Rassuzhdenie o zhenshchinakh i o vygodakh, kotorye poluchili by oni ot uprazhneniia v naukakh* [Arguments about women and the benefits they would receive from the exercises in the sciences], *Chtenie dlia vkusa, razuma i chuvstvovaniÿ*, no. 62, pp. 50—72.
- Golitsina, E. (1835) *De l'analyse de la force*, liv. 1, pt. 1, St. Petersburg.
- Grosgeïnrikh, K. (1849) *Elisaveta Kul'man i eë stikhotvoreniia* [Elisaveta Kulman and her poems], St. Petersburg.
- Hvostov, D. I. (1830) *Dopolneniia k izdannym materialam dlia istorii Russkikh zhenshchin-avtorov* [Additions to the published materials for the history of Russian women-authors], *Damskiÿ zhurnal*, vol. 30, no. 21, p. 121.
- L. (1802) *Portret miloi zhenshchiny* [Portrait of a lovely lady], *Vestnik Evropy*, vol. 1, no. 1, pp. 56—59.
- Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de M-lle Tourtchaninoff* (1817), Paris.

- Merian, M. S. (1785) Surinamskie nasekomye [Surinamese insects], in: Prevo, A.-F. *Istoriia o stranstviakh voobshche po vsem kraiam zemnogo kruga*, pt. 13, pp. 511—562.
- Nachertanie o novouchrezhdaemom pri Imperatorskom Moskovskom universitete prepodavanii nuzhneishikh i polezneishikh nauk dlia pochtennoi Moskovskoi publiki (1803) [Note about newly created curriculum in Moscow University which consists of most needed sciences for the esteemed Moscow public], *Periodicheskoe sochinenie o uspekakh narodnogo prosveshcheniia*, no. 3, p. 290.
- Natural'naia étika, ili Zakony npravstvennosti, ot sozertsaniia prirody proistekaiushchie* (1803) [Natural ethics and the laws of morality born from the contemplation of nature], St. Petersburg.
- Nikitenko, A. (1835) Elisaveta Kul'man [Elisaveta Kulman], *Biblioteka dlia chteniia*, vol. 8, pp. 39—83.
- O publicnom prepodavanii nauk v Moskovskom universitete (1803) [About public teaching in Moscow University], *Vestnik Evropy*, no. 23—24, pp. 263—264.
- O uchenosti prekrasnogo pola (1811) [About learning of beautiful gender], *Uleĭ*, no. 7, pt. 2, p. 42.
- Rassuzhdeniia o raznykh predmetakh prirody, nauk i khudozhestv* (1792) [Discourse about different matters of nature, sciences and art], vol. 1—2, St. Petersburg.
- S. D. (1891) Kniaginia E. I. Golitsina [Princess E. I. Golitsina], *Russkii arkhiv*, no. 1, pp. 152—160.
- Saĭkina, N. V. (2005) *Moskovskii literaturnyi salon kniagini Zinaidy Volkonskoi* [Moscow literary parlor of princess Zinaida Volkonskaia], Moscow: Nauka.
- Segiur, L. F. (1865) *Zapiski grafa Segiura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785—1789)* [Notes of count Seguir about his stay in Russia during the reign of Catherine II (1785—1789)], St. Petersburg: Tipografiia V. N. Maikova.
- Stogov, E. (1879) Ocherki, rasskazy i vospominaniia [Essays, stories and memoirs], *Russkaia starina*, vol. 24, no. 1—4, p. 49—55.
- Tolstoy, S. L. (1928) *Mat' i ded L. N. Tolstogo: Ocherki zhizni, dnevniki, zapiski i pis'ma po neizdannym materialam* [L. N. Tolstoy's mother and grandfather: Previously unpublished stories of life, diaries, notes and letters], Moscow: Federatsiia.
- Viazemskii, P. A. (1875) *Princess Nocturne = Kniaginia Nochnaia: Iz staroi zapisnoi knizhki* [Princess Nocturne: From the old note-book], Moscow: Tipografiia Grachëva i K^o.
- Vigel', F. F. (2003) *Zapiski* [Memoirs]: in 2 vols, vol. 1, Moscow: Zakharov.
- Zhanlis de (1802) Zhenshchina-Avtor [Woman-Author], *Vestnik Evropy*, vol. 5, no. 20, pp. 250—251.
- Zhelikhovskaia, V. P. (1887) Elena Andreevna Gan, pisatel'nitsa-romanistka v 1835—1842 gg. [Elena Andreevna Gan, writer-novelist in 1835—1842], *Russkaia starina*, March, pp. 733—766.

Статья поступила 01.10.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Валькова Ольга Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия, o-val2@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Senior Research Fellow, Vavilov's Institute of History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 99—105
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.9

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 99—105
ББК 63.529(253)
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.9

ВЗАИМОПОМОЩЬ В РАЗЛИЧНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ У СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯНОК ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Е. Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии, Сибирское отделение, Российская академия наук,
г. Новосибирск, Россия, mfl1@mail.ru

Ставится задача раскрыть вопросы взаимопомощи и взаимовыручки женщин в моменты сложных жизненных ситуаций (преодоление трудностей, связанных с запретом родителей выйти замуж по любви, тяжелые жизненные обстоятельства) на основе историй, собранных во время полевых этнографических работ в разных районах Сибири (англ. *case study method*). По времени событийности эти рассказы или записи в виде интервью, дневников, воспоминаний относятся к первой трети XX в., т. е. к периоду, предшествующему государственному реформированию образа жизни российской, и в конкретном случае сибирской, деревни в 1930-х гг.

Ключевые слова: женская взаимопомощь, жизненные истории, case study method, сибирская деревня, тяжелые жизненные обстоятельства.

MUTUAL ASSISTANCE IN VARIOUS LIFE SITUATIONS OF SIBERIAN PEASANT WOMEN OF THE FIRST THIRD OF THE XX c.

E. F. Fursova

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, mfl1@mail.ru

The author sets the task of revealing the issues of mutual assistance of women in times of difficult life situations (difficulties associated with the parents prohibition of marrying for love, cases of difficult life circumstances) based on the stories collected during field ethnographic work in different regions of Siberia (using case study method). Timewise these stories or records (interviews, memoirs) refer to the first third of the XX c., before the period of state reform of the way of life of the Russian and, in a particular case, Siberian village in the 1930s.

The family atmosphere in the Siberian families was supported by traditional rules of behavior and decency, largely determined by the Orthodox faith. The mechanism of mutual aid was clearly manifested in relation to children left without parental care, as well as to the elderly. Such people were taken to the family for maintenance and the main burden was placed on the female staff, as the participation in the fate of orphans was mainly for young and old women. The study showed that Siberian peasant women, being in economic, psychological and other dependencies from men throughout their lives, developed traditions of mutual assistance and mutual support in difficult life situations. The forms of women's mutual assistance were diverse and covered many aspects of everyday culture.

Key words: women's mutual aid, life stories, case study method, Siberian village, difficult life circumstances.

Взаимопомощь женщин в хозяйственной и обрядовой жизни, совместные работы по обработке льна (посиделки), заготовке капусты, приготовлению приданого и прочему уже достаточно полно освещены в этнографической литературе¹. Коллективные работы — помочи (от слова «помощь») поочередно проводились разными домохозяевами с приглашением родственниц, соседок. Во время таких работ женщины имели возможность не только обменяться навыками трудовых практик, но и узнать деревенские новости, наладить дружеские отношения. Именно в процессе трудовых будней и праздников зарождались связи, скреплявшие дружеское сообщество женщин, готовых прийти на помощь друг другу в трудную минуту.

Несмотря на то что в вопросе выбора брачного партнера решающее слово было за родителями молодых, в начале XX в., и особенно в 1920-х гг., самовольный переезд девушки в дом жениха не являлся редкостью, и такой вид оформления брака назывался уходом [Васеха, 2016: 322]. Вот здесь-то и проявляла себя в полной мере женская взаимовыручка, основанная на желании помочь влюбленной молодой паре создать союз. Изворотливость и изобретательность, поистине сценический артистизм помощниц содействовали преодолению запретов родителей. Приведем пример такой истории о заключении неравного с экономической точки зрения брака в д. Веселовка Карасукской волости Барнаульского уезда Томской губернии, где народная память сохранила историю кражи «бедным Андреем» дочери «богатого кулака» Паши. В этой истории все показательное: от выраженной специфики социальных и семейных отношений, характерных для украинских переселенцев Сибири, до вскрытия внутреннего конфликта патриархальных традиций с мировосприятием нового поколения. Случай этот, видимо, настолько потряс кулундинскую деревню², что был записан местным библиотекарем В. Н. Свириденко в своих воспоминаниях³.

¹ Особая форма взаимной привязанности, возникавшая в результате троицких «кумлений» — обрядовых действий, после которых девушки на всю жизнь оказывались подругами, заслуживает отдельного рассмотрения.

² Местность, где произошла история, расположена в районе Кулундинской степи.

³ Рукопись В. Н. Свириденко хранится в краеведческом музее Краснозерского района Новосибирской области [Фурсова, Васеха, 2004: 94—105].

Дочь богатого кулака Паша любила бедного Андрея. Оба они знали, что отец Паши не отдаст ее замуж за Андрея. Он не отдаст в бедную и большую семью (8 человек) при том, что недавно у них умерла мать и осталось семеро детей — один другого меньше. Андрей был старший из детей, и ему нужно было жениться, чтобы привести хозяйку в дом. У Паши мать была неродная, но очень добрая, славная женщина. Паша управлялась с овцами. Летом она пасла, а зимой жила в степи в избушке, где были загоны для овец. Она их здесь кормила и пила, а домой приезжала только на большие праздники. С Андреем они договорились в эту зиму пожениться.

Девушка, видимо, неслучайно обратилась за помощью к мачехе, так как интуитивно чувствовала ее одобрение и надеялась на поддержку. Мачеха, женщина с житейским опытом, придумала, каким образом можно скрыться от грозного отца.

Приехав в очередной раз на праздник, Паша откровенно поделилась своими планами с мачехой. Рассказала, что они с Андреем любят друг друга, что у Андрея большие трудности в семье, но она дала все же согласие выйти за него замуж. Но без согласия отца в это время в церкви не венчали, то есть поп такой брак юридически не оформлял, что считалось большим грехом. Паша и обратилась за советом к мачехе: «Мама, а можно мне убежать с ним? Потом, когда тятя отсердится и даст согласие на венчание, помириться?» Так и решили. Мачеха вынула из сундука две парочки кашемировых (юбка с кофтой. — *Е. Ф.*) и посоветовала надеть их на себя и идти на праздник. А после убежать к нему в дом. Паша так и поступила. После гулянья ушла к Андрею.

Далее события разворачивались таким образом, что отец девушки обманом вернул ее в свой дом, нещадно избил, раздел и длительное время никуда не пускал. Впоследствии Пашу отвезли на далекую заимку за 10 км от дома и там оставили одну зимовать со скотом до Пасхи. На Пасху отец привез ее домой, но строго держал взаперти. В эту историю вмешалась младшая сводная сестра девушки, дочь мачехи.

В их семье была младшая сводная сестра Ира. Она вела переговоры между Пашей и Андреем. Паша передала ему, что после Пасхи уговорит отца отпустить ее на вечер к подружкам погулять, а когда придет на гулянье, то они с Андреем убегут совсем из этого села.

Хотя в начале XX в. новых веяний в сибирской глубинке практически еще не ощущалось, молодые проявили своеволие и все же решили настаивать на своем. Возможно, что в старожильческой или старообрядческой среде при столь обостренном развитии ситуации парень отступил бы и не пошел поперек воли родителей. Однако здесь все случилось по-другому.

Отец разрешил Паше пойти к подружкам погулять, но только на один вечер и в сопровождении Иры. Но новой одежды надевать не разрешил: «В старом ты больше не вздумаешь убежать к жениху». Паша согласилась. И опять ей помогла мачеха. Она посоветовала под низ надеть новую парочку, а наверх — старую. Паша оделась и ушла.

Как в остросюжетном фильме, стремительно менялись события: молодые убегали к родственникам в далеко расположенное с. Палецкое, друзья выставили

охрану от вооруженного вилами отца с сыновьями. Только спустя три месяца Андрей нашел возможным сообщить отцу в Веселовку, где они находятся. Вернуться в свое родное село он так и не решился, лишь спустя определенное время к молодым приезжали родители невесты и помирились с ними. В этой были нашли отражение нравы сибирско-украинской деревни в 1916—1917 гг., т. е. накануне реформ семьи и брака, проведенных молодым государством Страны Советов. Интересно, что чутье не подвело женщин, брак по любви Паши и Андрея оказался счастливым, хотя молодым и пришлось претерпеть много испытаний на пути к нему.

Понять суть этой истории трудно без знания представлений о девичьей чести, являющихся ключевыми не только в дворянском, но и крестьянском этосе [Лисицына, Пушкарева, 2015: 76]. На весы людского суда были положены как личная честь девушки, так и честь всего ее рода. Именно эти традиционные представления следует учитывать, чтобы объяснить агрессию отца и его сыновей.

Женская взаимопомощь могла проявляться и в весьма неожиданных формах, приведем пример также из области семейно-брачных отношений, но уже в старообрядческой среде. Родин Иванович Опарин, потомственный старообрядец поморского согласия из д. Осиново Плесо Новокузнецкого района Кемеровской области, в своих воспоминаниях писал о женитьбе в 1922 г. на знакомой девушке. Невесту Валентину Ивановну присоветовали ему родители, которые, однако, учитывали при этом и желание сына. Так как девушка по происхождению была из семьи никониан, т. е. сторонников официальной православной церкви, то ей пришлось перекрещиваться. Приведем авторский текст:

Привезли невесту к нам в дом. Невеста Валентина Ивановна стала готовиться к крещению, надо было положить сорок тысяч поклонов. С моей стороны моя мама молилась, бабушка и другие. За две недели епитимью выполнили с невестой: сорок тысяч поклонов положили.

В рассказе обращает на себя внимание огромное количество земных поклонов и готовность женщин помочь будущей снохе и невестке побыстрее их выполнить, разделив таким образом с ней епитимью. В одиночестве Валентина Ивановна вряд ли бы управилась с подобным и за год [Фурсова, 2002: 108].

Нередко в семьях проживали несколько сыновей, которые в процессе заключения браков приводили в дом новых женщин. Мария Николаевна Сидорова из пос. Тогучин Новосибирской области вспоминала, как у них в семье женили шестерых ее братьев, а трех сестер выдавали замуж⁴. Вновь пришедшим в семью снохам уделяли особое внимание, старались не перегружать их обязанностями, хотя и не освобождали от общей работы. В отличие от традиций Европейской России, где домашние женские дела распределялись на основе принципа «деньщиц» (дежурных) по конкретным дням недели, в сибирских селах ежедневные работы женскому составу семьи поручала старшая по возрасту женщина. Обычно роль распорядительницы играла жена хозяина дома или его вдова, которая для остальных женщин являлась матерью или свекровью. Рано утром дочерям

⁴ Сидорова (Соловьева) Мария Николаевна родилась в д. Стегляновка Алтайского края в 1920 г. (полевые материалы автора, 2003 г.).

и невесткам старшая хозяйка раздавала поручения по выполнению основных работ по дому (топить печь, готовить еду, заниматься с детьми, доить коров и пр.). Некоторые виды работ, например такие как прядение, ткачество, исполнялись всем женским составом в любое время года (за исключением летнего периода, когда все силы были брошены на выращивание урожая). Рожденные в дореволюционное время женщины с благодарностью вспоминали, что навыкам выполнения домашних работ и ведению хозяйства их научили свекровь или бабушка мужа, старшие невестки.

Семейная атмосфера поддерживалась традиционными правилами поведения и приличия, во многом определявшимися православным вероисповеданием. Механизм взаимовыручки отчетливо проявлялся в отношении к детям, оставшимся без попечения родителей. Таких детей брали в семьи на содержание, при этом главная нагрузка ложилась на плечи женского состава, так как участвовать в судьбе сирот приходилось в основном молодым и пожилым женщинам.

В детстве бабушка была безродная, они сибиряки. Раньше детских домов не было, и ее воспитывали всем селом Енисейским⁵. У одного жила, у другого жила. В каждой семье какое-то время этот ребенок жил. Такой обычай был⁶.

Аналогичным образом односельчане принимали в свои семьи пожилых женщин, у которых не было родственников. Так, информанты вспоминали, что испокон века у них, старообрядцев-часовенных на р. Терсь в д. Осиново Плесо, в домах проживали престарелые люди. Современная жительница деревни Мария Павловна Кушова до сих пор периодически приглашает в дом немощных, как правило, парализованных старушек и выхаживает их до самой смерти.

Важно подчеркнуть, что взаимопомощь в общем крестьянском труде стирала психофизиологические противоречия членов семьи, у которых была единая цель трудиться на общее благо и соблюдать близкие традиции православного воспитания. Без проявления сострадания и милости невозможно представить, как сложилась бы судьба сотен тысяч обездоленных женщин и детей, оставшихся без отцов-кормильцев, без жилья, осиротевших в Гражданскую войну и в результате политики так называемого раскулачивания (сейчас больше употребляется термин «раскрестьянивание»). Женщинам с детьми и нередко с престарелыми бабушками приходилось ходить по дворам и просить милостыню. Приведем в качестве примера отрывок из рукописи «Мои воспоминания» М. С. Усольцевой из с. Белое Чернокурьянского района Славгородского округа Сибирского края⁷. После Гражданской войны и смерти отца семья М. С. Усольцевой осталась в составе бабушки (свекровь), беременной матери, четырех малых детей. В ходе коллективизации, когда у этой семьи отняли в общее пользование единственную кормилицу — корову, весной начался настоящий голод, к этому добавился тиф, унесший жизни двух старших братьев и одного младшего.

⁵ Сростинная волость Бийского уезда (сейчас Бийский район Алтайского края).

⁶ Загайнова Мария Яковлевна, около 1927 года рождения, с. Маслянино Новосибирской области. Потомок коренных сибиряков-«чалдонов» (полевые материалы автора, 1994 г.).

⁷ Сегодня это Карасукский район Новосибирской области. Рукопись 1966—1967 гг. хранится в беловском краеведческом школьном музее. Копия рукописи находится у автора (полевые материалы автора, 2004 г., РЗ 26, л. 11).

...Мать ездила по токам собирать всякие отходы, толкла лебеду. Ходили весной собирали старые колоски на непаханой земле и ели такие черные лепешки... потом пошла зелень, конский щавель... И вдруг заболела тифом мать... обрушились на нас новые беды. Бабушка сперва побиралась в своей деревне, но кто подаст? Хлеб был только у учителей, да коммунарам немного давали. Мать сперва лежала без памяти в бреду на земляном полу, потом, недели через три, стала просить чего-нибудь поесть. Сначала я плакала, что мать умрет, а когда увидела, что болезнь прошла, стала думать, чем ее кормить. Просить милостыню было очень стыдно, я никогда не ходила — все бабушка...

В «Моих воспоминаниях» повествуется, как бабушка самоотверженно уезжала в другие, в том числе отдаленные, деревни к родне и знакомым с целью «побираться». Как пишет М. С. Усольцева, она после долгих раздумий решила написать письмо двум сестрам матери, которые проживали в замужестве в Нижнекаргатском районе Барабинского округа Сибирского края⁸. Довольно скоро две старшие сестры приехали на подводе, привезли некоторые запасы еды. В обратный путь они поехали, захватив с собою бабушку, и к концу лета та собрала в более сытном месте мешок кусочков сухарей и другой еды. Все это она привезла в с. Белое, где в это время девочка чуть старше десяти лет самостоятельно вела хозяйство и ухаживала за больной матерью. Таким образом, бабушка помогла выжить оставшимся в живых внукам и своей снохе.

Исследование методом жизненных историй (case study method) показало, что сибирские крестьянки, находясь на протяжении всей своей жизни в экономической, психологической и прочих зависимостях от мужчин, выработали традиции взаимопомощи, взаимной поддержки в тяжелых жизненных ситуациях. Формы женской взаимопомощи были разнообразны и охватывали многие стороны повседневной культуры. «Подружеские» отношения женщин наблюдались нами также в традиционной обрядности, религиозно-бытовых обычаях, рассмотрение которых требует отдельной работы.

Библиографический список

- Васеха М. В.* Политика внедрения «нового быта» и ее влияние на семейно-брачные отношения в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920—1930-х годов. М.: Индрик, 2016. С. 295—338.
- Лисицына О. И., Пушкарева Н. Л.* Представления о женской чести в российской дворянской культуре (конец XVIII — начало XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2. С. 76—89.
- Фурсова Е. Ф.* История жизни духовного наставника Р. И. Опарина в рукописном собрании моленной старообрядцев-поморцев // Памятники культуры. Новые открытия: письменность. Искусство. Археология: ежегодник 2001. М.: Наука, 2002. С. 90—118.
- Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И.* Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX в.: (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. Ч. 1. 190 с.

⁸ Сегодня Здвинский район Новосибирской области.

References

- Fursova, E. F. (2002) Istoriiia zhizni dukhovnogo nastavnika R. I. Oparina v rukopisnom sobranii molennoi staroobriadtshev-pomortsev [The story of the life of the spiritual father R. I. Oparin in the hand-written collection of the Old Believer-Pomorians], in: *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya: Ezhegodnik 2001*, Moscow: Nauka, pp. 90—118.
- Fursova, E. F., Vasekha, L. I. (2004) *Ocherki traditsionnoi kul'tury ukrainskikh pereselentsev Sibiri XIX — pervoi treti XX v.: (Po materialam Novosibirskoi oblasti)* [Essays on the traditional culture of the Ukrainian immigrants of Siberia XIX — the first third of the XX c.: (Based on materials from the Novosibirsk region)], pt. 1, Novosibirsk: Agro-Sibir'.
- Lisitsyna, O. I., Pushkareva, N. L. (2015) Predstavleniia o zhenskoii chesti v rossiiskoi dvorian-skoi kul'ture (konets XVIII — nachalo XIX v.) [Representations of women's honor in the Russian noble culture (the end of the XVIII — early XIX c.)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 76—89.
- Vasekha, M. V. (2016) Politika vnedreniia "novogo byta" i ee vliianie na semeino-brachnye otnosheniia v 1920-e gody [The policy of introducing a "new way of life" and its impact on family and marriage relations in the 1920s], in: *Traditsionnaia kul'tura russkogo naroda v period 1920—1930-kh godov*, Moscow: Indrik, pp. 295—338.

Статья поступила 20.10.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Фурсова Елена Федоровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом этнографии, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия, mfl1@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 106—114
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.10

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 106—114
ББК 74.323
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.10

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ИЗМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

З. Ю. Доржу, Н. М. Очур

Тувинский государственный университет, г. Кызыл,
Россия, n.ochur@mail.ru

Рассматривается процесс привлечения к образованию женщин-тувинок как важный компонент социально-экономических и политических преобразований в Тувинской Народной Республике (1921—1944 гг.). На основе изучения документальных и статистических источников выявлена специфика образовательной политики Тувинской народно-революционной партии на демократическом этапе развития независимого государства, а также формирования и функционирования системы народного образования.

Определены условия и особенности проведения работы по ликвидации неграмотности среди женщин. На примере Хертек Анчимаа, одной из первых женщин-тувинок, овладевших грамотой и получивших образование, показана его роль в изменении положения женщин в Тувинской Народной Республике, повышении их социальной активности.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, женщина-тувинка, ликвидация неграмотности, образование, семья, общество.

THE ROLE OF EDUCATION IN THE TRANSFORMATION OF THE STATUS OF WOMEN IN THE TUVAN PEOPLE'S REPUBLIC

Z. Yu. Dorzhu, N. M. Ochur

Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation, n.ochur@mail.ru

The article deals with the process of attracting Tuvan women to education as a consequence of political and socio-economic transformations, as a result of the formation of the independent state of the Tuvan People's Republic in 1921. Amongst the ruling elite and the lamas of the clergy there were 106 literate and 286 illiterate people out of the 52 700 people in the population of the People's Republic of China, who knew the Mongolian language. The bulk of the Arats could not write and read.

© Доржу З. Ю., Очур Н. М., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Республикой Тыва научного проекта № 16-11-17001.

National literacy policy was adopted in 1930. The main element of public education was an elementary school with a four-year term of study. There were three types of schools organized: boarding schools, apprenticeship schools and summer schools.

Female education was difficult to break in. Former chieftains and lamas intimidated the people by saying that the study of reading and writing is forbidden by Buddhist teachings, causes female sterility and is harmful to pregnant women. Despite this, courses were created to eliminate illiteracy. For example, in 1937 about 16 thousand women received some education. In 1932 women's literacy was 12 %, in 1938 — 74 %, and 25 women were teachers.

The leadership and activities of the Tuvan People's Revolutionary Party, the Women's Council, played an important role in eliminating the illiteracy of the population. In the spreading of education, in providing schools with personnel, the USSR rendered great assistance. In general, the period 1921—1944 under Tuvan People's Republic is characterized by a significant increase in the general educational and professional level of women. The example of Hertec Anchima, one of the first to study and receive education, shows that women's literacy has become one of the main conditions for their participation in public life, and engaging in solving social and cultural problems, areas of activities that were closest to them.

Key words: Tuvan People's Republic, a female Tuvan, literacy, education, family, society.

Общепризнано, что уровень цивилизованности общества зависит от того, какое положение в нем занимают женщины, от степени их свободы в экономической, политической, правовой, духовной сферах. Достижение этой свободы обусловлено, в свою очередь, степенью образованности женщин. Образование дает женщине возможность заниматься не только домашним хозяйством и воспитанием детей, но и профессиональной деятельностью, которая становится сферой ее самовыражения и самоутверждения, а также реализовать себя в общественно-политической жизни, повысить свою социальную значимость. В этом отношении представляют интерес истоки, накопленный исторический опыт привлечения к образованию женщин различных регионов страны, в частности Тувы.

В тувинской историографии, несмотря на давно назревшую необходимость изучения истории женского образования в республике, как важного компонента духовной культуры народа, пока нет ни одного специального исследования по этой теме. Лишь некоторые ее вопросы получили отражение в трудах, рассматривающих общие проблемы народного образования, педагогики и истории раскрепощения женщин.

Так, в монографии Н. А. Сердобова «Народное образование в Туве» содержатся сведения о сложнейших социально-политических условиях перехода тувинского народа от патриархально-феодального строя к некапиталистическому пути развития, подчеркивается роль в этом процессе Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) и огромная помощь СССР в осуществлении культурного строительства в республике [Сердобов, 1953].

Значительно пополнили сведения о народном образовании в Туве представители педагогической науки Л. П. и К. Б. Салчак. В своих исследованиях они обобщили и систематизировали опыт народной педагогики [Салчак К., Салчак Л., 1984], выявили малоизвестные страницы из истории становления и развития педагогического образования, опубликовали автобиографические очерки педагогов и ученых [Салчак К., Салчак Л., 2003].

Положению женщин в феодальной Туве посвящена монография Г. А. Забелиной. Раскрывая историю политического и социально-экономического раскрепощения женщины-аратки, вопросы женского образования автор подробно не рассматривает [Забелина, 2010].

Таким образом, во второй половине XX в. представителями педагогической и исторической науки накоплен определенный фактический материал по развитию образования в Туве, изучены отдельные его аспекты, отражены проблемы образования в республике. Однако в региональной историографии история женского образования еще не стала предметом специальных исследований, хотя необходимость в них давно назрела.

В данной статье предпринята попытка воссоздания истории становления и развития женского образования в Туве в начале XX в. путем рассмотрения таких вопросов, как историческая необходимость и истоки его формирования, формы и методы организации, основные проблемы ликвидации неграмотности населения, роль образования в изменении положения женщин в тувинском обществе.

Определив объектом исследования женское образование в Туве, авторы рассматривают процесс его становления и развития в период народно-демократического строя в Тувинской Народной Республике (ТНР). Исследование конкретно-исторического материала позволяет заключить, что в истории образования в Туве время создания в 1921 г. ТНР и существования ее вплоть до вступления в 1944 г. в состав СССР является ключевым. Это период, когда появилась национальная письменность и началась ликвидация неграмотности населения, были заложены основы образовательной системы. Реформы, проводимые на этапе народно-демократического строя, дали серьезный импульс к социокультурной модернизации и трансформации тувинского общества, в том числе в области образования.

Событием большой важности в жизни тувинцев стала победа в 1921 г. народной революции. 13—16 августа в местности Суг-Бажи Тандинского района состоялся Всетувинский учредительный хурал (съезд) девяти хошунов, который при поддержке Советской России провозгласил образование ТНР. Самостоятельность первого суверенного государства трудовых аратов была подчеркнута принятием первой Конституции, формированием новых органов власти. Историческим завоеванием аратов явилось и создание ТНРП. Задачи строительства новой жизни решались в условиях острой классовой борьбы, преодоления огромных трудностей, связанных с экономической и культурной отсталостью, что было обусловлено многовековым гнетом иноземных поработителей и местных светских и духовных феодалов. В дореволюционной Туве господствовали патриархально-феодальные отношения, бытовали реакционные обычаи и пережитки родового строя, культивируемые в своих классовых интересах феодально-теократической верхушкой, ламаистской церковью, шаманами. Особенно пренебрежительным было отношение к женщине, считавшейся неполноценным человеком в семье и обществе. Тем самым всю тяжесть социального и национального гнета вместе с мужчинами испытывали и женщины-аратки.

Массовая неграмотность населения, отсутствие национальной письменности, кочевой образ жизни, религиозная косность стали серьезным препятствием

для ликвидации патриархально-феодалных порядков и осуществления социально-экономических и культурных преобразований в молодом независимом государстве.

Первая перепись 1924 г. выявила, что из 52 700 человек населения ТНР насчитывалось 106 грамотных и 286 малограмотных, знавших монгольскую письменность, преимущественно ими были представители правящей верхушки, ламского духовенства и богатых скотоводов. Основная масса аратов не умела ни писать, ни читать [Доржу, 2008: 97].

Наиболее важными для этого периода проблемами являлись создание национальной письменности и ликвидация неграмотности населения. На состоявшемся в 1927 г. VII съезде ТНРП были приняты Программа партии, в которой большое внимание уделялось вопросам народного образования, а также ряд значимых решений — охватить всех детей до 18 лет, без различия пола, обучением грамоте, для малограмотных и неграмотных граждан организовать курсы, клубы, красные юрты. В реализации этих планов и решении других вопросов культурного строительства в ТНР большую помощь оказывал СССР. На VIII съезде ТНРП, состоявшемся в октябре 1929 г., было принято обращение в ЦК КПСС об оказании ТНР помощи в создании национальной письменности. В разработке тувинской письменности и первого букваря участвовали сотрудники Коммунистического университета трудящихся Востока и Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем.

Тувинская письменность была утверждена декретом правительства ТНР от 28 июня 1930 г. Одним из ее основателей был лингвист-тюрколог А. А. Пальмбаха, который писал впоследствии: «Ни школ, ни учителей тогда еще не было. Учиться хотели все, а “ликвидаторов” неграмотности, подготовленных на краткосрочных курсах, было всего несколько человек. Занятия проводились под открытым небом. Букварей было мало, алфавит переписывали друг у друга, писали часто на небольших дощечках заостренными палочками, но все компенсировалось интересом к чтению, письму, грамотности» (цит. по: [Салчак К., Салчак Л., 2003: 6]).

В ТНР народным образованием руководило созданное на VII Великом хурале в 1930 г. Министерство культуры. Лишь в 1941 г. было сформировано Министерство народного образования. На местах народное образование находилось в ведении культсекторов хошунных хуралов.

Из-за отсутствия объективных условий для организации средней школы, дающей общее образование, основным звеном обучения являлась четырехлетняя начальная школа для детей от 8 до 17 лет. Было сформировано три типа школ: школы-интернаты, где могли учиться и жить дети кочующих чабанов и охотников, школы «приходящего ученичества» и летние школы. Летние школы открывались там, где араты кочевали летом, и вместе с ними передвигались из одного пункта в другой. За короткое время, до переезда на осеннее пастбище, в них обучали детей элементарной грамотности. На этом этапе развития школьного образования летние школы сыграли свою положительную роль.

В организации образования было немало трудностей. Школы-интернаты строились в короткие сроки и не всегда соответствовали санитарно-гигиеническим и техническим нормам, в них был большой отсев, низкая успеваемость. К тому же не все родители до конца осознавали необходимость

образования, считая, что их детям достаточно получить азы грамоты и дальше учиться необязательно. Руководство ТНР и Министерство культуры принимали меры по преодолению этих трудностей, и ситуация постепенно улучшалась. К началу 1940-х гг. наблюдалась положительная динамика роста числа школ, обучением были охвачены уже 55,4 % детей в возрасте 8—12 лет [Сердобов, 1953: 29].

О роли образования в изменении положения женщин-тувинок в период ТНР можно проследить на примере Хертек Анчимаа. Она одна из первых женщин Тувы обучилась грамоте, получила образование и многое сделала для повышения его уровня у тувинских женщин. Родилась Анчимаа в 1912 г. в многодетной семье. После смерти отца на руках у матери осталось пятеро детей и шестилетнюю девочку отдали в приемные дочери к зажиточному родственнику. Обратившись в семью она вернулась, когда ей исполнилось 18 лет, и со старшей сестрой стала помогать матери. Пасла овец, доила кобылиц и готовила кумыс, выделывала овчину, катала войлок — кошму. Так бы и проходили годы, если бы в середине августа 1921 г. не грянула народная революция, коренным образом изменившая жизнь кочевой Тувы. По примеру СССР создаются партийные, молодежные, профсоюзные, детские организации. Анчимаа, немного знавшую монгольскую грамоту, сразу привлекли к общественной работе. Она стала писарем в хошунном хурале [Хадаханэ, 1967: 22].

В 1930 г., когда с появлением национальной письменности начали обучать население грамоте, Анчимаа одна из первых овладела ею. «Я очень старалась, мне было интересно, — вспоминала она. — Потом выявили тех, кто более-менее быстро и хорошо освоил грамоту, организовали типа ликбез-классов — по три месяца. Я начала после таких курсов обучать грамоте других. Тогда не было ни ручек, ни карандашей, ни бумаги. Хорошо было зимой, когда можно было писать на снегу. На зимних стоянках много снега, он белый-белый, так там вокруг все было написано: всюду буквы, чьи-то имена, слова» (цит. по: [Монгуш, 2001]).

В 1931 г. активистку ревсомола (тувинского комсомола) в числе 76 человек направляют на учебу в московский Коммунистический университет трудящихся Востока. 33 посланца были зачислены на подготовительный курс университета, а 43 — на рабфак, учились на полном государственном обеспечении [Серен, 2012].

Окончив в 1935 г. высшее учебное заведение, Анчимаа стала заведующей отделом пропаганды и агитации ЦК Тувинского революционного союза молодежи, а с 1938 г. — заведующей отделом по работе среди женщин ЦК ТНРП. Главной задачей этой работы партия выдвинула тогда ликвидацию неграмотности. Пришлось организовывать красные юрты, ликбезы, заниматься обучением и ликвидацией безграмотности среди женщин-аратов, создавать женсоветы. Ездил Анчимаа верхом с грудной дочерью на руках по дальним сумонам, оставит дочь у знакомых, а сама уйдет проводить беседу среди араток о вреде религии (в 1929 г. в Туве было 25 буддийских монастырей, около 4 тыс. лам и шаманов), о необходимости перехода на оседлый образ жизни.

Об уровне грамотности женщин-тувинок говорит следующий факт: даже после введения государственной письменности бывшие феодалы и ламы запугивали их, утверждая, что изучение грамоты запрещается буддийским учением,

так как вызывает бесплодие у женщин и вредно для беременных. Несмотря на происки классовых врагов, во всех хошунах и сумонах были созданы курсы ликвидации неграмотности. В 1937 г. около 16 тыс. женщин обучались в кружках ликбеза и школах для взрослых. Внимание к этому вопросу со стороны ТНРП позволило добиться качественного скачка в росте образовательного уровня женщин. Их грамотность возросла: если в 1932 г. она составляла 12 %, то в 1938 г. — 74 %, учителями работали 25 женщин. Уже в 1959 г. был устранен разрыв в образовании между мужчинами и женщинами [Доржу, 2008: 107].

Хертек Амырбитовну в 1940 г. избрали председателем Президиума Малого хурала ТНР. Пять лет на посту президента республики совпали с тяжелыми годами Великой Отечественной войны, она была одним из организаторов работы по оказанию помощи советскому народу. Повсеместно шел сбор подарков для Красной армии, люди отдавали свои трудовые сбережения, направлявшиеся на строительство танков и самолетов, а также скот, коней. Женщины-тувинки научились делать боевые лыжи, вязать варежки и перчатки. Всенародная помощь — «дузаламчы» — была высоко оценена советским правительством. Хертек Анчимаа за свою общественную и государственную деятельность, за активное участие в строительстве новой Тувы была награждена орденами Ленина (1944 г.), Трудового Красного Знамени (1946 г.), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946 г.), тремя орденами «Знак Почета» (1949—1957 гг.) и двумя орденами ТНР (1939 г., 1942 г.) [Хадаханэ, 1967: 24].

Возглавляя Малый хурал ТНР, Хертек Анчимаа сыграла большую роль в добровольном вхождении Тувы в состав СССР. Это историческое решение было принято в октябре 1944 г. С тех пор в течение 23 лет она работала заместителем председателя Совета министров Тувинской АССР. Так дочь охотника и батрачки стала государственным деятелем. Будучи матерью пятерых детей, она успешно руководила деятельностью республиканских учреждений народного образования, культуры, занималась решением социальных проблем, радела за процветание Тувы.

Изучение проблемы показало, что женское образование в ТНР развивалось как составная часть всего образовательного процесса, как следствие политических и социально-экономических реформ, проводимых новым государством. Основными факторами формирования и развития образования в Туве явились: социально-экономические и образовательно-культурные потребности развития независимого государства; политика и деятельность ТНРП, профсоюзных, молодежных и женских общественных организаций; инициатива и общественная активность передовой части интеллигенции.

Женское образование с трудом пробивало дорогу в общественном сознании. Жизнь женщин-тувинок не мыслилась вне семьи, ею была ограничена их социальная роль. Тувинцы с давних времен безмерно любили своих детей, а непрерывность рода считали священной [Кенин-Лопсан, 2006: 52]. Это же подчеркивали и члены английской экспедиции, первыми посетившие Туву, когда она была еще в составе государства Великая Цин. Экспедиция состоялась в 1910 г. при поддержке Королевского географического общества Великобритании. Руководитель экспедиции Д. Каррутерс в книге «Неведомая Монголия», первая часть

которой называется «Урянхайский край» (старое название Тувы), писал, что у урянхайцев «особенно сильно развито желание иметь детей» [Каррутерс, 2002: 157].

Ментальность неграмотных тувинок была консервативной, традиционалистской, подверженной стереотипам в вопросах воспитания детей, обустройства быта и хозяйства. Для преобразования традиционного тувинского общества, изменения быта и приобщения аратов к общественному производству требовалась трансформация сознания тувинцев. Начальным звеном этого сложного процесса явилась ликвидация неграмотности тувинского населения и приобщение женщин к образованию.

Важную роль в выполнении указанной задачи сыграли женсоветы, которые вели учет неграмотных женщин, помогали им поступить на курсы по ликвидации неграмотности. Особенно большой популярностью среди женщин-тувинок пользовались красные юрты. В реализации политики ликвидации неграмотности и малограмотности значительную роль сыграли сами женщины. Обучившись грамоте, они становились агитаторами за новую жизнь, вели разъяснительную работу среди населения о пользе и необходимости образования, теперь уже как учителя они участвовали в борьбе за всеобщую грамотность, оказывали практическую помощь в организации ликпунктов, присматривали за детьми, пока матери учились.

В распространении образования, в обеспечении школ кадрами большую роль сыграли советские специалисты, выпускники педагогических вузов Москвы, Ленинграда, Иркутска, Горького и других городов. В 1928 г. в ТНР прибыла большая группа учителей (А. Ф. Бобкова, В. В. Криштафович, Н. Н. Таптыков, И. А. Уланова, С. И. Шешуков и др.), открывших тувинской молодежи дорогу к знаниям. Среди первых учителей Тувы большой общественный авторитет имели З. Сапогова, Т. Спирина и другие.

СССР оказал большую помощь и при строительстве школ. За 1930—1940 гг. методом народной стройки были возведены здания для 235 школ, за счет бюджета — 22 школьных здания [Сердобов, 1953: 25 — 26].

Большое значение придавалось формированию слоя квалифицированных специалистов из числа женщин. Однако в Туве отсутствовали такие учебные заведения, поэтому студенты направлялись в вузы и техникумы, находящиеся за пределами ТНР. Они учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, учительском институте Абакана, учебных заведениях Ойротии (Горного Алтая). Важное место в подготовке квалифицированных специалистов отводилось рабочим факультетам при высших учебных заведениях. Постепенно доля женщин в числе обучающихся возрастала. Привлечение к процессу создания народного образования учителей — носителей тувинского языка явилось важнейшим фактором культурного развития этноса, кардинально изменившим патриархальный уклад семьи, сознание и поведение тувинцев.

В целом для рассматриваемого периода характерно значительное повышение общеобразовательного и профессионального уровня женщин. Создание тувинской письменности в 1930 г. — поворотное событие в культурно-историческом и социально-экономическом развитии Тувы, имеющее непреходящее

значение. Именно ликвидация неграмотности и привлечение к образованию женщин позволили им включиться в активную общественно-политическую жизнь республики, достичь успехов, сохранив при этом самобытные традиции тувинцев. Грамотность женщин стала одним из основных условий их участия в решении социальных и культурных задач.

Библиографический список

- Доржу З. Ю. Женщины Тувы: от прошлого к будущему. Кызыл: Изд-во Тув. гос. ун-та, 2008. 183 с.
- Забелина Г. А. Женщина-тувинка в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл: Тув. ин-т комплекс. освоения природных ресурсов СО РАН, 2010. 120 с.
- Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Ч. 1: Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер: антология: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 4. С. 10—261.
- Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 232 с.
- Монгуш С. М. Хертек Анчимаа-Тока: государственный деятель // Центр Азии. 2001. 21 декабря.
- Салчак К. Б., Салчак Л. П. Развитие тувинской народной педагогики. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1984. 125 с.
- Салчак К. Б., Салчак Л. П. Педагогическое образование в Туве: научная мысль. История. Люди. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. 256 с.
- Сердобов Н. А. Народное образование в Туве. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1953. 136 с.
- Серен А. С. 100 лет со дня рождения Хертек Анчимаа // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. URL: <http://www.tuva.asia> (дата обращения: 01.08.2017).
- Хадаханэ М. А. Судьба тувинки // Славные дочери Тувы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1967. 146 с.

References

- Dorzhu, Z. Yu. (2008) *Zhenshchiny Tuvy: ot proshlogo k budushchemu* [Women of Tuva: from the past to the future], Kyzyl: Izdatel'stvo Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Karruters, D. (2007) *Nevedomaia Mongoliia* [Unknown Mongolia], pt. 1, in: *Uriankhaï. Tыва дептер*: in 7 vols, vol. 4, Moscow: Slovo, pp. 10—261.
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev* [Traditional culture of the Tuvinians], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Khadakhanè, M. A. (1967) *Sud'ba tuvinki* [Fate of the Tuvinian], in: *Slavnye docheri Tuvy*, Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Mongush, S. M. (2001) *Khertek Anchimaa-Toka: Gosudarstvennyi deiatel'* [Hertek Anchimaa-Toka: The statesman], *Tsentr Azii*, 21st December.
- Salchak, K. B., Salchak, L. P. (1984) *Razvitie tuvinskoï narodnoï pedagogiki* [Development of Tuvan folk pedagogy], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Salchak, K. B., Salchak, L. P. (2003) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Tuve: Nauchnaia mysl'. Istoriia. Liudi* [Pedagogical education in Tuva: Academic Analysis. History. People], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Serdobov, N. A. (1953) *Narodnoe obrazovanie v Tuve* [Public education in Tuva], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.

-
- Seren, A. S. (2012) 100 let so dnia rozhdeniia Khertek Anchimaa [100th anniversary of the birth of Hertec Anchimaa], *Novye issledovaniia Tuvy*, no.1, available from <http://www.tuva.asia> (accessed 01.08.2017).
- Zabelina, G. A. (2010) *Zhenshchina-tuvinka v sem'e i obshchestve v pervoi polovine XX veka* [Tuvan women in the family and society in the first half of the XX century], Kyzyl: Tuvinskiĭ institut kompleksnogo osvoiniia prirodnykh resursov Sibirskogo otdeleniia Rossiĭskoi akademii nauk.

Статья поступила 28.09.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Доржу Зоя Юрьевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, Тувинский государственный университет, г. Кызыл, Россия, zoyadorzhu@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Domestic History, Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation).

Очур Надежда Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Тувинский государственный университет, г. Кызыл, Россия, n.ochur@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Domestic History, Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 115—119
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.11

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 115—119
ББК 71.18
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.11

**«СИЛА СЛАБЫХ»:
МОЩЬ ОБЪЕДИНЕННОСТИ И ВЗАИМОПОДДЕРЖКИ
МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В КУЛЬТУРАХ МИРА**

Н. Л. Пушкарева^a, Т. И. Трошина^b, А. В. Белова^c, Н. А. Мицюк^d

^a Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

^b Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Россия

^c Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

^d Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия

**“THE WEAK FORCE”:
THE POWER OF UNITY AND MUTUAL SUPPORT OF MEN
AND WOMEN IN THE CULTURES AROUND THE WORLD**

N. L. Pushkareva^a, T. I. Troshina^b, A. V. Belova^c, N. A. Mitsyuk^d

^a N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

^b Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

^c Tver State University, Tver, Russian Federation

^d Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation

Министерство образования и науки РФ, отдел этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск), Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ), Российский национальный комитет Международной федерации

исследователей женской истории (International Federation for Research in Women's History) при поддержке РФФИ и фонда «История Отечества» 7—10 сентября 2017 г. провели в Архангельске десятую, юбилейную международную научную конференцию. Ее тема — «Сила слабых: мощь объединенности и взаимоподдержки мужчин и женщин в культурах мира».

В связи с тем что 2017 г. отмечен столетием Октябрьской революции, в программе мероприятия акцент был сделан на обсуждении приобретений и потерь, которые принесли завоевания революции в женскую историю. Участникам предстояло обсудить историю и современность социальной активности женщин, вопросы равноправия и стереотипов, женского лидерства и прав женщин, проблемы эйджизма и сексизма, «народного идеала» женщины в связи с проблемой «силы слабых». Неслучайно известная немецкая писательница середины XX в. А. Зегерс (а именно у ее сборника рассказов было решено позаимствовать название для встречи) утверждала, что *слабость сильных — в их одиночестве, а сила слабых — в единении*. Этот тезис показался очень важным для обсуждения в связи с десятилетием общей работы сторонниц направления женской и гендерной истории.

Из почти 300 авторов тезисов и материалов более 150 исследовательниц и исследователей из пяти стран (Россия, Латвия, Швеция, Исландия, США) и 29 городов РФ: Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Волгограда, Вологды, Екатеринбурга, Иванова, Калининграда, Казани, Красноярска, Нижнего Новгорода, Омска, Саранска, Самары, Старого Оскола, Перми, Казани, Костромы, Краснодар, Пензы, Петрозаводска, Пскова, Смоленска, Сыктывкара, Твери, Томска, Челябинска, Череповца, Ярославля, а также близлежащих Новодвинска и Северодвинска приехали в Архангельск, чтобы принять личное участие в мероприятии.

Широкий круг участников юбилейной конференции, среди которых не только историки, но и представители других гуманитарных наук (этнологи, антропологи, социологи, социальные психологи, педагоги, политологи, литературоведы, юристы, культурологи, философы), а также представители общественных организаций, обсуждали методологию и историографию женской и гендерной истории, смену форм гендерных контрактов и взаимозаменяемость современных семейных ролей, репродуктивных политик и отношение к этому социума, женский трудовой опыт и социальную активность, гендерные аспекты инвалидности, историю и социологию телесности, историко-философские и историко-социологические аспекты сравнения женского и мужского общественного участия и профессионального превосходства. Главной темой конференции стала проблема женского лидерства, а также гендерных аспектов сотрудничества и взаимопомощи, объединения усилий для решения вопросов социального благоденствия.

Работа по подготовке встречи была долгой и непростой: успехи объединенности и взаимоподдержки женщин-исследовательниц, которые изучают к тому же свою, женскую историю, не всем очевидны. За весь период существования РАИЖИ общероссийский научный форум с заметным международным участием до того лишь однажды был поддержан РГНФ и пару раз Фондом Михаила Прохорова: отечественные научные структуры будто не замечали успехов направления женской истории. Между тем публикации — расширенные материалы выступлений участниц конференций РАИЖИ — можно найти в самых

престижных научных изданиях и в нашей стране, и за рубежом. Но результаты обсуждений на форумах РАИЖИ в обобщающие труды и учебники чаще всего не попадают. На юбилейной, десятой конференции в пленарных докладах несколько докладчиков выразили сожаление по этому поводу, равно как отметили то, что абсолютное большинство текстов, реконструирующих наше общее прошлое, все так же пишутся мужчинами и о мужчинах.

Организаторы конференции в качестве базовой проблематики предложили не раздельное изучение женской и мужской истории, а изучение сопоставительное, обсуждение различных аспектов женского и мужского лидерства, гендерных аспектов сотрудничества и соработничества, истории и динамики перемен на поле объединения усилий во имя решения вопросов социального благоденствия. На этом настаивали выступавшие, определяя стратегические задачи РАИЖИ, концептуализируя проблемные приоритеты — корреляцию научного направления женской и гендерной истории и женской общественной активности, деятельности женских общественных организаций (доктор исторических наук, профессор Н. Л. Пушкарева, доктор политических наук, профессор О. Г. Овчарова, доктор исторических наук, профессор Т. И. Трошина, профессор Университета Акюрейри (Исландия) Ада Грилли).

В процессе плодотворной работы девяти секций, отдельные из которых включали в себя несколько панелей, состоялся эффективный обмен мнениями и развернулись оживленные дискуссии по поводу наиболее остро обсуждаемых в науке и обществе вопросов. Тематика секций отразила плюральность современного проблемного поля женских и гендерных исследований, а также методологических подходов к их реализации. Немало дискуссий вызвали обсуждения особенностей гендерного равноправия на Русском Севере.

На протяжении трех дней было организовано девять следующих заседаний:

- секция 1. Кросс-культурные и компаративные исследования гендерных аспектов лидерства и сотрудничества;
- секция 2. Изменения практик повседневности под влиянием современных вызовов;
- секция 3. Семья и супружеский союз: распределение ролей и воспитание лидерства;
- секция 4. Образование — путь обретения силы;
- секция 5. Слабые, ставшие сильными. Женская самоорганизация;
 - панель 5.1. История женской самоорганизации и преодоления сопротивления;
 - панель 5.2. Историко-психологические проблемы и гендерные аспекты лидерства;
- секция 6. Закон на защите женщины или против нее?
- секция 7. Гендерные стереотипы в профессиональной деятельности. Помогающие профессии;
 - панель 7.1. Образование и воспитание как традиционно женская профессия;
 - панель 7.2. Гендерный аспект помощи инвалидам. Работа в организациях для инвалидов. Вопросы реабилитации женщин-инвалидов и помощь

- семьям с детьми-инвалидами. Профессиональная помощь другим как путь обретения силы. Помогающие профессии в прошлом и настоящем;
- панель 7.3. Женщина на тяжелых работах. Новое применение сил: «неожиданные» женские профессии;
- секция 8. Гендерные подходы к изысканиям в области культурологии, литературоведения, языкознания;
- панель 8.1. Женское и мужское пространство в традиционной и современной культуре;
 - панель 8.2. Образы сильной женщины в литературе и художественном творчестве. Гендерные изыскания в языкознании;
- секция 9. Контроль над телом женщин и мужчин. Индустрия красоты и здоровья;
- панель 9.1. История медикализации помощи нуждающимся в поддержке. Контроль над рождаемостью. Репродуктивное поведение в условиях социальной модернизации;
 - панель 9.2. Женщины и мужчины в повседневных практиках и индустрии красоты и здоровья в прошлом и настоящем.

В рамках работы конференции состоялся круглый стол на тему «Сто лет равноправия: приобретения и потери», в котором приняли участие как ученые, так и активистки женского движения в Архангельске, а также активисты других организаций. На этой дискуссионной площадке обсуждались вопросы демографии, карьерных устремлений женщин, правовые проблемы.

В качестве межрегиональной общественной организации РАИЖИ открыта к диалогу, отстаивает идею объединительности без различия политических, методологических и идейных пристрастий, поскольку только она может обеспечить диалог ученых в полноценном научном объеме. Помимо объединительности, сторонницы направления и члены РАИЖИ придают большое значение междисциплинарности своих исследований, равно как взаимодействию специалистов не только разного профиля, но и разного уровня академической квалификации.

Конференция РАИЖИ — площадка для расширения знаний и опыта молодых специалистов — аспирантов, соискателей, где они имеют уникальную возможность приобщиться к результатам исследований видных российских и зарубежных ученых (интерес к конференции за пределами Российской Федерации высок и продолжает расти с каждым годом).

Проведение исследований, имеющих теоретический и прикладной характер, распространение их результатов среди ученых, преподавателей, молодых начинающих политиков — важнейший приоритет деятельности РАИЖИ. В немалой степени именно благодаря этим усилиям гендерный подход к анализу прошлого и настоящего постепенно завоевывает свое признание со стороны ученых и преподавателей, работающих в области социальных и гуманитарных наук. Участники конференции смогли ознакомиться с книжной выставкой, встретиться с общественностью Архангельска (областным Советом женщин) в историко-архитектурном комплексе «Гостиные дворы».

Ученые приняли участие в выездных заседаниях на родине М. В. Ломоносова с посещением села Холмогоры, Антониево-Сийского монастыря, городского музея и музея деревянного зодчества «Малые Корель» в Северодвинске.

Своеобразной благодарностью за теплый прием со стороны участников конференции стала серия открытых лекций. Результаты своих научных исследований участники конференции в популярной форме представили студентам и преподавателям Северного (Арктического) федерального университета. По мнению слушателей, а также самих докладчиков, такая форма общения с принимающей стороной заслуживает внимания и ее стоит применять на последующих конференциях РАИЖИ.

Практическими результатами конференции следует считать оживление научных дискуссий относительно важности развития женских и гендерных исследований, рост социальной активности женщин и усиление женского лидерства, а также публикацию тезисов докладов в специальном издании (Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы десятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7—10 сентября 2017 г., Архангельск / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2017).

Материал поступил 11.10.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Трошина Татьяна Игоревна — доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, tatr-arh@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Social Work and Social Security, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation).

Белова Анна Валерьевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, belova_tver@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of World History, Tver State University, Tver, Russian Federation).

Мицюк Наталья Александровна — доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, ochlokratia@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation).

РЕЦЕНЗИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 120—125
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.12

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 120—125
ББК 88.323
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.12

Рец. на кн.: *Поллак У. Настоящие мальчики: как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве*. М.: Ресурс, 2014. 512 с.

Е. Б. Хитрук

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия, lubomudreg@gmail.com

Review to: *Pollack W. Real Boys: Rescuing Our Sons from the Myths of Boyhood*. Moscow: Resource, 2014. 512 p.

E. B. Khitruk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
lubomudreg@gmail.com

Книга профессора Гарвардского университета, содиректора Мужского центра больницы Мак-Лин, основателя Общества психологического изучения мужчин и маскулинности Американской психологической ассоциации Уильяма Поллака «Настоящие мальчики» представляет собой итог двадцатилетнего исследования проблем мальчиков, в том числе и в рамках проекта «Слушая голоса мальчиков». В своей работе доктор Поллак ставит задачу преодоления устаревших и вредоносных стереотипов о природе мальчиков и принципах их воспитания. «Голоса» самих мальчиков, истории их жизни и борьбы, рассказанные ими, а также их родителями и педагогами, легли в основу этого беспрецедентного исследования.

Книга доктора Поллака открывает читателю тот факт, что, так же как многие другие социальные группы, испытывавшие давление и дискриминацию в течение долгого периода западноевропейской истории, мальчики были лишены собственного голоса в культурном пространстве. За них и вместо них деятели науки и религии, педагогики и психологии проговаривали их специфические нужды и потребности, устанавливали правила их поведения, а также регламентировали жесткие, а зачастую и жестокие способы контроля за исполнением этих правил.

Суть такого внешнего взгляда определялась, да и сегодня в значительной мере определяется, андроцентристским характером культуры и бинарным стилем мышления, формирующими представление о мужчине как о физически развитом, бесстрашном и эмоционально замкнутом мачо. Мальчики в этом контексте рассматриваются как существа, обязанные доказать свою мужественность, демонстрируя все значимые атрибуты традиционного эталона «настоящего» мужчины [Бадентэр, 1995: 119—120]. Что при этом переживают сами мальчики? Каким именно образом такое «видение» и система воспитания влияют на их эмоциональное здоровье и в целом благополучие? Как именно эта традиция отражается на дальнейшей жизни взрослых мужчин в качестве отцов, мужей и профессионалов? Подобные вопросы воспринимаются в данном контексте как некорректные. Да и стоит ли обращать внимание на «издержки» традиционной модели социализации мальчиков, если она направлена на воспитание героя, защитника, опоры семьи и государства? «Стоит!» — отвечает в своей книге У. Поллак. Более того, именно восприятие самими мальчиками своей непростой жизненной ситуации, а также внимательное исследовательское отношение к конкретным историям и проблемам способны впервые приоткрыть завесу над подлинным положением мальчишества в современном мире. Ежедневные битвы мальчиков за радость жизни, за дружбу и любовь, за право выражать нежность и привязанность, за право быть эмоционально открытыми, не страшась прослыть женоподобными, — это как раз та правда о мальчиках, в которой так нуждается современное общество, впервые созревшее для серьезной и глубокой попытки понять и узнать «настоящих» мальчиков.

Начиная с первых страниц своей книги, доктор Поллак характеризует современную систему воспитания мальчиков как проблемную. Традиционное представление о мужественности противостоит сегодня объективным тенденциям плюрализации маскулинных паттернов, что в мальчишеской среде приводит к нарастанию неопределенности в понимании того, что значит быть мужчиной. Как следствие, напряженность размывания четких диспозиций маскулинности парадоксальным образом сосуществует в социальном пространстве с императивом «будь мужчиной», подразумевающим традиционные коннотации. Эта противоречивость внешних требований формирует мальчика, «разрезанного надвое» [там же: 196]. Одна из его половин демонстрирует классические маркеры гегемонной маскулинности — риск, бесстрашие, напористость и успех, другая — подавленность, растерянность и глубокое одиночество. «Даже те мальчики, — пишет Поллак, — которые внешне выглядят успешными, молча страдают внутри — от растерянности, одиночества и отчаяния. Они в разладе с собственным внутренним Я и часто чувствуют себя отчужденными от родителей, родственников и сверстников» [Поллак, 2014: 17]. Маска маскулинности скрывает страх и отчаяние на настоящих лицах наших мальчиков.

У. Поллак видит главную причину сложившейся ситуации в том, что современное общество продолжает поддерживать и воспроизводить те традиционные представления о противоположности полов и естественной эмоциональной закрытости мужчин, которые само это общество объективно переросло. Плюрализация моделей маскулинности, так же как и преодоление гендерного неравенства, является неизбежным шагом на пути взросления нашей цивилизации.

Однако ригидность общественной структуры, функционирующей как на уровне институциональных гендерных режимов [Коннелл, 2015], так и на уровне рутинных практик, поддерживает существование традиционного эталона маскулинности и обеспечивает его репрессивное влияние на стили поведения и модели социализации. Один из основных ударов этого фундаментального социального противоречия, без сомнения, приходится на мальчиков. «Не осознавая того, — пишет Поллак, — общество судит мальчиков по устаревшим представлениям о мужественности и о том, как мальчик становится мужчиной. Эти модели (многие из которых датируются девятнадцатым веком) просто не имеют ничего общего с современным миром» [Поллак, 2014: 20].

У. Поллак фиксирует два основных источника поддержания указанной напряженности в мальчишеской среде. Первый источник связан с эссенциальными представлениями о том, что в современном обществе подвижных дефиниций мальчики продолжают являться теми, кто обладает неизменной сущностью («мальчишки есть мальчишки»). Эта сущность предполагает в качестве естественных для мальчиков раннюю сепарацию от семьи, отсутствие таких негативных переживаний, как страх или стыд, отсутствие навыка проговаривания своих чувств, предпочтение физического способа разрешения конфликтов, дистанцирование от всего женского или женственного. На деле данная сущность выступает своеобразной смирительной рубашкой, которую независимо от своих индивидуальных особенностей и потребностей должен носить каждый мальчик для того, чтобы быть признанным нормальным в среде и взрослых, и сверстников. Любое, даже самое минимальное отклонение от этого эталона жестко табуировано [там же: 32]. Второй источник связан с той культурной формой, в которой происходит трансляция описанной выше эссенциальной установки. Эта форма удивительным образом обеспечивает стабильность производства и воспроизводства сущностной модели мальчишества в среде самих мальчиков и юношей и обозначается У. Поллаком как «мальчишеский кодекс». «Кодекс, — пишет доктор Поллак, — это комплекс поведенческих стратегий, правил поведения, культурных предрассудков и даже языковых норм, которые внушаются мальчикам в нашем обществе с самых первых дней жизни» [там же: 22]. Данный свод неписаных правил сравним с зеркалом, в котором отражается не настоящее лицо мальчика, но устаревший и противоречивый, хотя и активно навязываемый обществом образ идеального мальчика. Стараясь подражать этому абстрактному образу, мальчики постепенно теряют способность понимать себя и критически относиться к тому набору табу, который постоянно обращает к ним общество посредством «мальчишеского кодекса». Маска постепенно врастает в лицо...

Мальчишеский кодекс настолько вплетен в самые разнообразные сферы общественной жизни, что доступ к его осознанию, а следовательно, и к ограничению его негативных последствий (депрессии, суициды, агрессия, одиночество [там же: 22]) оказывается в значительной степени затруднен базовыми схемами мышления, имеющими глубокие корни в истории западноевропейской цивилизации [Бурдые, 2005: 294].

Однако исследовательский опыт доктора Поллака убеждает его в том, что мальчики способны сопротивляться репрессивному воздействию культурных стереотипов. При этом современные педагоги, психологи, родители должны

понимать, как остро наши мальчики нуждаются в любви и поддержке на этом сложном пути. «Настоящим мальчикам, — пишет Поллак, — нужны рядом люди, которые позволят им показывать *все* свои эмоции, включая наиболее интенсивные чувства грусти, разочарования, страха» [Поллак, 2014: 508]. Воспитание эмоциональной открытости — один из самых важных шагов к деконструкции репрессивной модели мужской социализации. Поддержка вместо устыжения, привязанность вместо сепарации, уважение вместо давления должны стать глубинной основой нового отношения к воспитанию мальчиков для того, чтобы они осмелились показать обществу свое настоящее лицо. Как утверждает доктор Поллак, «если им не мешать, мальчики — в высшей степени любящие и заботливые существа» [там же: 507].

Книга У. Поллака «Настоящие мальчики» — одна из первых попыток распознать в мальчиках еще одну социальную группу, претерпевающую мощное негативное давление бинарной гендерной схемы традиционной культуры [Vem, 1981]. Наряду с женщинами, трансгендерами, этническими и сексуальными меньшинствами, мужчины и мальчики также являются «священной жертвой» андроцентристского нормативного канона [Гилмор, 2005: 235]. Их, очевидно, привилегированное положение в обществе имеет и обратную сторону «в виде постоянного напряжения или усилия (иногда доводимого до абсурда), навязываемого каждому мужчине необходимостью доказать свою мужественность» [Бурдые, 2005: 325].

Одновременно с этим книга доктора Поллака уже успела стать классическим произведением в рамках современного направления гендерных исследований — *boyhood studies*. Развивая методологию мужских исследований (*men's studies*) представители данного направления (М. Киммел, Р. Коннелл, Д. Гарбарино и др.) стремятся не только описать существующие репрессивные практики мужской социализации, но и детально проработать философские, психологические и социальные аспекты их деятельного преодоления [Kimmel, 2002, 2003; Connell, 2000; Garbarino, 1999].

Изучение специфических проблем мальчиков, в том числе и благодаря масштабному исследованию У. Поллака, приобретает в современном научном дискурсе большое значение. В то же время эта тенденция в общественном пространстве продолжает сосуществовать с так называемым консервативным поворотом, благодаря которому обретают свое новое воплощение ценности традиционной культуры. Милитаризированная модель маскулинности как один из самых ярких маркеров традиционализма вновь обращает к нашим мальчикам целый комплекс жестких требований и запретов, реализующих классические мифы о мужчине как бесстрашном, сильном и молчаливом воине. В значительной мере эта попытка воссоздания традиционной культуры связана со специфическими перипетиями политической, социальной и религиозной ситуации в Российской Федерации. Как отмечал И. С. Кон, настоящая беда российского общественного сознания заключается в подмене трезвого научного подхода «примитивной морализацией, когда весь мир делится на “плохое” и “хорошее”, и надежде на то, что все проблемы могут быть решены с помощью денег и административного ресурса» [Кон, 2009b: 385].

Российская педагогика остается «бесполой», в то время как мальчики и девочки продолжают испытывать специфическое и разнонаправленное давление классической гендерной схемы. И даже тогда, когда о различиях все-таки вспоминают, зачастую эта схема, разрушительные последствия которой многократно описаны в гендерных, женских и мужских исследованиях, и выступает универсальным критерием специализированного подхода к мальчикам как будущим защитникам и к девочкам как будущим домохозяйкам.

Замалчивание и отрицание мальчишеских проблем [Кон, 2009а: 305] способствуют только нарастанию масштаба депрессий, суицидов, алкоголизации и преступности в мальчишеской среде [Хитрук, 2017].

Издание книги У. Поллака «Настоящие мальчики» в России — замечательный повод задуматься о том, что грамотное и последовательное, основанное на современном материале и методологии изучение мальчиков — это не вопрос частного исследовательского интереса, но в действительности вопрос здоровья нашего общества, вопрос жизни и смерти.

Библиографический список

- Бадентэр Э.* Мужская сущность / пер. с фр. И. Ю. Крупичевой, Е. Б. Шевченко. М.: Новости, 1995. 304 с.
- Бурдые П.* Мужское господство // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики: сборник статей / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286—365.
- Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М.: РОССПЭН, 2005. 259 с.
- Кон И. С.* Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009а. 704 с.
- Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009б. 496 с.
- Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 432 с.
- Поллак У.* Настоящие мальчики: как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве / пер. Е. Жолниной. М.: Ресурс, 2014. 512 с.
- Хитрук Е. Б.* «Я не могу себе этого позволить»: система табу в современной мальчишеской культуре // Мальчишество как социокультурный феномен: сборник материалов Международной научной конференции / под ред. Е. Б. Хитрук. Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2017. С. 4—10.
- Ветт S.* Gender schema theory: a cognitive account of sex typing // *Psychological Review*. 1981. Vol. 88, № 4. P. 354—364.
- Connell R.* *The Men and the Boys*. Sydney: Allen & Unwin, 2000. 272 p.
- Garbarino J.* *Lost Boys: Why Our Sons Turn Violent and How We Can Save Them*. New York: Free Press, 1999. 288 p.
- Kimmel M.* A war against boys? // *Tikkun Magazine*. 2002. Vol. 15, № 6. P. 57—60.
- Kimmel M.* About a boy // *Vassar*. 2003. Vol. 100, iss. 1. URL: <http://vq.vassar.edu/issues/2004/01/last-page/> (дата обращения: 15.05.2017).

References

- Badentèr, È. (1995) *Muzhskaia sushchnost'* [The male identity], Moscow: Novosti.
- Bem, S. (1981) Gender schema theory: A cognitive account of sex typing, *Psychological Review*, vol. 88, no. 4, pp. 354—364.
- Burd'e, P. (2005) Muzhskoe gospodstvo [Male dominance], in: Burd'e, P. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki*, Moscow: Institut èksperimental'noï sotsiologii, St. Petersburg: Aleteïa, pp. 286—365.
- Connell, R. (2000) *The Men and the Boys*, Sydney: Allen & Unwin.
- Garbarino, J. (1999) *Lost Boys: Why Our Sons Turn Violent and How We Can Save Them*, New York: Free Press.
- Gilmor, D. (2005) *Stanovlenie muzhestvennosti: kul'turnye kontsepty maskulinnosti* [Manhood in the making: cultural concepts of masculinity], Moscow: ROSSPÈN.
- Khitruk, E. B. (2017) “Ja ne mogu sebe ètogo pozvolit'”: sistema tabu v sovremennoï mal'chisheskoï kul'ture [“I can not afford it!”: the taboo system in the modern boyish culture], in: Khitruk, E. B. (ed.) *Mal'chishestvo kak sotsiokul'turnyï fenomen*, Tomsk: Natsional'nyï issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, pp. 4—10.
- Kimmel, M. (2002) A war against boys?, *Tikkun Magazine*, vol. 15, no. 6, pp. 57—60.
- Kimmel, M. (2003) About a boy, *Vassar*, vol. 100, iss. 1, available from <http://vq.vassar.edu/issues/2004/01/last-page/> (accessed 15.05.2017).
- Kon, I. S. (2009a) *Mal'chik — otets muzhchiny* [The boy is the father of a man], Moscow: Vremia.
- Kon, I. S. (2009b) *Muzhchina v meniaiushchemsia mire* [Man in a changing world], Moscow: Vremia.
- Konnell, R. (2015) *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika* [Gender and power: Society, personality and gender policy], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pollak, U. (2014) *Nastoiashchie mal'chiki: Kak spasti nashikh synoveï ot mifov o mal'chishestve* [Real boys: Rescuing our sons from the myths of boyhood], Moscow: Resurs.

Материал поступил 12.09.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хитрук Екатерина Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, lubomudreg@gmail.com (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
--------------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера	5
Бегинина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Гендерные стереотипы современной провинциальной молодежи: опыт социологического измерения	19
Газизуллина П. Г. Влияние самосохранительного поведения на здоровье российских подростков: гендерный аспект	30

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект	43
Воронин Г. Л., Янак А. Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя	53
Микляева А. В., Румянцева П. В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе	67
Ростовская Т. К., Калиев Т. Б., Завьялова Н. Б., Безвербный В. А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт	78

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Валькова О. А. Наперекор общественному мнению: российские женщины-ученые в конце XVIII — начале XIX в.	89
Фурсова Е. Ф. Взаимопомощь в различных жизненных ситуациях у сибирских крестьянок первой трети XX в.	99
Доржу З. Ю., Очур Н. М. Роль образования в изменении положения женщин в Тувинской Народной Республике	106

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Пушкарева Н. Л., Трошина Т. И., Белова А. В., Мицюк Н. А. «Сила слабых»: мощь объединенности и взаимоподдержки мужчин и женщин в культурах мира	115
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Хитрук Е. Б. Рец. на кн.: <i>Поллак У.</i> Настоящие мальчики: как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве. М.: Ресурс, 2014	120
<i>Информация для авторов</i>	126

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
-------------------------	---

SOCIAL SCIENCES

SOCIOLOGY OF GENDER

Grigorieva I. A. Elderly women: over the hill — age- and gender-wise	5
Beginina I. A., Ivchenkov S. G., Shakhmatova N. V. Gender stereotypes of provincial youth today: a sociological study	19
Gazizullina P. G. The effects of risk behaviors on adolescent health in Russia: gender aspect	30

SOCIOLOGY OF FAMILY

Pankratova E. V., Khasbulatova O. A. The concept of family life quality in sociology: gender aspect	43
Voronin G. L., Ianak A. L. Single-parent families: their types and social portrait of the lone parent	53
Miklyaeva A. V., Rumyantceva P. V. “#Sheisamother”: implicit social beliefs about motherhood in the modern Russian internet discourse	67
Rostovskaya T. K., Kaliev T. B., Zavyalova N. B., Bezverbnyy V. A. Prevention of violence as a factor of family security: Russian and Kazakhstan experience	78

HISTORY AND ARCHEOLOGY

WOMAN'S HISTORY

Valkova O. A. In the teeth of public opinion: Russian women-scientists in the late XVIII — early XIX c.	89
Fursova E. F. Mutual assistance in various life situations of Siberian peasant women of the first third of the XX c.	99
Dorzhu Z. Iu., Ochur N. M. The role of education in the transformation of the status of women in the Tuvan People's Republic.....	106

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Pushkareva N. L., Troshina T. I., Belova A. V., Mitsyuk N. A. “The weak force”: the power of unity and mutual support of men and women in the cultures around the world	115
--	-----

REVIEWS

Khitruk E. B. Review to: <i>Pollack W.</i> Real Boys: Rescuing Our Sons from the Myths of Boyhood. Moscow: Resource, 2014	120
<i>Information for the authors</i>	126

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 1 (86) — 2018

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 22.02.2018 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 47. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

